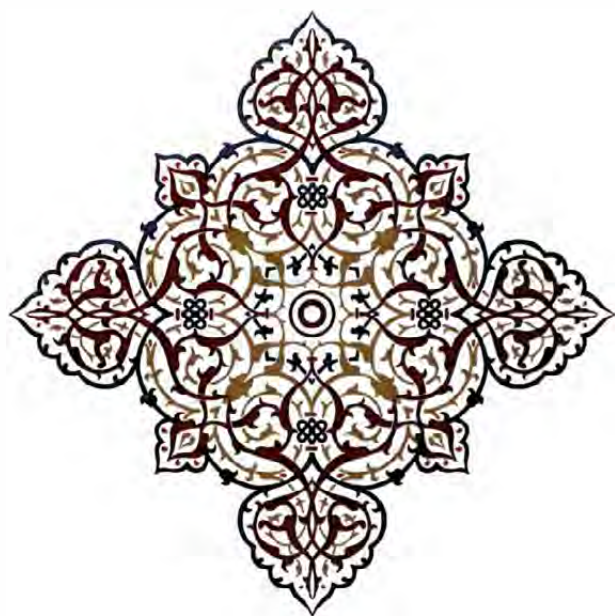

МИХАИЛ
ДАДАШЕВ

И
ОТ СМЕХА
ИНОГДА
БОЛИТ
СЕРДЦЕ...

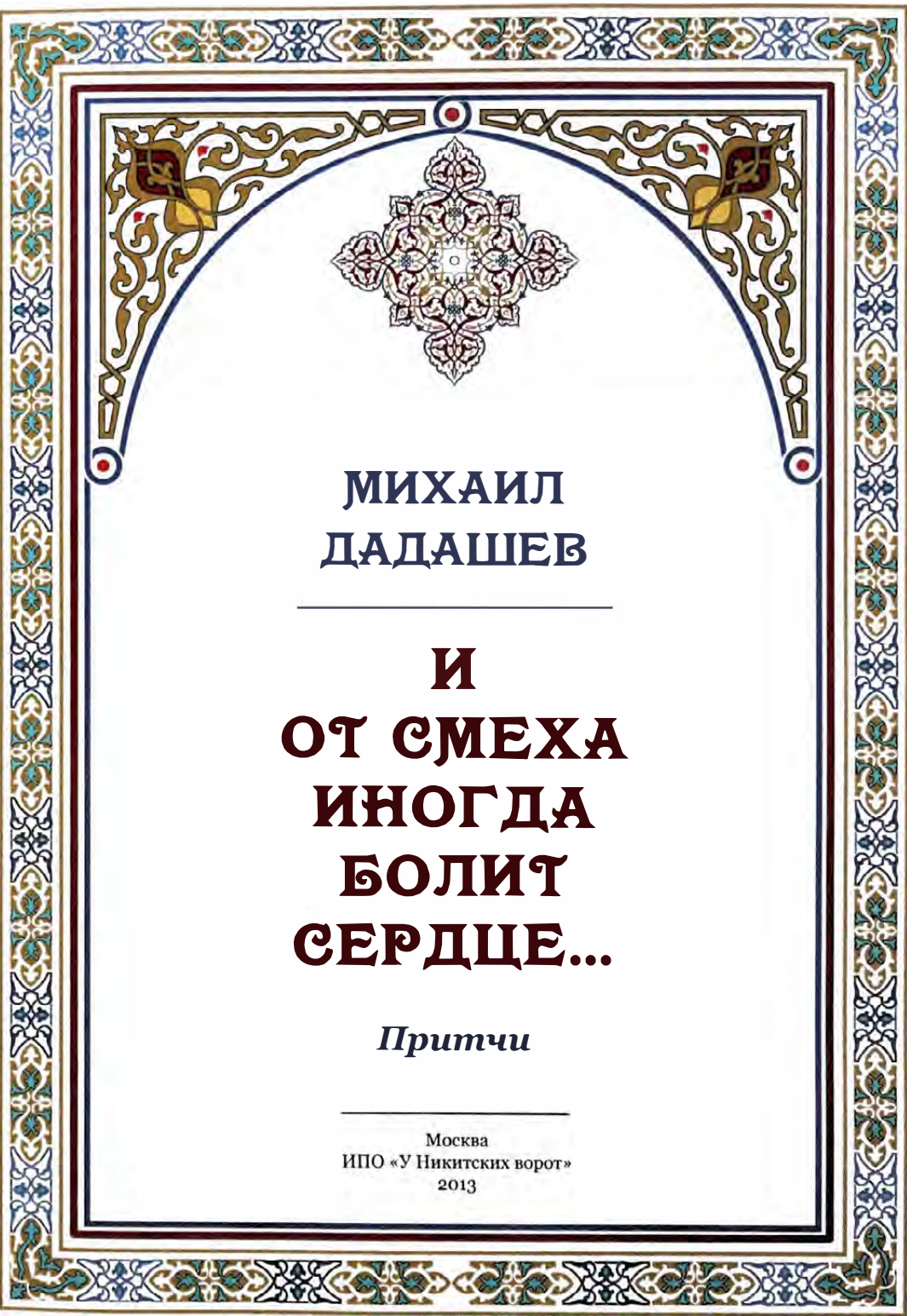
Притчи

*Михаил Дадашев – член СП России,
автор ряда романов, повестей, рассказов и притч.
Более десяти лет живёт в Москве.*

*Литературная деятельность в семье Дадашевых
традиционна: известным дагестанским поэтом
был его дядя, Манувах Дадашев,
его прадед Хизгия-эми Дадашев был первым
татским сказителем.*

The book cover features a wide, ornate border with repeating geometric and floral patterns in blue, gold, and green. At the top center, within a decorative arch, is a complex, multi-colored geometric ornament. The author's name is printed in a dark blue, serif font.

МИХАИЛ
ДАДАШЕВ

**И
ОТ СМЕХА
ИНОГДА
БОЛИТ
СЕРДЦЕ...**

Притчи

Москва
ИПО «У Никитских ворот»
2013

...Трудные наступили времена. Мы теряем
лучшие традиции народов Дагестана: уважение к матери,
и вообще к женщине, уважение к гостю,
забываем о дружбе и дружбе и так далее.
Притчи Михаила Дадашева помогут нашей молодёжи
сохранить эти традиции...

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

Из выступления на встрече с трудящимися

*Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Международного Литературного Фонда*

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КНИГЕ

Я с большой радостью пишу эти строки, поскольку волею судьбы знаком с процессом работы автора над данной книгой. Помнится, ещё в начале семидесятых годов на одном из литературных вечеров в Дербенте М. Дадашев неожиданно для меня начал читать свои притчи. Слушатели восторженно приняли эту новую работу писателя. Заинтересовали притчи и пишущего эти строки. Я посоветовал Дадашеву не ограничиваться двумя-тремя притчами, а продолжить эту своеобразную литературно-исследовательскую работу, ибо видел в ней совершенно необычное и, безусловно, интересное для читателя дело. Дадашев тогда ещё сказал, что он давно занимается фольклором, часто беседует с аксакалами, записывает прозвучавшие из их уст наиболее поучительные, наполненные народной мудростью предания или рассказы.

И вот перед нами около шестидесяти притч — плод многолетнего труда автора. Примечательно многообразие их тематики: они — о любви, о справедливости, о слове, об удаче, о терпении, о правде, об обмане, и так далее. Иными словами, в этой далеко не шаблонной форме повествования автор без назидательного нажима, деликатно и педагогично приглашает читателя к раздумью о целом ряде явлений в нашей повседневности, независимо от того, позитивны они или негативны. Как правило, притчи уводят нас в далёкое прошлое, поэтому мы встречаем в них падишахов, визирей, ханов, мифические существа и прочих архаичных героев. От этого никуда не денешься, ибо притча — древний фольклорный жанр, природу которого ломать было бы бессмысленно и несправедливо.

К чести автора, он бережно отнёсся к собранному материалу, стараясь сохранить мудрость народа с её весьма древними истоками. Однако настоящие притчи являются не просто обыкновенным пересказом услышанного автором от его мудрых земляков; в большинстве своём это — совершенно новые «самоцветы» писателя.

Я считаю главным достоинством работы Дадашева максимальное приближение идейной направленности каждой притчи к наболевшим вопросам сегодняшнего дня. Судите сами: разве с повестки сегодняшнего дня нашего общества сняты вопросы, скажем, о семейной верности, о правде и справедливости, об обмане и алчности, о консерватизме и потребительском отношении к жизни? Ответ может быть только одним: конечно, не сняты. Именно поэтому, как мне представляется, автор использует традиционный приём: почти каждая притча имеет проекцию на сегодняшний день.

Для примера сошлюсь на притчу о сатане. В селении Мюшкюр на годекане колхозник Бобо, виноградарь по специальности, рассказывает о своих производственных делах, и как бы исподволь разговор переводится на, казалось бы, абсурдную тему — где прячется сатана. И тут другой колхозник в забавной и поучительной форме рассказывает притчу, из которой следует, что сатана прячется в нас самих, в людях! Не могу не воздать должное мудрости этой притчи, как, впрочем, и многих других.

Название книги «И от смеха иногда болит сердце...» заставляет задуматься о проблемах человеческой жизни. Этим книга интересна, необычна и, уверен, полюбится читателю.

Н. И. Алиев, поэт

ПРИТЧИ

Рассказывают, что в далёкие времена, когда цари иранские, встревоженные набегами гуннов и хазар, между горами Кавказскими и морем Восточным строили великий город с дивными каменными стенами, жил неподалёку от тех мест коварный бек. Решил он в горном ущелье, у берега говорливой реки, что стремительно стекала с крутых вершин, возвести на земле отцов подобающий ему дворец.

Строили его три известных в округе каменных дел мастера, которые с рассветом приступали к работе и лишь на закате возвращались в свои сёла. Среди гор, где человека с рождения до самой смерти сопровождают скалы, выросло немало искусных мастеров по камню, чьи филигранные творения по сей день изумляют потомков.

Но стал замечать бек, что один из мастеров был каким-то особенным, непохожим на двух других: камни кладутся им в стену ровно и с одного раза, он не тороплив, но и не медлителен, от товарищей не отстаёт, смотрит и говорит с достоинством, без подобострастия, впечатляет основательностью, подобно дереву с могучими корнями или дворцу на крепком фундаменте. Каждый день после работы он неторопливо умывался у родника, без суеты приводил себя в порядок, и если его товарищи стремглав бежали домой, он шёл спокойным шагом уверенного

в себе человека. Удивлялся бек таким вельможным повадкам райята, его горделивой уверенности, и в глубине души порой возникали въедливые сомнения. «Вельможа», – с насмешкой называл он его про себя, решив, что есть во всём этом какой-то секрет...

И с твёрдым намерением открыть эту тайну вознамерился бек побывать в домах своих мастеров. Начал он с двух других, а «вельможу» решил посетить последним, помня, что истина познаётся в сравнении.

На следующий день, когда каменщики приступили к обеденной трапезе, бек, переодевшись в нарядный костюм, направил своего коня к дому одного из райятов. На стук в дверь вышла жена мастера, красивая женщина средних лет, одетая, необычно для будней, в нарядное голубое платье.

– Извините, ханум, – заметив неподдельный испуг в её глазах, заговорил бек. – Я и мой конь устали с дороги, – он показал на привязанного к дереву иноходца. – Не разрешите ли вы отдохнуть у вас часок-другой?..

– В доме нет хозяина, – стыдливо опустив голову, проговорила женщина.

– Я ненадолго, – с какой-то вкрадчивой мягкостью сказал бек и протянул золотой дерхем. – Вот, возьмите, пожалуйста, за постой...

Увидев золото, женщина оторопела: долг замужней – не пускать в дом чужого мужчину – в этот миг боролся в ней с присущей жадностью, но желание иметь много денег и возможность за просто, без особых затрат, получить их одержали, наконец, верх, и она не устояла.

Проводив гостя в кунацкую, она принесла ему чай и направилась было уходить, когда у самой двери бек мягким окликом остановил её:

– Извините, ханум, вы не скажете, как проехать до местечка N? Не поднимая головы, женщина ответила.

А потом доброжелательный и душевный тон гостя, его щедрость (за чай он выбросил на стол ещё один золотой!) настроили её на откровенность, и она рассказала, что у неё подрастают двое детей, которые сейчас забавляются нехитрыми играми на бахче за домом, что муж-каменщик работает нынче за какие-то гроши у местного бека, что радостей в жизни почти нет...

Прощаясь, бек попросил разрешения завтра в это же время, на обратном пути, побывать здесь ещё раз, и женщина без колебаний согласилась. В знак благодарности и неподдельной теплоты бек вложил ей в ладонь ещё один дерхем, чем окончательно расположил к себе хозяйку дома, и как бы невзначай погладил её упругое плечо.

К обеду следующего дня жена каменщика уже ждала гостя: накрыла стол яркой нарядной скатертью, приготовила вкусный обед, а детей тем временем отправила к своей матери. Бек обратил внимание на её изящный наряд и притворно похвалил её, отчего хозяйка вознаградила гостя кокетливой улыбкой. Гость давал ей один дерхем за другим: за теплоту и внимание, за вкусный обед, потом за трепетное рукопожатие, вслед за этим за поцелуй, потом ещё... И так в каждую новую страницу их совместной истории он вкладывал по золотому, пока с жаром не дочитал её до конца...

А жена второго каменщика оказалась угрюмой и не словоохотливой. Отказавшись от платы, она всё же приняла гостя и предложила ему кунацкую, а затем вкратце поведала, что нажила с мужем четверых детей, а тот теперь тайком бежит к другой. По её морщинистым щекам текли горячие слёзы, и беку по-человечески стало жаль эту преждевременно постаревшую женщину...

В дом третьего мастера бек ехал в трепетном ожидании нового приключения. Он строил разные предположения, а потом сам же их отметал. Но то, что ему довелось увидеть на пороге дома «вельможи», превзошло все ожидания: перед ним стояла редкой красоты молодая женщина...

В первую минуту бек стоял как заворожённый и не мог отвести глаз, потом, словно в забытьи, произнес:

– Вот это лань!

Женщина, словно горная серна, стремительно взбежала на порог и хотела захлопнуть дверь перед этим неизвестно откуда взявшимся нахалом, но бек, опомнившись, не дал закрыть дверь и взволнованно заговорил:

– Красавица! Поверь, я объехал всё от Балха до Тавриза, во всей Албании для меня нет неизведанных уголков, но, клянусь этим светом, такого чуда нигде не встречал. Скажи, как тебя зовут?

Женщина, испугавшись, сперва попятилась назад, потом молниеносным движением схватила висевший на стене ятаган и возмущённо воскликнула:

– Или ты сейчас же уйдёшь, душман, или я убью тебя!

– Ханум! – окончательно придя в себя и ухватив женщину за руку, мягко заговорил бек. – Не бойся, я не причиню тебе зла...

Ему стоило немалых усилий отобрать у неё ятаган. Когда обесиленная этой неравной борьбой несчастная и оскорблённая женщина осталась безоружной, она устало села на стул и заплакала.

...В комнате было чисто и уютно. В очаге горел огонь, кипел kazan – видно, хозяйка готовила к вечеру ужин. В углу играл годовалый мальчуган, и когда он увидел плачущую мать, с трудом поднялся и, похоже, впервые в жизни, качаясь и широко расставляя непослушные ножки, пошёл к матери; устав с непривычки, упал на руки ей, потом сел у подола материнской юбки и настороженно, с удивлением посмотрел на бека.

– Вы потеряли намус, человек, – плача, говорила женщина. – Ворвались в чужой дом...

Даже слёзы были ей к лицу: бледность щёк озаряла её лицо больше, чем синий ночной небосвод айвовая луна, а за мокрыми ресницами, как два яхонта, ещё ярче сверкали вишенки глаз.

– Но ханум, я же не сделал тебе ничего плохого! – с величием и достоинством проговорил бек. – Я только хочу тебе помочь! Такой цветок не для этого бедного, заброшенного сада. Ты оглянись вокруг себя, здесь немудрено и завять скоро... Я богат, ханум! Я брошу к твоим ногам лучшие украшения. Ты – редкий алмаз, ханум, но не для этой бедной оправы! – бек развёл руками, указывая на её окружение. – Поверь, я хочу спасти тебя...

– Меня? Спаси? – удивилась женщина, словно только последние слова и слышала. – От чего? От счастья? Да знаешь ли ты, душман, что я самая счастливая женщина?! Каждая вещь здесь, пусть самая дешёвая, напоминает мне о любви и радости, вот и это дитя – плод нашей любви, моей и мужа, а того, кто дарит мне это счастье, кого я люблю больше жизни, я каждый вечер жду, как праздника! Уйдите, недобрый человек, мне не нужны ваши украшения...

Смущённый бек, поняв всю тщетность своих уговоров, нарочито взорвался:

– Да знаешь ли ты, раба, с кем говоришь? Я твой бог и судья, и всё, всё, что на этой земле: ты и твой муж, что строит мне дворец, сотни тысяч голов скота и райяты, идущие по моему приказу на смертный бой, – всё принадлежит мне, беку! А ты, несчастная,

вздумала мне перечить?! Я долго уговаривал тебя, а сейчас соби-
райся, поедешь в мой гарем...

Женщина вскочила с места, бросилась к его ногам и стала про-
сить бека пощадить её очаг, не гасить его огонь. Она слёзно умо-
ляла не растаптывать хрупкую чашу её любви.

– Ты сейчас же поедешь со мной! – настаивал коварный бек.

– Нет! Не-е-т! – вскричала вдруг женщина. – Не бывает этому...
лучше смерть! Убей, душман, или я... сама...

В следующую секунду она подбежала к очагу, схватила нож и
направила его к своей груди. Лишь чудом успел бек перехватить
её руку и предотвратить роковой удар.

– Не надо, ханум, – мягко сказал он, поразившись её непре-
клонности. Потом, улыбнувшись, добавил: – Открою один секрет:
я шёл сюда с тайными мыслями и, увидев твою красоту, чуть не
потерял рассудок, но теперь склоняю голову, ханум...

Бек возвращался на своём иноходце неторопливо, словно устав-
ший после тяжёлого боя воин. Только теперь понял он, в чём тай-
на того искусного мастера-каменщика...

Три месяца длилась её болезнь, и лишь к исходу зимы хворь стала проходить. Женщина блаженно замирала от яркого солнца, от робкой радости и надежды на прибавление сил и улыбалась безо всякой причины – словно вместе с природой пробуждалась и она сама.

Сегодня она попросила открыть окно, тяжело приподнявшись, села на постель и оперлась спиной на большие пуховые подушки, услужливо подложенные ей любящим мужем.

Глинистый бугорок за домом озолотился бодрыми цветочками мать-и-мачехи: листьев нет, а на каждом мясистом стебельке – по жёлтой шапочке. Сирень проклюнула набухшие почки. Расцвёл миндаль.

Усталыми, но лучистыми глазами смотрит женщина сейчас в окно и радуется солнцу, первой зелени, весёлой болтовне пернатых, возвращающейся к ней жизни.

Несмотря на причуды молодой жены, особенно в последнее время, муж любил её и старался быть предупредительным. Жили они дружно и в среднем достатке. Семилетняя дочь-первоклашка и годовалый мальчуган украшали их жизнь, наполняя её смыслом и радостными хлопотами.

– Ой! – воскликнула больная однажды, увидев за окном знакомую женщину, и обратилась к мужу: – Вон, видишь, Гюльсюрх? Какой на ней красивый плащ! Я такой хочу!

– Хорошо, дорогая, – ответил муж, обрадованный её выздоровлением.

Через день плащ был куплен.

– Ой! – воскликнула она в следующий раз. – Вон Шекер, соседка наша. На ней шаль японская, я тоже такую хочу...

И эта просьба была удовлетворена.

Со временем просьбы женщины становились самыми невероятными; мир, открывшийся вдруг её взору, вызвал в ней такое обилие желаний, что она, словно балованное дитя, требовала порой их немедленного исполнения, не считаясь ни со временем, ни с возможностями, обвиняя мужа при этом в чёрствости, эгоизме и жадности.

Но когда прихоти её стали одна причудливее другой и они истощили вконец семейный кошелёк, супруг оказался в тупике. После очередной просьбы он ласково взял её руку, подсел к ней ближе и сказал:

– Ты знаешь, дорогая, я тебя очень люблю и готов сделать для тебя всё, что ты пожелаешь, даже жизнь отдать. Но выслушай меня, я расскажу тебе старую притчу – ты же любишь разные были-небылицы.

– Да, дорогой, рассказывай...

– Так вот, слушай... Была у падишаха единственная дочь – наследница его неслыханных богатств и царского престола, радость всей его жизни, да вот так же, как и ты, заболела...

– Спасибо, дорогой, за сравнение, – улыбаясь, проговорила женщина, ласково погладив руку мужа. При этом айвовые губы и щеки её слегка порозовели.

Он тоже улынулся, но от тайной мысли, которая вдруг пришла ему на ум: «Вот что делает с женщиной даже косвенное сравнение», – а вслух продолжил:

– Тому, кто вылечит его дочь, падишах обещал целое состояние: хурджин золота...

– Наверное, желающих оказалось немало, – словно в забытии произнесла жена, а потом, спохватившись, вдруг добавила: – Извини, дорогой, я совсем разболталась...

И в самом деле, до самого конца рассказа она не проронила ни слова.

– Да, – подхватив её мысль, продолжал муж, – желающих заполучить такое богатство было немало, но подлинных лекарей, знатоков человеческих недугов, среди них не оказалось. И потому затужил падишах и с ледяным в сердце страхом ждал скорой

развязки. Но однажды... Ты не улыбайся, в жизни, наверное, так и бывает: однажды к поэту приходит нужное слово, к гению – великая идея, ребёнок, чтобы стать человеком, неожиданно произносит первое слово, тонущий хватается за счастливую «соломинку», невесть каким образом вдруг оказавшуюся рядом... Так и здесь. Выискался вдруг лекарь, который взялся вылечить дочь падишаха, и... вылечил. Счастливый шах приказал вызвать своего казначея и выдать спасителю дочери обещанную плату. А тот обратился вдруг к падишаху со странным вопросом:

– Великий падишах, позвольте обратиться к вам с просьбой?

– Да, сын мой, – ответил с улыбкой счастливый отец, – говори, я буду рад выполнить любую твою просьбу.

– Могли бы вы, мой падишах, изменить условия нашего договора?

– Всё, что угодно! – с готовностью ответил шах. – Но что ты хочешь?

– Вот носовой платочек с небольшим узелочком, – лекарь показал его шаху. – Я прошу вас выдать мне столько золота, сколько он будет весить...

– Что с тобой, сын мой, твоя просьба – одна-две монеты, – удивился падишах, – а я дам тебе в тысячи раз больше. Ты, наверное, шутишь?

– Не шучу, падишах, нет, – отвечает лекарь, – так вы согласны исполнить мою просьбу?

– Странный ты человек, – сказал вконец озадаченный шах. – Что ж, будь по-твоему... Казначей, исполни его просьбу!

Принесли весы, положили на одну сторону платочек лекаря с узелочком, а в другую чашу – одну, две, три, десять, сто золотых монет, но платочек всё перетягивал.

Удивился шах, засуетилась вся его свита, краснел от злости вначале ухмылявшийся казначей.

На весы были положены все монеты казны, в ход пошли золотые слитки, потом драгоценные изделия, а конца всё не было – платочек оказывался тяжелее. Не выдержал уже и возмущённый шах:

– Да что же в этом платочке, лекарь? Не колдун ли ты, не дьявол ли в человеческом обличье? – но, заметив невинный взгляд молчавшего лекаря, приказал: – Неси, казначей, всё, что есть в казне! Слово есть слово!

И когда на весы были положены всё золото и драгоценности казны, когда по свите шаха прошёл шёпот недовольства и возмущения, когда коварный визирь намеревался уже арестовать этого «нахала», осмелившегося так жестоко надсмеяться над шахской доверчивостью, опасную ситуацию исправил сам лекарь.

Он взял платочек, развязал узелочек, и все, увидев его содержимое, ахнули от удивления...

– Что же было в нём? – не выдержала жена рассказчика.

– Глаз, дорогая, ненасытный человеческий глаз!..

Окружавленные Мешок

Колёса поезда стучали монотонно и нудно, как старая заигранная пластинка. Ритм этот никак не вязался с моим внутренним настроем, и потому было как-то не по себе. Несмотря на уговоры двух молодых людей распить с ними бутылочку сухого вина, я наотрез отказался и взобрался на полку. Нет, не мирилось моё сердце, не принимало сознание – хотя я был тому свидетель, – что моего друга уже нет. Как это он однажды, узнав о моей болезни, запыхавшись, прямо с вокзала, влетел ко мне в кабинет и крепко обнял. «Что, пошаливает? – весело спросил он тогда, а потом тихо добавил: – Береги себя...» А себя не сберёг, не берёт, не умел этого делать... Не о нём ли сказал мудрый поэт:

Я стал нередко думать, став старше,
Что жизнь вершит порой неправый суд,
Что умирают лучшие скорее,
Что лучшие себя не берегут...

О нём, наверное. «Да, удивительно хрупка и уязвима человеческая жизнь, – подумал я. – словно мыльный пузырь из ребячьей трубочки: летит, блестит всеми цветами радуги, а потом – бух! И нет...»

Внизу раздался резкий звук гранёных стаканов, и молодой голос произнёс:

– Давай выпьем за верность нашу!

Друзья снова чокнулись и выпили.

– Э-хе-хе! – тяжело поднимаясь со своего ложа, заговорил четвёртый пассажир нашего купе, седой, с морщинистым лицом старик. – Хорошие слова говорите, сынки мои, хорошие...

– Садитесь с нами, отец, – пригласили его молодые.

– Я уже своё выпил, – улыбнулся старик и, погладив седые усы, добавил: – Да, выпил...

Он удобно сел на полку, посмотрел в окно, словно искал там что-то, потом, повернувшись к молодым, хитро улыбнулся им и продолжил:

– Кхе... кхе... В молодости, ну, когда я был таким, как и вы сейчас, много у меня было друзей... Молодость, сынки, словно молния, быстра на всё. Пришёл я как-то раз к отцу и говорю: «Дай мне, отец, денег, я хочу выпить с друзьями». Дал он мне денег. В семье у нас так было заведено: всё в один котел, и если надо – бери. Хорошо погуляли мы тогда с друзьями, весело... Пришёл я к отцу второй раз, говорю: «Дай мне, отец, денег, я хочу выпить с друзьями». Посмотрел отец на меня как-то пронизывающе-пристально, снова, не сказав ни слова, дал денег. Я и их истратил с новыми друзьями. И так много раз я брал у отца деньги, чтобы пить и гулять с друзьями, а их у меня становилось всё больше и больше... Кхе... кхе...

И вот однажды, когда я в очередной раз попросил отца дать мне ещё денег для новой встречи с друзьями, он усадил меня рядом с собой и осторожно спросил:

– Ты уверен, сын, что все те, с кем ты проводишь весело время, верные твои друзья?

– О чём ты говоришь, отец? – удивлённо спросил я его тогда. – Конечно...

– Они будут с тобой как в радости, так и в беде? – не унимался отец.

– Конечно! – снова уверенно отвечал я. – Да это же... такие ребята!..

– Очень рад, сын, очень рад... В таком случае, – говорит он мне тогда, – ты можешь выполнить одну мою просьбу?

– Конечно, отец, – снова удивился я, – о чём речь...

– Вот и хорошо, спасибо, сынок, – сказал отец. – Там, во дворе, окровавленный мешок, в нём только что освежёванный мною баран. Ты видел его?

– Нет, – снова не понимая загадок отца, ответил я.

– Ничего, увидишь. А просьба моя вот такая, – продолжал отец, словно излагал соучастнику план намеченной операции. – Мы с тобой запряжём сейчас наш фаэтон, положим туда этот мешок и поедem к любому из твоих друзей...

– Зачем?.. – невольно вырвалось у меня.

– Слушай дальше, – словно не замечая моего удивления, продолжал отец: – Я арабачи, так сказать, лицо постороннее... Ты же зайдёшь к своему другу и скажешь ему, что ты убил человека, и убитый, мол, в этом мешке, и пришёл ты к нему за помощью: мол, надо спрятать этот мешок... Идёт?

– Но зачем, отец, этот маскарад? – ничего не понимал я.

– Ты обещал исполнить мою просьбу? – хитро взглянув на меня, спросил отец. – Так исполняй... Только чур, всё должно быть вполне серьёзно.

Сказано – сделано. Запрягли мы фаэтон, отец бросил в него указанный мешок, и мы поехали в соседнее село к моему другу, с которым мы недавно пили.

Оставив отца во дворе, я постучался к другу в дверь сакли. Говорил я с ним недолго и вернулся удручённый.

– Он сказал, что в этом деле помочь не может, – стыдливо опустив глаза, ответил я на немой вопрос отца, – но ты не огорчайся, отец, мы сейчас поедem к другому моему другу, это здесь недалеко, мы только вчера вместе пили, он точно поможет.

Где-то в полночь мы приехали к дому моего нового друга. Но и от него я вернулся ни с чем. И так несколько раз в эту ночь друзья отказывались помочь мне в беде. Отец молчал, а я был в отчаянии, готов был заплакать от гнева и обиды.

Вот тогда, поняв мое состояние, заговорил отец:

– Знаешь, сын, не горюй, есть у меня друг в Мюшкюре, правда, много лет мы с ним не виделись. Поедем, может, он чем поможет...

На рассвете мы подъехали к дому друга отца. На стук он сам открыл ворота и, увидев отца, ахнул от изумления.

– Вах! – улыбаясь, говорил он, обнимая сперва отца, потом меня. – Сколько лет, сколько зим! Заходите, дорогие, какая радость!..

– Нет, подожди, – сказал отец, – дело есть...

– Дело? – удивился хозяин, – говори, дорогой...

– Беда случилась: в честном бою я убил своего недруга, вот он, в этом мешке, – отец показывает на мешок в фазтоне. – Помоги его спрятать.

– Вах, о чём речь, если ты убил, значит, этот негодяй заслуживал этого, – решительно говорит хозяин и берёт лопату. – Вот, где я стою, тут мы его и спрячем, – и начинает рыть яму...

Тогда-то впервые за всю эту долгую ночь отец улыбнулся, обнял своего друга и с волнением произнёс:

– Спасибо, дорогой, я и не сомневался, но дело не в тебе. Так, проверка одна требовалась. – Он снял с фазтона мешок, развязал его и вынул баранью тушу. Потом, обращаясь ко мне, добавил: – Вот что, сын: друзей найти в жизни очень легко – сел, выпил, вот тебе и друг. А вот сохранить дружбу, быть верным дружбе, нести в сердце великое слово «друг» – трудная задача, и не каждый её может решить. Верные люди, сын, о дружбе не говорят, её молчаливо делают! Кхе... кхе...

Старик закончил свой рассказ и умолк. Колёса поезда стучали монотонно и нудно, как старая заигранная пластинка. Я вдруг с болью и горечью вспомнил, что моего друга уже нет...

Шари персидские, кои в течение долгих веков господствовали на землях древней Албании, для укрепления своих границ не жалели ни средств, ни людских жизней. Могучие стены вырастали на путях северных варваров, «железными воротами» называли их неприятели, а на вершинах гор вечными памятниками народным умельцам воздвигались маленькие башни-крепости, огнём своих факелов извещавшие о приближении врага. Вот и была построена тогда редкой красоты башня – крепость Кемах, откуда прошлое смотрит в сегодня глазами полуразвалившихся бойниц...

Жил, говорят, в этой крепости лекарь Худоот, голубоглазый красавец, с душой чистой, как горный родник, а умением – равного не было в целой округе. Травами и кореньями, водами редких родников или словом добрым он исцелял умирающих, поднимал немощных, давал силу ослабшим, и со всех окрестных сёл шли к нему так, как всё живое тянется к свету.

Молва есть молва, иногда она правдива, а порой преувеличена, но очевидцы рассказывали, что видели у его дома раненого барса с перевязанной лапой и что понимал лекарь языки и повадки зверей.

В тот год и пришла в Кемах недобрая весть, что у ширванского шаха тяжело больна единственная дочь, несравненная Гюльбоор, что со всех концов вилайета пригласил шах знахарей, врачей да лекарей, но помочь больной никому не удалось. В траур, говорили, одеты шах и его приближённые, и тому, кто вылечит дочь-наследницу, обещана великая награда.

«Что ж, попробую и я, – решил Худодот. – Да поможет мне великая сила добра!» И с твёрдым намерением попасть к ширванскому шаху в Кабал собрался в путь.

...Снаряжали лекаря всем аулом: кто свежий чурек испёк ему в дорогу, кто вкусный овечий сыр принёс и положил его в хурджин, кто бурдюк вина, чтобы путник мог утолить жажду. Так в горах наших было всегда – добро возвращалось добром.

Какими дорогами шёл лекарь Худодот, где останавливался на ночлег и сколько дней был в пути, об этом никому не ведомо, но людская молва утверждает, что пришёл он к шахскому дворцу уже под вечер, после того, как мулла пропел вечерний азан и городские ворота закрылись...

Надвигалась звёздная летняя ночь, и уставший путник наш с сожалением отошёл от закрытых ворот, присел у чинара, что росли здесь в три ряда, утолил голод остатками еды из хурджина и облокотился о широкий ствол. Никем не нарушаемая тишина и тусклый свет шафрановой луны, пробившийся сквозь листву деревьев, окутали лекаря покоем, и он блаженно заснул.

Вот тогда и произошло невероятное, то, чего лекарь никогда ранее в себе не замечал и не мог объяснить в течение всей своей жизни: у спящего Худодота нежданно-негаданно заговорили ноги.

– Друзья! – торжественно произнесли они. – Завтра утром откроются городские ворота, наш хозяин пойдёт к шаху, вылечит красавицу Гюльбоор, и его ждёт великое будущее. И знаете благодаря кому? Нам, ногам! Не было бы нас, не смог бы он прибыть сюда, значит, не могло быть и всего остального. Вот и получается, что мы – самые главные у человека. Недаром говорят: ноги кормят человека. И потому просим к себе почтения!

– Ну и ну!.. – возмутились руки. – Вы от скромности не скрючитесь! Почтения?! Да знаете ли вы, хвастунишки эдакие, кто такие руки?! Если хотите знать, именно руки создали самого человека! Если бы вместо рук были лапы, наш хозяин, словно зверь какой, ходил бы на четвереньках, и даже тот же трусливый волк одолел бы его. Да если у него не будет рук, как он будет прикасаться к больной, чувствовать её кожу, органы, варить собранные травы и давать ей? Великим он станет только благодаря нам и никому другому. Главные – мы!

– Вот слушаем мы ваши речи и диву даёмся, прямо сороки-балаболки, – заговорили уши. – Где вы спрятали совесть, без кото-

рой даже ангелы превращаются в дьяволов? Мир звуков, – мечтательно продолжали они, – мир музыки, чудесный мир любимых звуков и трелей соловья, и вдруг этого лишит человека... Представьте себе: наш хозяин глухой, а в крепость пришла весть о больной дочери шаха – первая ситуация, больная жалуется ему, что-то говорит – это вторая ситуация. Глухой мог услышать всё это? Что же вы молчите? Так вот, если логически рассудить, приоритет за нами!

– Что ни говорите, но без меня тоже не обойтись, – проговорил нос. – В отличие от вас, я – один, и не могу говорить в два голоса, но я за себя постою. Я – защитник хозяина, главный санитар его армии. Не было бы меня, он бы погиб, задохнулся, его лёгкие погибли бы от грязи, пыли и вредных микробов. Без меня он был бы лишён величайшего чувства обоняния, запаха нежных цветов, морской воды, хвойного леса, весенней горной полыни. А скольким вредоносным пылинкам я преграждаю дорогу, охраняя своему господину жизнь! Я страж...

– Когда коня подковывают, и осёл свою ногу суёт, – ухмыльнувшись, сказал кто-то из спорящих, прервав речь носа в самом её апогее.

– Вечно ты суёшься, куда не следует, – горделиво вступили в спор глаза. – Недаром говорят: «Глаза невзлюбили друг друга и между ними вырос нос». Ты однажды воспользовался нашим разногласием и влез между нами, как «друг семьи»... А теперь молчи, когда говорят старшие, младшие должны сопеть в н... в сопелку. – Они умолкли на секунду, а потом, собравшись с мыслями, продолжили: – Слепой хозяин – это горе и рукам, и ногам, и тебе, сопливому носу, и ушам, и всей той братии, которая тоже норовит что-то сказать здесь. Человек – это частица зелени лесов, сини морей и океанов, небесной голубизны, айвовой луны, мигающих, как глаза красавиц, звёзд, белой берёзы и прекрасного огня. И только тогда он чувствует себя как дитя природы, когда всё это видит! Жизнь – свет, темнота – отсутствие жизни. И потому мы надеемся, что вы поняли, какую великую миссию выполняем мы, служа человеку!

Установилась неловкая тишина, руки от предутренней прохлады ухватились друг за друга и теснее прижались к телу, ноги потерлись пятками, фыркнул и нос спящего, выбросив из своего волосяного бора какой-то застрявший ненужный комок.

– А обо мне вы почему-то забыли! – нарушив вдруг звенящую тишину ночи, заговорил язык. – Все вы так красиво и долго говорили о своей службе хозяину, словно поэты какие. Да, правда ваша, вы слуги человека, а вот я... я – его господин!

– Ах ты нахал, паразит, трутень, лентяй! – возмутились все разом. – Живёшь в тепле, ни жары, ни мороза не знаешь, ни труда, ни усталости, защищён, обласкан, неженка избалованная! Надо набраться нахальства и нам такое заявить... «Господин!» Мы тебе дадим, «господин»...

Умолк язык, глубоко затаив обиду за унижения свои.

Забрезжил рассвет: чёрные краски ночи сменились на серые, зашелестели листья на верхушках чинар, чирикнула птичка, обронив на голову спящего лекаря свою нужду. Мулла, поднявшись на минарет, пропел утренний азан, и городские ворота открылись.

Кабал! Великий город древнего Ширвана. Голубые купола мечетей устремились к Кебу, ажурные окна роскошных дворцов улыбаются многочисленным гостям, ароматные запахи караван-сараев заывают проголодавшийся люд, говорливо журчат живительные родники. И двух глаз не хватит человеку, чтобы охватить всю эту красоту.

Умывшись у родника, лекарь привёл себя в надлежащий вид и направился к шахскому дворцу. Ждать пришлось недолго, здесь искренне рады были каждому, кто брался вылечить больную дочь шаха.

– Откуда ты, путник? – устало спросил вконец потерявший всякие надежды шах, когда лекаря привели к нему. – Ты молод и берёшься лечить людей?

– Я из крепости Кемах, – с достоинством ответил Худодот. – Независимо от возраста, накопленный опыт помогает мне возвращать людям здоровье.

– В этом дворце побывали великие лекари мира, сын мой, но, как видишь, всё безрезультатно... Что же ты собираешься делать? – снова спросил шах.

– Я... я пришёл... – в этот момент с бедным лекарем произошло что-то невероятное, он побледнел, как-то неестественно вытянулся, словно неведомая сила сковала и одурманила его мозг, и он, не выдержав этого напряжения, вдруг ослабевшим голосом произнёс: – Я пришёл убить вашу дочь, падишах!

Слуги и приближённые шаха всполошились и бросились на лекаря.

– Да он сумасшедший! – возмутился шах, – дайте ему хороших плетей и бросьте пока в подземелье... А завтра решим, что с ним делать дальше. Надо же...

Избитого, полуживого лекаря бросили в подземелье, чтобы завтра же отправить на эшафот.

– Ох! – стонали израненные и кровоточащие ноги. – Ещё бы немножко – и нас бы эти палачи вконец изломали! Ох!..

– Ой, ой, ой, – завывала рука, что сползла с груди лекаря и ударилась о каменный пол подземелья. – Что они с нами сделали, эти негодяи?! Ой, сил больше нет...

Тихо стонало изрезанное ухо, видно, плеть не пощадила и его, когда хозяин хотел лягнуть одного из палачей. Задышался от возмущения и боли разбухший нос, у ноздрей которого накопилась засохшая кровь. Слезаясь, расплылся опухший глаз. И ему было несладко.

И вдруг, в этом коловороте стонов и жалобных причитаний, наполнивших подземелье, раздался громкий хохот.

– Ха-ха-ха! – смеялся язык. – Что? Больно? Стонете? Так вам и надо, дураки! Это за вашу самонадеянность, – выговаривал он всем больным членам хозяина. – Я говорил, что я господин над человеком, а вы не только не поверили, а оскорбили, унизили меня. Что смотрите, словно с луны свалились? Да, да, достаточно мне было сказать шаху правду, что пришёл не убить, а вылечить его дочь, как всё бы изменилось: вы, ноги, не были бы изранены; ты бы, рука, не была вывихнута, а ты, нос-хвастунишка, так уродливо не растолстел; да и другим бы не досталось. Ну, теперь вы убедились?

– Да! Да! Убедились! – в один голос заговорили раненые. – Ты действительно господин! Ты всемогущ!..

– Я и сейчас могу всё изменить! – уверенно заговорил язык и с высоты своего положения горделиво взглянул на них. – Я могу человека и великим падишахом сделать, и несчастным рабом!..

Все хором стали его просить, умолять, не забывая при этом расхваливать вчерашнего «нахала».

Лекарь не спал: боль во всём теле не давала ему возможности заснуть. Он с открытым от удивления ртом слушал весь этот разговор и не верил своим ушам. И когда его вдруг пронзила мысль

о скорой гибели, он, собрав весь запас своих жизненных сил, подполз к дверям своего каземата и здоровой рукой стал стучать и звать стражу.

– Ты ещё живой, ненормальный? – удивилась стража. – Что, ещё хочешь получить? Ха-ха-ха...

Лекарь стал просить их отвезти его к шаху, он взывал к их советам, во имя их матерей и детей просил о сострадании, приводил сотни доводов, десятки примеров и, наконец, заключил: «Даже смертнику разрешают сказать последнее слово!» И убедил: у этих, казалось бы, бессердечных людей вдруг открылся затаённый лагерь сочувствия, и его повели к шаху.

– О мой справедливый шах! – начал лекарь свое слово. – Я передам вам диковинный разговор, невольным свидетелем которого стал на каменном полу вашего подземелья. Я поведаю вам о тайне, о существовании которой и не подозревал...

Он говорил с таким вдохновением, красноречием, что все, кто слушал эту речь, были поражены. Казалось, перед шахом был не простой лекарь, что пришёл сюда в поисках удачи и счастья, а умудрённый жизнью оратор, трибун, равного которому не было во всём свете.

И шах поверил лекарю...

Вима в тот год выдалась на редкость снежная, но чтобы в первый день марта в наших южных краях пошёл такой густой, всеобволакивающий снежный вал, такого не помнили и старожилы.

И надо же такому случиться, что именно в этот день мне, городскому землеустроителю, было дано задание побывать в единственном предгорном колхозе нашего в общем-то равнинного района, окружившего город кольцом садов и виноградников.

Заведующий фермой этого колхоза...

Нет, прежде о самой ферме: от центральной усадьбы колхоза, где размещались контора и другие учреждения, она находилась на отшибе, в отдалении, приютилась себе у самой подошвы горы, откуда одна дорога, вёрст на десять, вела наверх, в село, а другая – в город, куда ежедневно старая, ещё военных времён полупорка доставляла на завод парное молоко.

Так вот, заведующий этой фермой, уже немолодой человек низенького роста, словно сказочный мужичок-с-ноготок, но с непропорционально росту длинными пышными усами, придававшими ему довольно мужественный вид, заметив неподдельный страх в моих глазах, с нехитрой улыбкой заметил:

– Первый раз, наверное?..

– Да, – стыдливо признался я, как нашкодивший школьник, – никогда на коня не садился...

– Не бойся, – уверенно успокоил он меня, – конь смирный, до рогу к конторе знает, привычный... Другим транспортом сейчас

туда не добраться, мокрынъ, дорогу разнесло. Да вон ещё и небо заволокло. Садись, не тушуйся, я помогу.

Мне бы тогда отказаться, отложить командировку на день-другой, покуда всё утихнет, небо прояснится, уgomонится, так сказать, природа – не случилось бы приключений всяких, неприятных неожиданностей, но... Нет, всё же я благодарен судьбе, что, несмотря на всё пережитое, подарила мне эту незабываемую встречу...

А приключилось со мной вот что: не успел отъехать от фермы и трёх вёрст, как начался такой снегопад, какого мне в жизни видеть не приходилось. Всё вокруг затуманилось, завихрилось, покрылось сплошной белой скатертью. В течение нескольких минут дорога и виноградники на обочинах слились в сплошное поле с торчащими кое-где чёрными спинками мокрой лозы, которые со временем тоже исчезли под белым снежным покровом.

Всё бы ничего – не так уж долго предстояло ехать до села, всего лишь несколько вёрст, да вот беда: мой конь стал спотыкаться, проваливаться то в какую-либо яму, образовавшуюся после осенней вспашки виноградников, то зацепившись за невидимую, полегшую наземь крепкостволую лозу. Спотыкался так, что порой почти полностью терял равновесие.

Ничего мудрёного: моя смиренная коняга потеряла дорогу, попросту говоря, заблудилась...

Уж как я не вылетел из седла, как, неумейка, ухитрился попасть в такт движениям коня – непостижимо! Порой казалось, падение неминуемо, но во мне просыпался вдруг зов предков, пробуждалось великое чувство самосохранения, помогающее так вцепиться в коня, что никакая сила не могла сбросить меня с него.

Однако в следующее мгновение конь ушёл передними ногами куда-то глубоко, видно, почти к самому корню лозы, сделал усилие подняться, но, зацепившись за корягу, вдруг весь задрожал, сделал судорожное движение вперед, пошатнулся, и... я, вылетев из седла, угодил бедром прямо в твёрдое тело виноградной лозы.

Уж как коню удалось упасть на другой бок, как и каким образом он всей своей огромной тушей не придавил меня, не знаю! Лишь много лет спустя мне рассказали, что кони, если они смертельно ранены, если в них теплится хоть малая толика жизни, на седа своего не упадут...

Я рванулся встать, вылезти из снежного плена, даже привстал было, однако в следующую секунду острая боль в бедре пронзила

всё тело, и я упал... «Слава Богу, не головой, – успокоил я себя, ощупывая место ушиба, – нет, кажется, поломки нет...» «Так тебе и надо, дурень, – вдруг заговорил мой недовольный двойник, – тебе и этого мало, всё геройствуешь, не мог переждать...»

Я горько усмехнулся над собой, всё же поднялся, взял понурившегося, будто чувствующего вину коня под уздцы и, тяжело ступая (ушиб всё же давал о себе знать), медленно пошёл по направлению к селу.

Снегопад прекратился так же внезапно, как и начался. Стало светлее. По деревьям и кустам ежевики, как мне казалось, сориентировался на местности. Однако видимые на местности предметы меня основательно подвели, и я мог в таком состоянии ещё долго плутать, и тогда не миновать было большей беды, если бы не встреча...

Мой встречный в ста метрах от меня ехал на коне совершенно в другую сторону, нежели я, и был весьма удивлён моим маршрутом.

– Эй! – крикнул он мне вдогонку. – Вы куда идете?

Я назвал село.

– Так это же не туда! – ещё громче крикнул он. – Вы заблудились, друг мой, подойдите ко мне, я как раз еду в это село. Да на вас лица нет, – встревожился он в следующую минуту, когда я приблизился к нему, – что с вами? Так это вы?

Мы были знакомы. Я коротко рассказал о своих приключениях да о том, что уже второй час после пурги плутаю и не могу найти нужную дорогу. Он же, спешившись, помог мне сесть на коня и дал выпить из своего походного термоса кружку горячего чаю. Несмотря на тупую боль в бедре, ехать всё же было легче, чем идти, и мы двинулись в путь.

Моим спасителем оказался такой же, как и я, молодой человек. Ну, может быть, года на два-три моложе. «Неуёмный», как о нём говорили, секретарь райкома комсомола, который ехал в этот же колхоз уполномоченным от райкома партии на отчётно-перевыборное собрание.

Молодёжь района любила его, шла за ним. О его поразительной целеустремлённости и деловитости не раз говорили с высоких трибун, однако он молчаливо обходил похвалы, будто они его вовсе не касались. Я вспомнил, как он однажды, через несколько дней после своего избрания, поехал на комсомольское собрание

в овощеводческий колхоз и до полуночи собирал комсомольцев на объявленное накануне собрание, загнав партийного и комсомольского секретарей до седьмого пота. А потом, когда все комсомольцы всё же были собраны в стареньком колхозном клубе, куда прибежали и возмущённые мужья, жёны которых непривычно вынуждены были покинуть тёплое супружеское ложе, он поднялся и строго бросил в зал:

– Кто не желает оставаться в комсомоле, прошу написать заявление.

С этого дня комсомольцы района почувствовали, что к ним пришел настоящий вожак.

– А ты молодец, – оборвав мои воспоминания, обратился мой попутчик. – Не испугался такого натиска природы, когда повалил снег, я как раз был там, внизу, на ферме.

Я понимал, что говорит он это, чтобы приободрить меня, придать силы, и поэтому был ему вдвойне благодарен.

– Поскольку природа внесла в твои землеустроительные планы свои коррективы, давай вместе примем участие в колхозном собрании, предчувствую, что там сегодня разгорятся страсти...

Несмотря на то что дела в этом сравнительно неплохом колхозе в последние два-три года шли всё хуже, бюро райкома партии всё же решило рекомендовать колхозникам оставить председателя ещё на один срок. Провести в жизнь это решение и было поручено моему попутчику.

Однако часть колхозников, судя по их письмам в партийно-советские органы, была настроена весьма критически и требовала замены председателя. Другая же часть была за него. Вот почему, понимая весьма трудную миссию своего попутчика и ожидая действительно поучительного разговора, я принял его предложение.

...Собрание было бурным и шумным: то верх брали сторонники головы колхоза, то вдруг поднималась волна бескомпромиссной критики в его адрес, отчего его ковчег с гребня волны вдруг оказывался в пучине, готовый вот-вот потерпеть крушение.

Казалось, падение председателя неминуемо, однако равновесие сил не давало шансов ни одной из сторон. Выступил и уполномоченный. Он обратился к старшему поколению колхозников, говорил, что колхоз в недавнем прошлом был одним из лучших в районе и сегодня, когда производственные показатели снизились, нельзя всю вину возложить только на председателя,

надо взять её и на себя, хотя, конечно, ослабление требовательности со стороны председателя явно налицо. Но злоупотреблений у него нет. Об этом же говорят, мол, и выступающие. Так не лучше ли оставить его ещё на один испытательный срок, чем выбирать нового, которому надо ещё долго входить в курс дела.

Тогда с первого ряда кресел встал один из аксакалов – среднего роста худощавый старик – и неторопливой походкой направился к трибуне. В зале все затихли. Наступил тот момент, который и должен был решить судьбу председателя.

– Я думаю, товарищи, наш уполномоченный прав, – начал аксакал, чётко выговаривая каждое слово. – Он, хотя и молод, говорит мудро. Не пристало нам всё валить на голову колхоза, некрасиво получается. Выходит, когда дела идут хорошо – заслуга наша, а когда дело чуть захромало – виноват голова...

По залу прошёл лёгкий смешок, а старик, не обращая на это внимания, продолжал:

– Вот мы тут и решили, – он рукой показал на сидевших в первом ряду стариков, – что оставим нашего голову колхоза ещё на один срок... Но чур, председатель... – старик хитро улыбнулся и, показав на него указательным пальцем, добавил: – Возьмись за голову, ибо колхоз в следующем году голову потеряет...

Это и решило исход собрания: по залу сперва прошёл дружный смех, а потом аплодисменты.

И хотя приближалась ночь, люди расходились по домам не топясь, всё ещё продолжая говорить о сегодняшнем снеге и пользе от него виноградникам. Мы собрались было в обратную дорогу, когда к моему товарищу подошёл тот же старик, что так круто повернул ход собрания, и спросил:

– Скажи, сынок, не внук ли ты незабвенного Келебебе, известного мастера-виноградаря?

– Да, – ответил он, несколько озадаченный. – Вы что, его знали?..

– Ты сегодня мой гость, сынок, – с улыбкой ответил старик. – Вот дома я тебе и отвечу...

С молоком матери впитывается в нас чувство уважения к старшему, их благоговейное почитание, и потому я сразу понял причину замешательства, в которое вдруг пришёл мой товарищ, ибо он намеревался немедленно вернуться домой, успеть отпраздновать в эту ночь день рождения дочери.

– Ты не волнуйся, – по-своему поняв его замешательство, снова заговорил старик, – тебя и твоего товарища домой отвезёт на санях мой сын...

Тут уже пути к отступлению не было. Однако в следующие минуты, когда мы вошли к нему во двор, мой товарищ был удивлён ещё больше – прямо перед ним, как говорится, у ног, по беглому жесту старика сыновья тут же прирезали барана и стали свежевать его на шашлык. На Кавказе это – знак особого уважения к гостю. И потому мой товарищ был не только удивлён, но и немного сконфужен.

После прочих процедур гостеприимства, которые и сегодня свято соблюдаются в горах, нас пригласили в небольшую комнату к накрытому столу.

Старик приказал сыну открыть шампанское и разлить в бокалы. Приступили к трапезе.

– Я вижу, сынок, ты крайне озабочен, – заговорил старик, обратившись к моему молодому товарищу. – Вопреки обычаю и даже в его нарушение, – улыбаясь, продолжал он, – я, старый человек, за одним столом с молодыми не только выпью этот бокал шампанского, а буду и вас просить выпить со мной...

Старик выпрямился, по-молодому заискрился его взгляд.

– Я этого дня ждал... можно сказать, всю жизнь ждал, и потому, не пряча радости, говорю, что у меня сегодня праздник, праздник откровения, праздник души...

Мы тоже было повскакивали со своих мест (не пристало молодым сидеть в то время, как стоит старший), но старик мягким жестом усадил нас на место.

– Нет, нет, дети, вы сидите и послушайте, что скажет вам прошагавший большое поле жизни аксакал... Родился я почти в одно время с новым веком, лишь на месяц он опередил меня. И хотя рождение мальчика у нас считается событием, всё же моё появление в семье особой радости не вызвало. Да и о какой радости могла идти речь, если кругом бегала голь перекатная, бедность накрепко привязалась к нашей старой, покосившейся крестьянской сакле, а голод так и норовил унести одну жизнь за другой...

Старик как-то глухо кашлянул, ненадолго умолк, не выпуская из рук, поставил на стол бокал, потом оценивающе посмотрел на нас, словно взвешивал, можно ли нам рассказывать дальше, и продолжал:

– Мальчишкой ушёл в город, нанялся к местному богачу в работники... Был у них небольшой сад у самого дома, так вот в этом саду с утра до вечера пахал и сажал, убирал да выхаживал, добавьте к этому ещё: колол дрова на топку целого дома, нянчил барчуков, таскал полные корзины продуктов, э... э... всего и не перечислишь... А тут такое началось... сперва пришла весть, что в Москве сбросили царя, потом чехарда началась и у нас в городе. Сначала разбойничали турки, потом банды Деникина вкупе с англичанами... Когда пришла Советская власть, мне было уже девятнадцать. Хотя мы, безграмотные дети гор, тогда многого ещё не понимали, смутное было время, всё же слышали и видели, что власть эта за бедняка, в его защиту, и радовались этому. Да и не только радовались, а как могли, помогали. А мой хозяин, озлобленный этими переменами, увидев однажды моё сочувствие новой власти, пришёл в ярость, люто возненавидел меня и дал от ворот поворот...

Старик улыбнулся своей тайной мысли, кашлянул в кулак и продолжал:

– Так я без гроша в кармане, в одной рубашке и старых, прохудившихся чарыках оказался на улице. В то время виноградные сады оставались ещё в частной собственности, а незанятых рабочих рук было с избытком, и людям ничего не оставалось, как снова идти к частнику. Подался и я к ним, но быть бы мне не солоно хлебавши, если бы не твой дед, сердцу моему дорогой Келебебе...

Голос аксакала чуть задрожал и осёкся, глаза увлажнились, и, чтобы спрятать это, он на секунду прикрыл их рукой. Потом, преодолев волнение, твёрдо добавил:

– Жизнью своей, счастьем своей семьи обязан я незабвенному Келебебе и, покуда жив, помнить буду об этом... Был он старше нас, молодых, лет на шесть-семь, детей имел, трудолюбием же отличался невероятным... Вот он и уговорил садовладельца взять и меня в свою бригаду... Накануне же я обошёл многие дома, а работу не нашёл, зато попал под дождь, промок до нитки, голодал, заболел и был в отчаянии... Ободрел и приютил меня Келебебе в своём доме, целый год учил виноградарскому делу, а был он мастер великий в этом деле... Но душевная щедрость и благородство Келебебе этим не ограничились.

Старик внезапно умолк, будто силился вспомнить что-то очень сокровенное, и так же внезапно заговорил:

– Я в жизни встречал разных людей: добрых и злых, душевных и чёрствых, щедрых и скупых, встречал высокопорядочных, честных и открытых, но такого благородного в самом высоком смысле этого слова, как Келебебе, встретить больше не пришлось. Он оставил во мне такой след, что всё, что я делал потом в жизни, я всегда соразмерял с тем, что бы сделал в подобных ситуациях он...

Посудите сами... Ровно через год отец из села послал ко мне с поручением гонца, чтобы я вернулся домой, да чтобы непременно с деньгами, заболел, мол, и потому намерен свадьбу мне сыграть, женить меня, значит... А у меня, – старик горько улыбнулся, – у меня же за душой, как говорится, кот наплакал, малость приоделся за тот год, и всё... Что делать, как быть, не знаю. Хожу сам не свой, заговариваться стал, впору свихнуться. Через неделю за обедом, в присутствии жены и детей своих, Келебебе обнимает меня за плечи и тихо так, ласково говорит:

– Не тужи, друг мой, и не горюй, в селе отец ждёт тебя, к свадьбе всё готово...

– Как? – спрашиваю.

– А так, – отвечает, – обедай и собирайся, сейчас арба подъедет, в село тебя заберёт...

– Откуда же всё взялось? – недоумеваю я.

– Там всё узнаешь... – отвечает он и улыбается...

Старик опустил седую голову и ненадолго умолк, лишь в волнении дрожали его жилистые натруженные руки...

– Два говола муки, два хюма вина, три чанаха сушёной рыбы, пуд риса да невесте подарки послал тогда Келебебе к отцу в село от моего имени, мол, всё это к свадьбе... А ведь в то время это всё стоило немалых денег. Отдал, видно, всё, что накопил, да у друзей позанимал немного...

Прошли годы, пятерых сыновей и семь дочерей вырастили мы с женой, внуков и внучек две дюжины, добрых дел у каждого из нас немало: ореховый сад у подножия села – заложил его я, теперь он колхозный, родники, что сохранены и постройкой украшены в округе, – тоже дело рук наших, живём счастливо и в ладу с совестью... И всему этому, я считаю, обязан незабвенному своему другу, Келебебе...

Так уж случилось, при жизни друга не сумел сказать ему всех этих слов, и вот почему обрадовался, сын мой, узнав, что Келе-

бебе – твой дед; я устроил этот вечер, чтобы вспомнить и воздать должное Доброму Имени достойного человека!..

У каждого человека в жизни бывает три имени: первое, которое даётся ему при рождении, второе – это даже не имя, а кличка, приобретённая походя, третье же – это имя, которое ты заработал жизнью. Келебебе называли Светлым. Его уже нет, но добро его помыслов и дел по сей день светит всем, кто его знал.

Старик замолчал, пригубил бокал с шампанским, затем устало, но величественно сел на услужливо подставленное ему кресло.

Ели молча, видимо, никто не хотел первым нарушить состояние воцарившейся торжественности. Я искоса поглядывал на своего товарища, который сидел, словно наэлектризованный, то краснел от нахлынувшего вдруг потока похвал в адрес деда, то, поминутно вытирая потный лоб, становился бледным, будто оказывался на краю обрыва. Ему было нелегко. Я же благодарил судьбу за этот вечер и за эту встречу...

Затем сам же аксакал шуткой разрядил обстановку. За столом стало оживлённей и проще. Спокойствие вернулось и к моему товарищу, и он перед отъездом попросил слова.

– Спасибо вам, дорогой аксакал, за приглашение и добрые слова в адрес моего дедушки. Сегодня вы преподнесли нам, молодым, добрый урок. Ничего особенного в жизни я ещё не свершил, лишь стараюсь быть полезным. Это больше старания, чем дело... Но, как видите, очень часто пользуюсь вниманием и доброжелательностью окружающих меня людей. Это не потому, что я заслужил, нет, это не моя заслуга, я лишь пользуюсь плодами доброго имени своих предков. Всю жизнь я буду стремиться к тому, чтобы дети наши, так же как и мы, пили из родника Доброго Имени своих отцов...

Вот уже много лет, обнажая причудливое каменистое дно, отступает Каспий. Огромные камни у берега оголились совсем и омываются лишь у основания, а те, которые чуть дальше, в море, стоят словно в ряд, где по пояс, а где с головой в воде, выпячивая в тихую погоду покрытые морской зеленью скользкие спины.

Рыбакам стало вольготно, они становятся теперь на эти вылезшие со дна камни и закидывают свои удочки и спиннинги как можно дальше в море, где гуляют прожорливая тарашка и хитрая шамайка. Те же, кто смелее, в бахилах, ловко балансируя по скользким телам этих окаменевших чудовищ, идут дальше в море, чтобы получить ещё больший простор.

Вопреки традициям, на берегу появились и рыбачки. Их мало. От суетливой морской братии их отличают усердие и терпеливость. Молодая рыбачка непривычно ловко закидывает спиннинг и участливо слушает словесную перепалку рыбаков. Спор их разгорелся незаметно, как доселе дремавший, а потом вдруг вспыхнувший костёр.

– По соседству с нами, – подхватив чью-то неслучайную реплику, выворачивая наизнанку голенища мокрых бахил, говорил промокший до нитки большоголовый, широкотелый, с белой проседью на висках черноволосый рыбак, – жил один, лучше сказать... Хомяк. В войну нажил он, по нынешним временам, огромное богатство, барствовал, глумился над солдатами, как петух в курятнике. – Он тяжело вздохнул и ненадолго умолк. – Мужики все были на фронте, а этот... ущербностью прикрылся. Кривой-то

кривой, а вот хитрости был особой, поганец. Умер он несколько лет назад в старости да в достатке, а отпрыски после его смерти при делёжке награбленного отцом состояния чуть было горло друг дружке не перегрызли. Ах, возмутился я тогда, засомневался в справедливости Всевышнего, слепой и глухой Ты, говорю Ему про себя, как же Ты, Всевидящий, под самым, можно сказать, Своим носом столько мерзостей не заметил, ну и так далее... – он, ловко прикрывшись полотенцем, переоделся в сухие брюки и, выжав мокрую рубаху, расстелил её на камне. – Короче, конфликт у меня с Ним вышел. Вспомнил я своё голодное и холодное детство, горькую долю матерей наших, и такая меня злость одолела, не мог примириться, что этому негодяю такой благополучный конец выпал.

Октябрьское солнце хотя и светило ярко, а всё же море дышало свежестью.

– Гриша, а Гриш, – окликнула его рыбацка и бросила ему рубаху. – На, переоденься, не гляди, что солнце, прохладно, небось...

– А-а, Соня, спасибо, дружище. – Рыбак быстро надел брошенную ему рубаху и согласно добавил: – Да, как говорится, осень идёт и холод за собой ведёт...

– Может, у Хомяка-то твоего не так уж и ладно всё было? – подсев к рыбакам, спросила Соня.

– Представь себе, – в задумчивости ответил черноволосый Гриша, прыгая с одной ноги на другую и таким образом согреваясь, – самое невероятное случилось потом, прямо чёрт-те что... Сперва, где-то через год, умер его сын, хороший, в общем, парень... Не прошло и двух месяцев – в автомобильной аварии погиб и второй сын... Ах, думаю, гад ты поганый, сам напакостил, а дети теперь за тебя расплачиваются...

– Эй, Григорий, кончай физкультуру-то, садись чайком согрейся, – заметил его друг и протянул ему чашку дышавшего паром чаю. – Ты пей и рассказывай...

Григорий взял чашку, уселся в проёме скалы, где сидели промокшие рыбаки, отпил несколько глотков и продолжал:

– В течение трёх лет по его семье словно проклятье пронеслось. После трагической гибели сыновей у одной дочери дом сгорел, у другой всё украли, короче, всё пошло прахом, будто какая-то слепая сила, спохватившись вдруг за ранние промашки свои, разом решила всё исправить...

– В жизни всё так, – облокотившись о выступ скалы, глубоко-мысленно сказал уже немолодой, с широкой рваной осколочной раной на щеке, рыбак, – ни добро, ни зло безответными не остаются... Жаль только, что за злодеяния одних приходится расплачиваться другим... кхе... кхе...

Он как-то гулко, с хрипотцой кашлянул и провёл ладонью по ущербной щеке.

– Да-а, – задумчиво протянул самый молодой рыбак и, глубоко вздохнув, задумчиво добавил: – Надо же...

– Вы, мужики, не сердчайте, что баба в разговор влезла, – приподнявшись и став для удобства на колени, заговорила вдруг Соня, – хочу рассказать вам о своём отце, можно? – Она сразу умолкла и вопросительно взглянула на рыбаков.

– Валяй, чего там... – кто снисходительно, кто с улыбкой, разом зашумели рыбаки. – Ты, Соня, свой парень, рассказывай...

– Ну спасибочки, милые! – Соня разом всем благодарно улыбнулась, отчего чётче обозначились нежные ямки на её щеках. – Было мне лет пять-шесть, а в семье нас было семеро, когда мы всем гуртом перебрались в другое село... До сих пор для меня остаётся тайной, почему отец тогда, в лихую годину войны, переехал в новый аул...

– Может, от военкомата?... – с ехидцей заметил один из рыбаков.

– Не-е-т, – совсем без обиды ответила Соня, – хром он был... А вот мастер был большой, каменщик, что называется, золотые руки... У кого домик развалился, тому развалюху починит, кому коровёнку от лютой зимы прикрыть негде, тому сарайчик сварганит, когда же единственный мост, без которого аул оставался отрезанным от всего мира, начал рушиться, он дни и ночи, один – мужики почти все были на фронте – восстанавливал его... Э-э, что там говорить, не было такой семьи в ауле, кому бы он не помог, а сам, со всей нашей оравой, был без дома, жил в сарайчике одного доброго хозяина...

– Что же он, каменщик, не мог себе домик построить? – удивлённо спросил молодой рыбак.

Соня как-то странно, больше даже снисходительно посмотрела на него и ответила:

– Некогда было, наверное... для себя некогда было, кругом столько трудностей и горя, что о себе он, видно, забывал, работал, лишь бы людям помочь, да и нам на хлеб заработать... Скажу вам

по правде, – Соня вдруг оживилась и улыбнулась своим воспоминаниям, – и люди для отца ничего не жалели, платили ему добром... Помню такой случай: голодно было, а отец привёз мешок кукурузной муки, радость-то какая была... Привёз и положил у дверей сакли, домой не заносит... Мать ему говорит, ты чего, мол, домой-то не несёшь, а он в ответ, мол, подожди малость, а сам подзывает соседских детей и каждому даёт по полной миске. Половину мешка раздал. Мать ему говорит: «Ты что, шальной, делаешь, дети голодные!» А он отвечает: «Сею!» «Что?» – ничего не понимает она. А он хитро улыбается и снова отвечает: «Сею!» Признаюсь вам, мужики, мы все тогда в семье думали, что отец наш малость того, с причудами, не от мира сего...

– Ну ты молодец, Соня! – улыбаясь, проговорил молодой рыбак, зачарованно разглядывая раскрасневшуюся от волнения рыбаčku.

– Да, да, – подтвердила Соня, – к тому же он в самом конце войны заболел и слёг. Вначале ещё кое-как ходил, но через пару месяцев его разбил паралич, и он слёг окончательно... Можете себе представить, с горем одних рядом радость других, у некоторых мужья и сыновья домой возвращаются, а мы... без своего угла да ещё с парализованным отцом в чужом доме...

– Что же люди? – с какой-то надеждой спросил рыбак с изуродованной щекой.

– Люди? – переспросила Соня. – О них и речь... Втайне от нас они вскоре собрали сход и всем аулом решили построить для нашей семьи дом... и построили, переселили нас в него и до тех пор, пока мы не подросли... мы постоянно находили у своего порога то мешок муки, то баранью тушу, то сыр, то корм для нашей коровы, которая тоже была преподнесена в дар...

«Видишь, жена? – узнав о заботе аульчан, со слезами радости на глазах сказал как-то отец накануне своей смерти. – Ты спрашивала меня тогда, что я делаю? Сеял я, всю жизнь сеял...»

Соня умолкла, незаметно смахнула накатившуюся на глаза слезинку, приподнялась и отошла к своему воткнутому в расщелину скалы спиннингу. Каспий плескался о прибрежные камни, выбрасывая на них мириады брызг. Слышен был лишь шум начавшегося прилива.

– Да-а, видно, так и есть, – нарушил молчание черноволосый Григорий, – что посеешь, то и пожнёшь...

Анаит и Зулейха жили по соседству. Дома их, прижавшись друг к другу, четырьмя большими окнами смотрели на улицу, а дворовым фасадом повернуты каждый к своей полоске приусадебной земли, между которыми в обнимку росли два ряда инжировых и гранатовых деревьев, где безраздельно, не признавая границ, господствовала детвора той и другой стороны.

Село, в котором жили Анаит и Зулейха, расположено в Армении, в сорока верстах от Азербайджана. Но границы здесь никакой нет, если не считать каменистой гряды, через которую добрые руки людей проложили дорогу да с обеих сторон от неё посадили большой плодовый сад, названный потом «Райским садом».

Больше половины жителей села – армяне, другая же часть – азербайджанцы. В нём никогда не было ни церквей, ни мечети, но это не мешало его жителям верить своим богам и в то же время жить в дружбе и согласии.

А в последние годы всё чаще заключались смешанные браки, лишний раз говорившие о том, что из всех богов наиболее почитаемой стала здесь великая богиня жизни – любовь.

От отцов и дедов к сыновьям и внукам, как эстафету, передавали здесь легенду о том, что много веков назад два доблестных сына этих орлиных краёв, два закадычных друга Сурен и Ахмед отвоёвывали у каменистой гряды лоскут земли и начали крестьянскую жизнь, что первые дома здесь построены именно из тех камней с красными жилами гранита, которые когда-то давным-давно от причуд природы посыпались с вершин соседней горы и рассыпа-

лись по всей округе. Вот с тех пор и селились здесь те, кто умел трудиться и знал этому цену.

Нелёгкая крестьянская жизнь не оставляла времени для досужих разговоров и пересудов. Труженик всегда думает о насущном, ему некогда ласы точить. Но зато горе и радость здесь были общими и делились на всех поровну. А о человеке судили по его труду, леньность осуждалась и служила поводом для насмешек, трудолюбие же и мастерство приносили славу и уважение. Что же касается интеллигенции села, которая по природе своей любит порой наводить, как говорится, тень на плетень, порываться в выброшенном и забытом, как ненужном, то и она была своя, домо-рошенная – с детства приученные к труду сыновья и дочери тех же крестьян.

У Анаит было двое детей – круглолицый Ашот и большеглазая Соня, после которой врачи предостерегли Анаит от деторождения. А вот Зулейха принесла в семью четверых сыновей: Мирзу, Гусейна, Мамеда и Тофика, да двух дочерей: Лейлу и Беневшу. Сурен же, муж Анаит, и Ахмед, муж Зулейхи, считали, что у каждого из них пятеро сыновей и три дочери, и не мыслили жизни без совместных вечерних чаепитий и праздничных застолий, не уставая повторять при этом, что «близкий сосед лучше дальнего родственника».

...Война вошла в их жизнь в одночасье, когда Сурен и Ахмед, накинув на плечи вещевые мешки, отошли от ворот, сели на старенькую полуторку и прощально помахали рукой.

– Га-р-р! – зловеще гаркнула тогда пролетевшая рядом ворона и вселила в трепетные сердца верных и любящих жён тревогу за судьбу покинувших дом мужей.

– Будь ты неладна! – смахивая слезу, сказала Зулейха, и было непонятно, кому адресовала она это проклятье: войне, внезапно изменившей жизнь её семьи, или так некстати пролетевшей мимо чёрной вороне.

Да, не напрасно встревожилась тогда Зулейха, не обмануло её больное сердце предчувствие. Вскоре, вслед за солдатскими треугольниками, пришла печальная весть, что её Ахмеда больше нет... Изменилась женщина в лице, восковыми стали её некогда вишневые губы, сильнее прижала к материнской груди младшего сынишку и замерла в ужасе. Нет, не сумела она заплакать, не было слёз в её потускневших глазах, словно не весеннее солнце светило вокруг, а мрак махал ей чёрными крыльями.

– Ахмед, дорогой! – впервые за всё время болезни тихо произнесла Зулейха и в такой же день недели, когда она проводила мужа на войну, отдала Богу душу.

Соседских детей Анаит не оставила одних, да и как было их оставить, коли старшему было четырнадцать, а младшему – три. Не нарушила Анаит данного Зулейхе обещания, всё продолжалось, как прежде: она учительствовала, дети учились и помогали ей в домашних делах – жили одной семьёй. Когда кругом были ликование и радость по случаю окончания войны и возвращались в село оставшиеся в живых солдаты, а Анаит с детьми со дня на день ждала возвращения мужа, немилосердная судьба двадцатого мая преподнесла им ещё один коварный сюрприз – в одной из немецких деревень вражеская пуля унесла жизнь и Сурена...

– Мамочка, родненькая, не умирай! – кинулись к убитой горем матери её осиротевшие дети и сквозь горькие слёзы причитали: – Мы тогда тоже умрём...

И Анаит выстояла, ибо в шестнадцать испуганных жизнью глаз на неё смотрели восемь несчастных детей. Они требовали заботы, но они же и помогали ей преодолеть все трудности послевоенной жизни. «Птенчики мои дорогие...» – мысленно радовалась она детям.

Вскоре подросли и окончили школу Мирза и Ашот. Первый уехал в Баку, поступил в институт, второй же – в Ереван, стал учиться на врача. Затем стали вылетать из родного гнезда остальные её «птенчики»: Гусейн и Мамед окончили ремесленное училище и уехали работать в Сумгаит, в Агдам вышли замуж Лейла и Беневша, а возмужалый Тофик поступил в Бакинское военное училище.

Шли годы, но никогда не теряли дети связи с матерью, а связующим звеном этой большой уже, выросшей цепи оставалась ласковая большеглазая Соня, теперь уже сама ставшая матерью.

И вдруг снова война, теперь уже не там, на западе, а здесь, рядом, в собственном доме... Чума национальной розни охватила города и села, она шла страшной волной, не щадила вековые устои и тысячелетнюю дружбу, унося в своих смертельных объятиях десятки и сотни жизней. Теперь уже свои лиходеи натравливали одних на других, сеяли семена вражды между армянами и азербайджанцами, выискивая пятна на чистом знамени двух братских народов. Радовалась эта свора, что ценой жизни многих

сотен ни в чём не повинных людей она сумела отвести удар от своих воровски нажитых миллионов...

– Что же вы делаете, дети мои? – призывала к разуму своих взявших в руки оружие вчерашних учеников старая Анаит. – И Христос, и Мухаммед всегда звали людей к милосердию, а здесь христианин убивает мусульманина, и наоборот. Ничего не понимаю...

В эти дни национальной скорби и умерла Анаит, не вынесло раненое сердце матери ещё одну войну...

И та полоса земли на каменистой гряде, которая называлась раньше «Райским садом», где и межи не было, вдруг стала «границей», будто земля эта рождала по весне не нежный цвет абрикосов и миндаля, а плоды недоверия, подозрительности и вражды. Многих трудов стоило мужественной Соне сообщить своим братьям и сестрам в Азербайджан о смерти матери и дне её похорон.

А на следующее утро к никем не охраняемой и безопасной раньше границе со стороны Азербайджана подъехал автобус с траурными лентами по бокам. В нём были Мирза и Гусейн, Мамед и Тофик, Лейла и Беневша – с жёнами, мужьями и детьми, все вместе, всей большой семьёй они торопились в своё родное село на похороны.

Весть об этом молниеносно пронеслась по округе, прекратились выстрелы, замерли в задумчивости суровые лица одурманенных ложью людей.

– Не стрелять! – пронеслось меж ущелий и гор. – Не стреляйте, ребята! – прозвучала команда на двух языках.

И через живой коридор до самого села автобус скорби тронулся в путь.

Хотя и был декабрь, но было не холодно, крупными хлопьями шёл скорбный снег. Хоронили Анаит всем селом. И вот, когда на край могилы положили гроб, вдруг среди собравшихся пронесся вздох удивления – это с соседней горы спускались к могиле спрятавшиеся в расщелинах скал безоружные парни, чтобы проводить в последний путь свою старую учительницу.

– Дорогие мои сельчане! – завершил прощальный митинг безрукий учитель истории, старый Рубен. – В этот скорбный час прощания с нашей Анаит мне хочется рассказать вам притчу. Говорят, возвращался после долгих поисков Счастья к себе в село

один бедняк. А тут навстречу ему Богатство. Обрадовался бедняк и спрашивает того, куда, мол, ты идёшь.

– Туда, где есть дружба!

Не смог бедняк пригласить его к себе, потому что не было в их селе дружбы. Пошёл огорчённый бедняк дальше и встретил Силу. Обрадовался и спросил её:

– Сила, куда ты идёшь?

– Туда, где есть дружба!

Не смог он предложить и Силе поселиться в своём селе, ибо не было там дружбы. С тоской и грустью продолжал он идти, как вдруг навстречу ему – долгожданное Счастье.

– Счастье, куда ты торопишься, я так долго тебя искал! – окликнул бедняк.

– Туда, где есть дружба!

Понял бедняк, что не уговорить ему Счастье, так как не было в их селе дружбы.

Старый Рубен вдруг внезапно умолк и с грустью посмотрел на собравшихся.

У могилы армянки-матери плакали её дети – азербайджанцы...

Несчастье обрушилось на её семью не вдруг, как пожар или тайфун, и даже не как лавина с гор, хотя с лавиной как раз и следовало бы сравнить, ибо и она исподволь накапливается, набирает силы, чтобы обрушиться потом в какой-то миг.

Именно так и произошло в семье этой молодой женщины с тремя малолетними детьми после того, как запил муж. Ушёл в запой, и надолго. А началось всё с семейных вечеринок с друзьями, потом с кружечки пива на улице, ну а дальше всё пошло как по маслу: остограммивался по случаю и без случая, окилограммивался с каждой получки и зарплаты.

Беда была и в том, что спокойный и немногословный в трезвом состоянии, в пьяном разгуле он становился разъярённым, как разбушевавшийся Каспий, и «клято» ругался с женой, доводя свои выражения до самой, как говорится, «высшей математики». И в результате нормальная в прошлом семья распадалась на глазах, и от прежней любви, что принесла им три живых плода, теперь не осталось и следа.

Не выдержала женщина этой обрушившейся на неё беды, не смирилось её сознание, что яркое счастье, которое ещё вчера освещало жизнь её семьи, вдруг стало гаснуть и исчезать, как догорающая восковая свеча. Воспротивилась вся её жизненная сила, восстав против пьянок и матерщины мужа. Она возмущалась, старалась вразумить его, объяснить, что семья не выдержит такого несчастья, распадётся, как разбитый кувшин.

Но когда, несмотря на всё это, муж всё же продолжал пить и сквернословить, она взрывалась, посылая на его голову все проклятья, что могут родиться в голове возмущённой женщины.

В порыве гнева и негодования она порой переходила в такую словесную атаку, от чего муж, в свою очередь, в пьяном угаре ещё больше закипал и переходил от слов к избиению.

Наконец женщина пришла к выводу, что так дальше продолжаться не может, что совместная жизнь с мужем дошла до той самой критической точки, за которой обрыв, пропасть, бездна, что эта семейная связка тянет к гибели не только её, но и подвергает опасности жизнь её детей, что эту связку надо немедленно оборвать...

– Нет, мама, я больше не могу! – в слезах говорила она матери, к которой пришла вместе с детьми в гости. – Кажется, наступил предел моему терпению... Каждый день пьяный... не просыхает, а матершинит... уши вянут, теперь ещё и бить стал...

Она говорила и плакала – горько, навзрыд, обессиленная навалившейся на неё бедой. Ещё недавно казавшаяся вечно молодой, она вдруг как-то состарилась, опустились плечи, склонилась к земле некогда гордая красивая голова, в волосах чуть заметно стала пробиваться горькая проседь, в уголках рта пролегли глубокие борозды.

Зная её вспыльчивый характер, мать всё же старалась успокоить дочь, просила не доводить, как говорится, воду до кипения. Однако в следующую минуту дочь резко достала из сумки платочек, вытерла слёзы и, как человек, принявший твёрдое решение, заявила:

– Нет, мама, я с ним больше жить не буду! Хватит!..

– Да что ты, дочка! – старалась урезонить её убитая горем старая мать. – Как же дети без отца? Да и ты без мужа... Не торопись, дочка. Отрубишь верёвку, потом как бы ни старалась, всё же узел на ней не спрятать...

Но когда заметила, что решение дочери непреклонно, задумалась старая женщина и неожиданно сказала:

– Ты помнишь, дочка, старика Худодота, соседа нашего?

– Да, помню, – непонимающе ответила дочь.

– Схожу я к нему, посоветуюсь... Человек он мудрый, не одному помог в жизни. Потерпи день-два. Ломать – не строить, дочка, а может, ещё и не поздно что-то исправить.

Старый Худодот встретил соседку у себя во дворе очень приветливо, расспросил о житье-бытье, о дочери и внуках, что дало повод обеспокоенной за судьбу дочери старой матери, не откладывая разговор в долгий ящик, сразу взять быка за рога.

– Вот это и привело меня к тебе, дорогой Худодот, – сказала она, усевшись на услужливо предложенный ей стул. – Беда у неё, а что делать, как ей помочь – не знаю...

Внимательно выслушал Худодот рассказ старухи, поглаживая свою ухоженную седую бороду. На нём был бешмет из серого сатина, лёгкие брюки из тёмного ситца, а голову украшала бухарская папаха, которую он, сняв, положил рядом с собой на стол...

Когда старуха, расстроенная исповедью, закончила её, Худодот угостил её чаем и сказал:

– Скажи дочери, пусть она сегодня придёт ко мне. Попробую ей помочь...

Одарённая добрым словом, старуха стала его без конца благодарить, поминутно улыбаясь от радости.

В тот же день Худодот принял и её дочь. Подробно расспросил, выслушал ответы, потом встал, хитро улыбнулся и, как полководец, задумавший тайный тактический ход, смело направился к своей комнате.

Молодая женщина сперва опешила от вопросов старого Худодота, в какой-то миг она внутренним чутьем, только им, женщинам, понятным, уловила в глазах старика даже осуждение в свой адрес, однако вопросы мудреца были настолько разнообразными, затрагивали такое обилие жизненных ситуаций, что она так и не сумела понять и найти между ними логической связи.

– Скажи, дочка, – спросил старик, – твой муж раньше выпивал?

– Нет, – ответила она, – пьёт чуть больше двух лет.

– А когда он пьяный возвращается домой и ругается с тобой, – снова спросил Худодот, – что ты делаешь?

– Я? – переспросила она. – Что я делаю? Я говорила ему, что это вред, что так можно спиться, что это к добру не приведёт. Я и молчанием, и криком старалась разбудить его разум, да куда там...

Вот после этого ответа и встал Худодот со своего места и шагом уверенного в своих действиях человека направился зачем-то в свою комнату.

Вернулся он, держа в руках завернутый в целлофан женский носовой платок, который протянул женщине.

– Вот, дочка, это тебе, и, если хочешь помочь себе, выполни одно условие...

– Я всё сделаю, как вы велите, – в недоумении ответила она, – только я ничего не пойму...

– Всё поймешь потом, – твёрдо сказал старик, – а условие такое: когда твой муж придёт пьяный домой и начнёт сквернословить в твой адрес, ты возьми этот платочек в рот и зажми его зубами.

– Как?.. – не поняла женщина.

– А так! – и показал старик, как это следовало сделать. – И до тех пор, пока он не успокоится, зубов не разжимай. Иначе я тебе не помощник. На, возьми этот платок и помни о нашем уговоре.

Женщина с надеждой взяла платочек и направилась домой.

Как и следовало ожидать, муж и в этот вечер вернулся домой, мягко сказать, навеселе и уже с порога, заметив жену с ребёнком на руках, заплетающимся языком запел знакомую песню:

– А-а, мо-я до-ро-га-я стер-вуш-ка, ждёшь, когда я по-дох-ну?

Женщина молниеносно выхватила спрятанный на груди платочек и зажала его в зубах. Муж тупо, выпученными от выпитого, невидящими глазами глянул на это непривычное действие жены, криво ухмыльнулся, пальцем покрутил у виска, мол, никак, жена свихнулась, и, повернувшись к ней спиной, пошатываясь пошёл к дивану, продолжая при этом матершинить, переходя от мажорных тонов к минорным, доходя порой до фальцета.

На второй день пьяный муж был слегка шокирован, ибо и на этот раз он полностью не осознал происшедшей в жене перемены, когда увидел, как жена после первых же его вульгарностей зажала в зубах платок, со страхом ожидая его дальнейших действий. Он остановился рядом с ней, качаясь, почти невидящими глазами уставился ей в лицо, ухмыльнулся и нечленораздельно произнес:

– Ин-тер-рес-но...

После этого он ещё дважды делал шаг вперёд, потом поворачивался в сторону жены и произносил тупо и тоскливо:

– Ин-тер-рес-но... – но действий не последовало.

По утрам, заметив внимание жены: вычищенные и выглаженные брюки и рубашку, готовый завтрак на столе – он как-то виновато опускал голову, завтракал и будто пристыженный устремлялся на работу с твёрдым намерением не пить и разгадать это невероятное и непонятное действие жены с платком.

Но как ни ухитрялся он улизнуть от назойливых друзей, пару кружек пива он всё же выпивал и возвращался домой навеселе, хотя назойливая мысль о действиях жены сбивала его с «кайфического» настроения и переносила к раздумьям.

Однако и на этот раз, когда он заметил накрытый к ужину стол, убранную чистую квартиру, в его больном мозгу вдруг шевельнулась дикая мысль: вспыхнуло подозрение к жене, что, мол, не зря всё это, что-то подлое задумала эта змея, которая поедом ест его в последнее время, и он с криком выплеснул на неё целый ушат такой матерщины и сквернословия, что только уши затыкай да беги из дома.

Но женщина... Ах, женщины, где вы берёте столько мужества?! Женщина снова схватила платочек и так крепко зажала его в зубах, что невольно полились из глаз её горькие слёзы.

– Ты чего? – слетело у него с языка, будто просветлело вдруг в его затуманенном мозгу. – Что с тобой? – недоумевая, спрашивал он молчавшую женщину, и лишь слезящиеся испуганные глаза её смотрели с укором и затаённой болью.

Что тогда произошло с ним, какое счастливое событие высветилось в его памяти, что вспомнил, чего устыдился – никому неизвестно, но что-то в нём надломилось, его всколыхнуло и словно взрывной волной выбросило на чистый берег, мгновенно протрезвел его лихорадочно боровшийся мозг... С этого дня он перестал пить, стал избегать дружеских пирушек, «пьяных» лавок на улицах, весёлых встреч у пивных... Потекла нормальная семейная жизнь, в дом вернулось счастье...

– Вот видишь, дочка, как порой не надо спешить, – радовалась старая мать, слушая рассказ счастливой дочери. – Надо бы отблагодарить мудрого Худодота, надо же – одним платочком.

На следующий день старая женщина достала из своего сундука незамысловатый подарок, купила сладостей для внуков

Худодота и направилась к мудрому старику в гости. Выслушав старуху, Худодот был крайне обрадован таким исходом, угостил гостью чаем, однако последний вопрос старухи вконец развеселил старика.

– Ты знаешь, Худодот, я всегда восхищалась твоей мудростью, умением найти выход из самого трудного положения, – возвращая платочек, говорила она воодушевлённо, – но одно не могу взять в толк: что означает этот платочек, который зажимала в зубах моя дочь? – и, заметив весёлые искорки в глазах Худодота, старуха просительно добавила: – Ты извини меня, старую, но никак не могу взять в толк...

Старик, подавив улыбку, убеждённо ответил:

– Нет, соседка, не платок она зажимала в зубах, а чуть было не потерянную свою... выдержку.

Вот так иль

Нас трое. Или, как называют нас за глаза, «дружная тройка». Живём мы на селе и учимся в десятом классе. В прошлом году, на летних каникулах, за хорошую работу в колхозе – втроём мы убрали за сезон свыше пятидесяти тонн винограда – нас наградили двухнедельными экскурсионными путёвками в Ленинград. А потом мы несколько месяцев только и знали, что рассказывали всем о красотах этого дивного города: об Эрмитаже, Исаакиевском соборе, о фонтанах Петродворца и поразивших наши взоры богатырях-атлантах, державших на своих могучих плечах огромные дворцы...

– Как это?.. – никак не могла сообразить наша бабушка. – Они что, живые?

– Кто? – спрашиваю.

– Ну эти, атланты.

– Нет, – говорю, улыбаясь, – это статуи, поддерживающие перекрытия здания, ну, как столбы, которые держат нашу крышу...

– И сколько их под каждой крышей? – не унималась бабушка.

– Где как, – отвечаю, – бывает по четыре, бывает и больше...

Мы так и не смогли бы понять, почему бабушка, никогда в жизни не обучавшаяся и, естественно, не прочитавшая ни одной книжки, так заинтересовалась этими атлантами, какие ассоциации вызвали они в её любознательной голове, если бы не случай.

Нынешней весной, когда враз пошла травка на лугу, нашу «дружную тройку» родители послали на ночную пастьбу коров.

Завтра воскресенье, решили они, на учёбе нашей это ночное бдение не отразится: мол, успеем уроки сделать да поспать, и единодушно поручили нам принадлежащее колхозникам стадо. Мы, конечно, были этому очень рады, ещё бы, впереди была целая ночь, и мы могли вдоволь наговориться...

Перво-наперво мы пригнали коров на отведённую колхозом богатую травой «клетку», за пределы которой нам строго запретили выходить. Прежде всего потому, что там начиналась опушка леса, где по ночам выходили «на охоту» голодные волки, и, видимо, ещё чтобы не затоптать травостой новой «клетки», куда намечалось вывести это же стадо на следующую неделю.

Мы пустили коров по зелёному ковру, развели с трёх сторон костры и стали следить, чтобы наши бурёнушки не нарушили «территориальной конвенции», не перешли установленную границу. Коровы, которым были невдомёк наши опасения, сразу пошли щипать зелёную траву, и хрупкую ночную тишину нарушило их мерное пожёвывание.

Вначале мы, разговаривая, ходили от одного костра к другому, подбрасывали новые сучья, чтобы не потух огонь. Затем, положив в золу несколько картофелин, собрались у одного костра, но зорко следили за стадом и за другими кострами. Когда была съедена картошка и вконец надоела болтовня, решили разойтись по кострам и, поддерживая их, изредка окликать друг друга, чтобы тепло огня никого не сморило.

Ночь перешагнула за вторую половину. Каждый из нас резвился у костра, прыгал, пел песни, плясал и сразу откликался на зов товарища. Потом, видно, утомившись, прилегли поближе к теплу, и в надежде, что товарищ бодрствует и при надобности окликнет, все трое – кто раньше, кто чуть позже – заснули...

Проснулись мы от отчаянного лая собак. Забрёзжил рассвет, догорала последняя звёздочка. Никак сразу мы не могли взять в толк, откуда здесь взялись собаки? Однако в следующую минуту я заметил, как почти под самым моим носом, у опушки леса, две озверевшие от лая собаки набросились на загубившего одну из наших коров матёрого волка.

Стадо, сбившись от страха в круг, дико мычало. Костры наши потухли. Волк, изредка огрызаясь на дворовых собак, продолжал свой кровавый пир. Лишь когда на него с дубинкой накинудся и хозяин собак, такой же, как и мы, пастух из соседнего села (да и

мы бросились на помощь), волк нехотя оторвался от своей разодранной жертвы, схватил окровавленный кусок, ещё раз оглянувшись кругом и стремглав кинулся в лес...

Потом тот же пастух рассказал нам, что он решил уже возвращаться домой со своими овцами и мог пройти мимо, если бы его собаки не учуяли беду и не подняли тревогу. Они кинулись к опушке, увидели огромного волка и от страха подняли страшный лай, отчего он и кинулся сюда. Заметив наше состояние, пастух сперва стал нас успокаивать, потом, разобравшись в ситуации, недовольно покачал головой: был крайне удивлён, как это мы, все трое, бездумно могли оставить стадо на произвол судьбы. Мы, пряча от стыда глаза, пришли в ещё большее отчаяние.

Не стану дальше рассказывать о нашем позоре, но в селе только об этом и говорили. Наши родители, сложившись, купили хозяйну загубленной коровы другую, так у нас заведено – кто виноват, тот и расплачивается. Но не могу умолчать о моей встрече с бабушкой после злополучной пастьбы.

– Ну что, внук, – пряча улыбку в уголках морщинистого рта, спросила она меня, – рухнул твой дом? Тяжело было?

– Какой ещё дом? – ничего не понимая, спросил я.

– Ну тот, который вы втроём держали? – снова улыбаясь, сказала она.

– Ты что-то путаешь, бабуля, – сказал я в ответ и хотел было уйти от неё прочь, но бабушка, крепко схватив меня за руку, усадила рядом.

– Ты подожди, внук, не торопись убегать, сумел напакостить, сумей и выслушать. – Она строго посмотрела на меня и добавила: – Помнишь, ты рассказывал о тех атлантах, которые держат на своих плечах большие дома?

– Помню, – в недоумении согласно кивнул я.

– Так вот, внук, крепко запало мне это в душу, – продолжала бабушка, – подумалось мне, что если они живые, как ты или как твои товарищи, тяжело им всю жизнь держать эти крыши, и... вот однажды ночью один из них подумал: дай, мол, я выйду из-под своей ноши, освобожусь ненадолго, а мои друзья подержат...

– Ну ты даёшь, бабуля! – удивлённо и весело заметил я, зачарованно взглянув на бабушку.

– Ты слушай и не перебивай, – строго одернула она, положив на колени свои жилистые натруженные руки. – Сказал это один из атлантов и сделал – вышел из-под крыши, бросил своё дело, возложив его на другого, расправил плечи и пошёл гулять... Не знал, не ведал он, что о том же в то же время подумали и другие атланты и сделали то же самое. И дом, который они держали, рухнул, внук...

Только сейчас понял я намёк моей мудрой бабушки и от тяжести вины своей опустил голову.

– Запомни, внук, – заметив моё состояние, уже мягче продолжала бабушка, – если каждый из нас будет с душой выполнять своё дело, дома наши никогда не рухнут...

Долг и жалость Красен

бо всём этом рассказал нам на годекане старик дровосек, или «бешчи», из аула Джалган, что расположен на одной из вершин Кавказского хребта, откуда хорошо видны воздвигнутые Сасанидами стены древнего города. Начав с шутливой побасёнки насчёт «некоторого царства и некоторого государства», он без околичностей сразу перешёл к рассказу о тех временах, когда семеро его детей были мал мала-меньше и когда хлеб насущный он добывал для них своим нелёгким ремеслом.

С утра отправлялся он в лес, рубил дрова, разжигал костры, изготавливал уголь, набивал им большой мешок (говол), клал его в лёгкую двухколёсную коляску, которую прятал в тайнике, запрягался в неё, тянул через лес и горные кручи по одному ему известной тропинке, а там, взвалив на спину объёмистую ношу, спускался вниз, в город. И как только на улицах города раздавался хриплый, простуженный голос дровосека: «Беш-ш! Беш-ш! Куьмуър!» – так сразу же из дворов высыпали женщины и нарасхват раскупали его немудрёный товар.

Так ежедневно, распродав уголь и хворост, отправлялся он на базар, делал нужные покупки и снова с ношей или налегке совершал по горным кручам многовёрстный путь обратно в аул.

– Когда старшему сыну исполнилось пятнадцать лет, – хитро пряча улыбку, продолжал старик, – обрадовался я, думаю, вот и помощник подрос, и взял его с собой в лес. Навалили дров, разожгли костры, приготовили и загрузили мешки углём и, взвалив каждый свой на спину, отправились в город...

Старик хмыкнул, кашлянул в кулак, вынул из кармана старый затертый портсигар и затейливую самодельную трубку из дуба, неторопливо извлёк сигарету, разорвал и высыпал её содержимое в ладонь и, беря большими огрубевшими пальцами по щепотке махорки, стал набивать трубку... Затем так же неторопливо достал коробок, зажёл спичку и жадно, чмокая губами, втянул в себя несколько глотков ароматного дыма...

«Небось, и трубка с «тех» времён!» – разглядывая потускневшие от никотина узоры старицкой самоделки, подумал я, но рассказ дровосека не прервал, ибо не велят традиции молодым вмешиваться в разговор аксакалов.

– Не знаю, что тогда с ним произошло, – продолжал старик, – устал сынишка мой или в самом деле заболел, не знаю, но не прошли мы и версту, как заявил он, что у него разболелся живот и дальше пойти не сможет... Что было делать? Вытащил я из тайника коляску, бросил один мешок, потом второй, поверх всего этого посадил сына и поволок.

Старик выпрямился, раздвинул широкие плечи, отчего сползла с них, видно, не по размеру пришедшаяся бурка, и снова поднёс трубку к губам.

– Скрипит коляска под непривычной тяжестью, с трудом тяну проклятую навстречу ветру, а у самого дума из головы не выходит: как с этим грузом до города добраться...

Вдруг по всему лесу пронёсся шум: ш-ш-ш... И то тут, то там раздавался сухой скрипучий треск...

– Что это за шум, отец? – спросил меня сын.

– Это ветер, сынок, – отвечаю, – растревожил деревья, расшатал их, вот им и больно...

Отвечать-то отвечаю, а самому от встречного ветра тоже нелегко. Однако не успел сделать сотни шагов, как издалека донёсся тоскливый протяжный вой.

– Что это, отец? – снова встревоженно спрашивает сын.

– Это шакалы, сынок, голодные, наверное, вот и воют...

Уже у самой опушки вдруг где-то совсем рядом словно морзянкой простучал кто-то по широкой лиственнице: тук-тук, тук-тук...

– Кто это стучит, отец? – удивлённо спрашивает с коляски сын.

– Это дятел, сынок, – с трудом передвигаясь, отвечаю, – есть птица такая, клювом корм себе добывает...

– Не стану утруждать вас подробностями того дня, – продолжал рассказчик, – не в них дело: трудностями у нас никого не удивишь. Труженик – что твой глиняный кувшин: упал камень на кувшин – горе кувшину, упал кувшин на камень – всё одно, горе кувшину... э-хе-хе... Да-а, скажу вам правду, хотя оба мешка мне пришлось тогда взвалить на себя, но ближе к городу сын шёл уже веселее, а на улицах мешок свой нёс сам. Вот так.

Через несколько дней я снова взял сына с собой в лес, но на сей раз с тайной мыслью испытать его... Деды и прадеды наши нередко устраивали нам подобные испытания, и, согласитесь, они служили добрыми уроками в жизни, обязательно оставляли след...

На этот раз сын работал расторопно. Скоро нашли мы сухие мёртвые деревья, порубили, разожгли костёр и, когда древесина обуглилась до нужного предела, сбросили всё ещё горячие обрубки в заранее заготовленную яму, а потом накрыли её тонким слоем земли. Готовить древесный уголь, скажу вам, дело нелёгкое. Кроме труда, оно требует ещё сноровки, умения; да что я вам объясняю!..

Набрали мы в свои мешки все ещё тёпленькие, но уже безжизненные угли, загрузили ими коляску, как тут я, охнув, схватился за ногу и, будто от боли, присел на пенёк.

– Что случилось, отец? – встревоженно бросился ко мне сын.

– Я, кажется, подвернул ногу, – как можно естественнее ответил я и твёрдо добавил: – Бери свой мешок и иди в город, я останусь здесь...

– Что ты говоришь, отец? – недовольно сказал сын. – Я тебя одного в лесу не оставляю...

– Как же быть? – растирая мнимо подвёрнутую ногу, спрашиваю я.

– Садись на коляску, – отвечает сын, затем помогает мне сесть на край коляски, – я попробую дотащить её до тропинки, а там видно будет...

Хотя незаметно для сына, отталкиваясь ногой, я и помогал ему тянуть коляску, всё же чувствовал, что силёнок у парня маловато. Однако начатую игру решил довести до конца. И когда раздался в лесу перестук дятла, я притворно спросил его:

– Кто это стучит, сынок, ты не знаешь?

– Дятел, кажется, – нехотя ответил он.

Потом где-то вдали завывали шакалы.

– Кто это воет, сынок?

– Шакалы воют. Сам же говорил, – недовольно отвечал сын.

А когда я в третий раз спросил его, что это за птица, которая взлетела прямо рядом с нами, он в сердцах вскричал:

– Что да что! Я тут еле коляску тащу, а ты вопросами сыплешь! Слазь, не могу больше, – и он устало сел на землю...

Я поднялся с коляски, прихрамывая, подошёл к нему, сел рядом, положил левую руку на его хрупкие плечи и, продолжая правой массажировать ногу (игру надо было довести до конца), сказал:

– Один отец, говорят у нас, семерых сыновей вырастит, на ноги поставит, а у семерых сыновей для одного отца сил не хватит...

Опустил голову и задумался мой сын, задумался... А я, вспомнив древнюю притчу, прижал сына к своему уставшему от труда и забот телу и продолжил:

– Недалеко от этих мест, может быть, там, в нашем древнем городе, решил один севдегер построить себе дворец и пригласил для этого одного известного мастера-каменщика, которому установил царскую плату: пять эршефи в месяц, и выплачивал их на двадцать девятый день каждого месяца. Шли месяцы, и по мере того, как строился дворец, ежемесячно в установленный день хозяин выплачивал мастеру пять эршефи.

Но однажды опоздал севдегер с выплатой мастеру, не успел вернуться домой к установленному дню, случилось непредвиденное – заболели вьючные животные и караван задержался в пути ещё на одну неделю. И каково же было удивление хозяина, когда мастер, получая плату, высказал неудовольствие.

– Что? Ты недоволен, уста? Я плачу тебе ежемесячно пять эршефи, и их хватит не на одну семью. Куда же ты их тратишь?

– Два эршефи я ежемесячно возвращаю долг, – ничуть не смутившись, ответил уста, – один эршефи даю в долг, один выбрасываю, а один – съедаю сам.

– Ты говоришь загадками, уста, – снова удивился севдегер. – Может быть, ты всё-таки объяснишь это?

– Что ж, объясню, – ответил уста. – В моей семье в добром здравии живут мой отец и мать, они вскормили и вырастили меня. Так вот, в два эршефи я ежемесячно возвращаю им сыновний долг, один эршефи я, как каждый родитель, отдаю в долг сыну, четвёр-

тый эршефи я расходую на приданое своей дочери, считай, выбрасываю, ибо всё это вместе с ней уйдёт в другой дом, а пятый, дорогой севдегер, я расходую на себя и свою жену...

На годекане установилась тишина, которую нарушил лишь глухой старческий кашель.

– Знаю, знаю, – улыбнулся старик, обнажив изъеденные жизнью остатки зубов. – Вас так и прорывает спросить, как, мол, сын, оправдал ли отцовские надежды? Не скрою свою радость: с того дня, когда сыну впервые открылась изнанка жизни, он никогда не сказал мне слова против и достойно исполняет свой сыновний долг...

ни росли вместе, на одной сельской улице, босоножими лазили через общий дворовой забор и одинаково получали затрещины за краденые с колхозной бахчи дыни и арбузы, учились в одном классе и окончили одну сельскую школу, вместе оплакивали своих отцов, когда получили похоронки с войны, вместе голодали в годы учёбы в институте и считали великой удачей, когда удавалось в рабочей столовой досыта наесться хлебом с горчицей, вместе окончили сельскохозяйственный и даже женились потом на сёстрах из соседнего села. Одного звали Шолум, другого – Пинхас.

Но, как это часто случается в жизни, если Шолум был несколько горяч, нетерпелив, то Пинхас был уравновешен и трудолюбив, если первый мог порой едко надсмеяться над товарищем, смотрел на всех свысока, то второй был, наоборот, добр и дружелюбен. Если Шолум учился легко и считал, что дело не в знаниях, а в дипломе, мол, важен результат, то Пинхас учился, как говорится, на совесть, всего добивался своим «горбом» и окончил институт с красным дипломом.

Правда, в жизни не всегда так бывает, но случилось, что Пинхаса избрали в родном селе председателем колхоза, а Шолум стал его агрономом. И снова вместе, засучив рукава, взялись за колхозное дело, впряглись в этот тяжёлый воз. И хотя с натугой, не сразу, с годами, но всё же потянули его в гору. И пошли дела: щедрее стали поля, урожайнее виноградники, веселее народ. Даже убыточные фермы стали приносить прибыль.

Появился достаток и у сельчан: дома ставят двухэтажные, наверху жилье, а внизу загон для скота, наряднее стали женихи и невесты, некоторые механизаторы обзавелись даже собственными автомашинами. Да что говорить! Люди стали жить лучше. И как результат, народ потянулся в колхоз, сердцем почувствовал в нём опору.

Почёт и председателю. За дела добрые, за заботу о людях и к нему со вниманием: премии и ордена, депутатом избрали, в столицу стал ездить посланником колхоза.

Но... с некоторых пор стали наезжать в колхоз не только делегации за опытом, но и проверяющие... Кто-то слал отсюда письма тревожные, что, дескать, цифры в отчётах председателя дутые, обманывает, мол, всех; что не множит, а разбазаривает он добро народное: «верхам» – подарки и сам наживается; что придирками «измордовал» людей, ни с кем не считается, а совсем недавно выгнал из колхоза лучшего механизатора... И писем таких становилось тем больше, чем лучше шли общие дела.

Приезжали комиссии, проверяли, отрывали от дела людей, дотошно до всего доискивались, а потом в недоумении разводили руками и уезжали ни с чем – поклёп на председателя не подтверждался. Правда, факт отстранения пьяного тракториста «имел место», но над этим «фактом» смеялись потом и члены комиссии, и, стыдливо пряча глаза, сам «пострадавший».

Однако поток жалоб, а вслед за ними и комиссий, не уменьшался. Стало ясно, что какой-то завистник решил довести Пинхаса до белого каления, извести его и выжить. Расчёт был верным: верхушку, хотя они и поддерживают председателя, жалобы эти, наконец, выведут из себя, всем эта канитель надоест, и председателя переизберут. Поняли это колхозники и обратились в компетентные органы – вывести тайного писаку на чистую воду. И вывели. Им оказался... агроном колхоза Шолум.

Первым узнал об этом уже под вечер председатель колхоза Пинхас и, расперевживавшись, до утра не сомкнул глаз. Он ждал чего угодно, только не этого. Не мирился его ум, не принимало сердце, что Шолум так жестоко мог оскорбить их дружбу, вот уже несколько лет подло и тайно «стрелял» ему в спину. Он много страдал за эту ночь...

Несмотря на то, что виновник его сердечных болей и бессонных ночей наконец был найден, Пинхас всё же не хотел его всенарод-

ного обсуждения, его доброе, больное сердце было против подобной кары для своего бывшего друга, даже если он и оказался столь подлым и коварным; однако колхозники были непреклонны...

– Когда-то мы с тобой сидели за одной партой, помнишь? – обратился к Шолуму на общем собрании колхозный весельчак Лути-пути. – Теперь же ты мне и руки не подаёшь, как же, королевской крови!...

Волной прокатился смехок, колхозники удовлетворённо задвигались.

– Тебе всё мало, к власти лезешь, – совсем невесело продолжал Лути-пути, – председательское кресло любым путём, пусть подлостью, коварством, жестокостью, всё равно... Была бы твоя воля, ты бы и через нас перешагнул, никого б не пожалел. – Он вдруг умолк, тяжело опустил голову, словно не Шолум, а он был виновен в происшедшем, нервно сжал кулаки и так же внезапно, выговаривая каждое слово, громко добавил: – Что ты за фрукт, мы хорошо знали, многое прощали, наверное, так надо, ибо все мы – люди, не без щербинки, но такое простить нельзя, нет тебе больше нашей веры!

По залу прокатился гул одобрения! Возмущённые голоса требовали исключить Шолума из колхоза и предать суду за клевету, за нарушенный покой. Чувствовалось, что колхозники настроены воинственно, не намерены прощать виновника, обстановка накалилась до предела, слишком долго испытывали их терпение и так бесцеремонно пренебрегли их доверием...

Опустив голову, пряча от людей глаза, сидит у стенки, в самом конце первого ряда Шолум. Только сейчас осознал он... Нет, не глубину своего падения, не меру подлости и предательства, а тяжесть нависшего над ним возмездия. И всё нутро его затрепетало, содрогнулось, в поисках выхода заставило лихорадочно работать мозг, приготовить к действию сильное, холёное тело. Шолум понял, что если его сейчас простят, то потом всё обойдется... и он встал. Жестикულიруя руками, с гримасами отчаяния, он начал было что-то объяснять, стараясь спасти себя в этот критический момент... Однако в следующую минуту из первого ряда поднялся высокий старик, и, словно по мановению волшебной палочки, в зале установилась тишина. Замолк и Шолум. Старик сперва кашлянул, отвернулся от Шолума, словно его и не было в зале, и заговорил:

– Когда человек объясняет свою подлость, это вдвойне подло! Но я не об этом, я о сути хочу сказать. Ты не возражаешь, председатель? – обратился он вдруг к Пинхасу.

– Пожалуйста, дедушка Худодот, – ответил Пинхас и жестом пригласил его к трибуне.

– Нет, нет, спасибо, сынок, я вот отсюда, с места.

Старый Худодот снова кашлянул и начал рассказ:

– Однажды один бедняк шёл мимо шахского дворца и остановился, поражённый, у его ворот – его чуткий нос уловил вкусный запах богатых приготовлений. Не в силах оторваться и уйти, он стоял и вдыхал этот гипнотизирующий аромат. Случилось так, что в это время шах стоял у окна и заметил у ворот подозрительного человека.

– Эй, визирь! – крикнул он. – Там, у ворот, какой-то человек, приведите его...

Воля шаха была тут же исполнена.

– Что ты там, у ворот, делал? – сурово спросил шах бедняка. – Никак, обворовать меня собрался?

– Да что ты, мой великий шах, – упав ниц, отвечал бедняк. – Я прихожу к твоему дворцу, чтобы вдыхать вкусный запах твоих редких блюд, и не только сам насыщаюсь, но, выдыхая дома, кормлю и детей... Я весьма благодарен тебе, мой господин...

– Ах так, – поразмыслив, отвечал шах, – в таком случае я окажу тебе ещё одну милость, – и он приказал визирю ежедневно давать бедняку целый казан еды.

– Откуда это? – спросила бедняка удивлённая жена, когда тот первый раз принёс домой еду с шахского стола. И была крайне обрадована, когда узнала о величайшей милости.

Заметив почтительность бедняка, шах решил пойти ещё дальше, он решил сделать из него богатого вельможу, и, когда тот пришёл в очередной раз за едой, шах приказал визирю наполнить казан золотыми монетами, а сверху прикрыть пловом. И вот, когда бедняк шёл с казаном домой, ему повстречались два человека.

– Слушай, – сказал один из них бедняку, – угости нас пловом, больно вкусно пахнет, тебе всё равно столько не съесть...

– Э-э, нет, – отвечал бедняк и, взглянув на просителей свысока, добавил: – Таковую пищу едят только два человека: я и шах!

– Ну-у? – удивились те. – Тогда продай этот казан с пловом...

– Нет, – отвечал бедняк.

- Два золотых! – предложили ему.
- Нет, – был ответ.
- Пять!
- Нет, – снова отвечал бедняк и продолжал идти дальше.
- Десять золотых! – не унимались просители.
- Не-е-т, – уже нерешительно отвечал бедняк и, когда те предложили ему двадцать золотых – не устоял...
- Отдал казан? – вдруг вырвалось у одного из колхозников.
- Ш-ш... ты, – зашикали на него со всех сторон, и все снова успокоились.
- Когда же он и на следующий день появился в шахском дворце, – продолжал старый Худодот, – шах вызвал его к себе и презрительно бросил в лицо:
 - Я хотел тебя вельможей сделать, думал, есть в тебе добрый зачин, но, видно, рабскую душу твою не переделать... Ступай и больше здесь не появляйся, иначе будешь висеть на том столбе у ворот, откуда тебе так милостиво улыбнулось счастье!..
- Старик умолк, медленно, нехотя повернулся к Шолуму и негромко, но сурово сказал ему:
 - Ступай от нас, видно, твою мерзкую душу не переделаешь...

Коварный бек

Ты вот что, Бирор, – деловито сказал бригадир, подозвав к себе смуглого и черноволосого молодого рабочего, а потом, спохватившись, вдруг удивлённо спросил: – Кстати, что ты здесь делаешь? Вся бригада там, на участке, – он кивком показал в сторону работающих виноградарей, – а ты здесь разгуливаешь?..

– Не гуляю я, – обиженно опустив голову и исподлобья глядя на бригадира, ответил черномазый. – За секатором ходил, – он протянул руку и показал инструмент. – Мой поломался...

– Извини, коли так, – миролюбиво сказал бригадир и добавил: – Вон, видишь, у склада машина стоит? На ней опрыскиватели привезли, в ящиках, тяжёлые, черти, одному не сдвинуть: штук по десять в каждом... Беги туда, поможешь Бобоилу... Да вы, кажется, друзья?.. – вспомнил он вдруг.

– Ну?! – то ли утвердительно, то ли с оттенком некоторого недовольства ответил Бирор.

– Вот и хорошо, – не обратив внимания на его тон, продолжал бригадир, – поможешь ему разгрузить машину, вдвоём сподручнее... Дал бы ещё подмогу, да некого... – он удручённо развёл руками и показал в сторону работающих на соседнем участке товарищей. – До них не дозваться, а шофёр торопит...

Бирор, не дослушав последних слов, направился к приютившемуся меж высоких пирамидальных чинар складу, рядом с которым, вся из стекла и железа, блестела под солнцем отделенческая столовая, где ближе к обеду собираются обычно рабочие совхоза.

А бригадир, взглянув на часы, торопливо зашагал к работающим на винограднике товарищам...

Не по-весеннему припекало солнце. Время шло к обеду. Это было видно и по тому, как, оставив работу, меж виноградных рядов неторопливо шли к столовой рабочие. Шли не вместе, а каждый по своему ряду, кто по привычке прихватив с собой хурджин с домашней едой, а кто с намерением отведать совхозных харчей.

В одном из рядов, неуклюже припадая на обе ноги, словно обезьяна, свесив не по росту длинные, натруженные руки, двигался рыжебородый поливщик Одом, балагур и весельчак. Он на ходу рассказывал скабрезный анекдот, отчего в соседних рядах слышались громкий смех и одобрительные возгласы.

– Слушай, Одом! – смеясь, говорил обрезчик Мунош. – Ты хоть при молодых не рассказывай этой похабщины...

– Э-э, друг мой, – вспомнив о чём-то, серьёзно, без улыбки отвечал Одом, – эти молодые, к сожалению, давно потеряли целомудрие... так что не беспокойся...

Шла к концу и разгрузка опрыскивателей. Бирор и Бобоил в мокрых от пота рубашках дружно потащили к краю кузова последний ящик, прыгнули с машины, подхватили груз с двух сторон, как вдруг Бирор дико взвыл и выпустил из рук ношу. Ящик ударился об угол кузова, резко накренился в сторону Бобоила, придавил ему пальцы левой руки и, к счастью, не упал на парня всей своей тяжестью, а грохнулся к самым его ногам.

Все бросились к пострадавшим, чтобы оказать им помощь, и оторопели от недоумения, когда увидели, что Бирор хотя и вскрикнул от боли, вовсе не пострадал и мог несколько секунд выдержать, не подвергая друга смертельной опасности. Бобоилу же наскоро перевязали опухшие и посиневшие пальцы смоченной в холодной воде тряпицей и отправили в больницу.

– Ты что же это?.. – удивлённо спросил Бирора бригадир. – Как ты мог отпустить ящик? Ведь он может теперь пальцев лишиться...

– Что-то врезалось в руку, не вытерпел... – опустив голову, виновато отвечал Бирор.

– «Не вытерпел», «врезалось»... – недовольно передразнил Бирора бригадир, а потом, схватив кисть его руки, выставил на-

показ: – Вот, даже царапинки нет... У-у, откуда только вы такие берётесь, а ещё говорит «верный друг», «всегда подставляю своё плечо». – И резко, отбросив чужую руку, добавил: – Не верю я такой верности...

Он устало сел на скамейку под чинарой, взял из сумки термос, нервно отвинтил крышку, налил в неё чаю, глотнул и, словно продолжая давнишний с кем-то спор, убеждённо сказал:

– Не-е-т, не верю я такой верности. Вот наши матери – это да, остались верны своим мужьям до конца, до могилы... вырастили детей за двоих, подставив свои хрупкие женские плечи, несли после войны тяжёлую семейную ношу... Верность – это... если хотите знать, стойкость и неизменность во всём: в большом и в малом.

Он вспомнил о чём-то, и его лицо просветлело от улыбки.

– Вот дед мой рассказывал: в одном из наших сёл полюбили два друга одну красивую девушку...

Он положил руку на плечо присевшего рядом рыжебородого поливщика и, оглядев собравшихся вокруг товарищей, продолжил:

– Представляете, они были... даже не как эти два чинара, – он взглядом показал на устремившиеся ввысь деревья, – а как... две руки одного тела, как две кроны одного дуба. Да что там, лучше сказать, как две половины одного целого... Втайне друг от друга полюбили одну... А она, сами понимаете, сердце своё отдала лишь одному из них... И вот перед самой свадьбой случилась беда...

– Неужели друг убил жениха? – вырвалось у Одома.

– Ш-ш... ты, – зашикали на нетерпеливого.

– Нет, друзья мои, – ответил бригадир, – случилось самое невероятное. Каким-то непонятным образом местному беку стало известно о редкой красоте невесты, и он... за долги её родителей приказал привезти её ему в жёны.

– Как?! – вырвалось сразу у нескольких слушателей.

– А вот так! – продолжал свой рассказ бригадир. – Послал своих нукеров, и всё тут... Ну жених, конечно, взорвался, огонь был парень, собрал всю молодёжь села и пришёл к беку... Так, мол, и так, бек, прикажи сделать всё, что угодно, а от своего намерения откажись, иначе такого петуха пушу по твоему хозяйству, что жить не захочешь...

– Молодец, парень, не струсил, – сказал кто-то из виноградарей, но на него тут же прикрикнули.

– Бек было сперва взбесился, – допив свой чай, продолжал рассказчик, – а потом, поразмыслив, решил не играть с огнём. Хорошо, говорит, коль ты такой смельчак, и хитро улыбается. Село, говорит, ваше лежит меж двух горных вершин, а на одной – скала. Так вот, говорит, привяжу тебя к скале, и если, мол, ночь выдержишь, то невеста – твоя... Жениху, как вы понимаете, отступать было некуда.

– Вот сволочь! – выругался обрезчик Мунош.

– Да, – согласился бригадир. – Коварный бек всё рассчитал, знал, что если орлы не заключают привязанного к скале человека, так тот окоченеет от лютого ночного холода на вершине. Смерть была неминуема...

– А что же его друг? – снова спросил нетерпеливый Одом.

– Вот об этом и весь сказ, – подхватив вопрос Одома, продолжал бригадир. – Вначале друг было обрадовался такому повороту событий. Подленький червь эгоизма, видно, точил его изнутри: мол, мне не повезло, так пусть же и тебе, дружок, она не достанется. Не обессудь, мол, чем я хуже тебя и так далее...

– Да как он мог? – возмутился было Одом.

– Ты подожди, сабурсуз, не перебивай, – остановил его бригадир, – дай дорассказать... Так вот, потом стал, видно, проклинять себя за такие мысли, не находил себе места, думал, метался, его мучили угрызения совести, что в этот трудный час он ничем не может помочь другу... В самом деле, как ему поступить? Пробраться к скале и накрыть друга чем-нибудь тёплым – значит погубить и его, и себя: все пути к скале охраняли нукеры бека. Не допустить к нему хищных птиц он тоже не мог, и потому, как голодный волк, он выл от безысходности, от осознания своего бессилия...

– Неужели погиб парень? – обеспокоенно спросил один из рабочих.

– Нет, друзья, не погиб, – озадаченный таким участием собравшихся, улыбнулся бригадир, – свершилось чудо. Когда утром, злорадствуя и смеясь, на вершину скалы поднялись нукеры бека, они были поражены мужеству джигита...

– Остался жив? Как? – недоумевающе спрашивают бригадира разом несколько виноградарей.

– Вот что было дальше, – отвечал бригадир.

– Как ты выжил, молодец? – несколько удручённый, но все же поражённый мужеством парня, спрашивает бек. – Никому ещё этого не удавалось...

– Меня согревал костёр, бек! – пряча усталую улыбку в уголках рта, смело отвечает джигит.

– Как?! – вскричал бек и свирепо взглянул на притихших ну-керо́в.

– Нет, бек, они не виноваты, – успокаивает его джигит, – они верно тебе служат. Я грелся от костра, который горел в эту ночь на другой стороне села, на противоположной вершине...

– Шутишь? – утрюмо сказал бек. – Тебе шутить можно, ты отвоевал свою невесту...

– Да, друзья мои, – заключил рассказчик, – как выяснилось потом, это друг жениха разжёл на той вершине большой костёр, до утра не давал ему погаснуть, чтобы хоть таким образом помочь ему выжить...

К концу рабочего дня по району пронеслась весть, что умер брат известного в районе председателя колхоза, и похороны уже состоялись. Кое-кто из работников собрался и уехал в село сразу, а мы с секретарём и предриком решили поехать на соболезнование завтра с утра.

Село, в которое мы должны были поехать, расположилось в предгорье, в живописном ущелье, и имело уникальное по нынешним временам кладбище. Дело в том, что несколько столетий назад в нём жило в общем-то однородное по этническому составу население, но одна его часть поклонялась Магомету, а другая – Яхве. Хоронили тех и других на одном кладбище, и лишь невидимая черта разделяла могильные камни, записи на которых высекались на древнеарабском и иврите. А на другой стороне от кладбища одиноко, словно высохший ствол погибшего дерева, торчал из земли камень, на котором не было ни рисунков, ни записей, будто у умершего не было ни имени, ни рода. Здесь был захоронен арестованный и расстрелянный сельчанами гачаг, загубивший в своё время немало безвинных людей, имени которого теперь никто не знал. Так люди раньше наказывали преступников.

Уже у въезда в село мы спохватились, что не знаем дома умершего, и сконфузились от мысли, что дом председателя колхоза мы знаем, бывали в нём не раз, а где и как живёт рядовой колхозник, даже в таком маленьком селе, нам неизвестно. Вот так, живём среди людей, с высоты своего положения разговариваем порой с ними, а не знаем их. Слепота какая-то.

Первым, кого мы встретили, был лет девяти мальчуган, который, тяжело согнувшись в одну сторону, нёс домой с родника ведро с водой.

– Скажи, сынок, – обратился к нему предрика, – где дом похороненного вчера колхозника?

– Во-о-н там, – протянул руку мальчик и показал на... кладбище.

Мы застыли вдруг от навалившейся на нас великой правды бытия.

Кошка ест кошка

Было время обеда. Рабочие завода, оставив душные цеха, высыпали во двор, расстелили на лужайке незамысловатые «скатерти», вывалили из сумок домашние приготовления, расселись удобно, по-азиатски, поджав под себя ноги, и начали трапезу. Вчерашние колхозники, а сегодня уже рабочие первого в городке крупного промышленного предприятия, они всё ещё оставались детьми природы со свойственным им притяжением к зелени земли и ласковому свету солнца.

В одной из групп слышится залиvistый говорок губастого молодого рассказчика и прерывистый смех остальных. Рядом греется на солнышке большая ленивая кошка.

– Вызывает к себе директор торго ларёчника, – травит чубатый, – и говорит ему: «Дошло, мол, до меня, что ты рублёвые сигареты за два продаёшь... Ты что, мол, не знаешь, что сейчас перестройка, демократия, гласность, да ещё к нам комиссия едет, поймают – под суд пойдёшь...» «Да что ты, дорогой, – отвечает ларёчник, – если я правильно дам сдачу, меня же на весь город осмеют».

Собравшиеся смеются.

«Нет, нет, настаивает директор, – продолжает рассказчик, – кто-нибудь пожалуется, беда будет. Слушай, что тебе говорят!»

– На следующее утро, – продолжает чубатый, выбрасывая в траву окурков, – к ларьку подходит покупатель и, протянув трехрублёвку, просит пачку сигарет. Ларёчник, не моргнув глазом, возвращает ему два рубля сдачи. «Да что ты, доро-

гой, – возвращая один рубль, возмущённо говорит ему покупатель, – если я правильно возьму сдачу, на меня все будут пальцем показывать!»

– Привычка! – смеясь, замечает один из дружины чубатого, молодой узколобый парень. – Инерция...

«Нет, нет, – успокаивает покупателя ларёчник, – не возьму, дорогой, сейчас перестройка, демократия, гласность!» Покупатель удручённо кладет деньги в карман и отходит. Потом, вдруг спохватившись, возвращается к ларьку. «Слушай, говорит, дорогой, а где сигареты?» «А вот сигарет нет, дорогой!» – отвечает ларёчник...

Раздаётся взрыв смеха, от чего вскакивает и бежит даже заснувшая и согретая солнцем кошка. Заметив кошку, узколобый хватается с земли камень и бросает в неё.

– Ты чего? – удивляется чубатый. – Кошка-то при чём?

– А в прошлом году кошка утащила у нас целый кусок сушёной баранины, – возмущённо ответил узколобый...

– Может, это совсем и не та кошка, – замечает чубатый.

– А-а, – решительно махнув рукой, заключает узколобый. – Кошка есть кошка...

Двухлетний внук, привезённый дедом за месяц до описываемых событий, привыкал к отсутствию родителей долго и потому, проснувшись в этот день рано, капризно потянул бабушку не в спальню деда, а во двор, где утренний воздух был наполнен ароматом цветов, весело щебетали птички и яркими бутонами горели розы. Не подозревая о случившемся, малыш будто ещё на некоторое время хотел оттянуть наступление роковой минуты.

В то время как бабушка привычно накрывала к завтраку стол, внук весело бегал за хитрым котом, стараясь ухватить того за пушистый хвост. Кот, видно, тоже был не прочь поиграть с малышом, то близко подпускал его, то перед самым носом увёртывался и уходил прочь.

– Мунош, родненький, позови дедушку к завтраку, – громко сказала бабушка, больше стараясь быть услышанной не внуком, а мужем, который что-то сегодня непривычно долго не покидал постели. – Вставай, скажи, деда, завтрак готов...

– Де-да! Де-да! – дважды чётко и звонко выкрикнул внук, однако ответа не последовало.

– Что-то дедушка проспал сегодня, – говорила бабушка, неторопливо кормя внука только что приготовленной манной кашей. – Слушай, Диана, – обратилась она к дочери, – позови отца, потом будет ругаться, что не разбудили его...

– Папа! Иди завтракать! – позвала и младшая дочь, школьница, на ходу засовывая в портфель бутерброд с колбасой, но отец снова не отзывался.

Когда, уже накормив внука и пустив его гулять, жена вошла в его спальню, то ничего необычного вначале не обнаружила, если не считать несколько странной позы, в которой спал муж: тело его слегка было повернуто на бок, правой стороной лба он бодливо упёрся в подушку, носком же правой ноги – в край матраца, а согнутой в локте рукой придавил под себя постель: видно, смерть настигла его неожиданно, когда он силился встать.

Все ещё не осознавая случившегося, но с настороженной опаской она дотронулась рукой до его плеча и тут же в ужасе, с криком, отдернула её назад, отчетливо почувствовав холод лишённого жизни тела...

Весть о смерти председателя известного на всю округу пригородного колхоза «Рассвет» Хуби Хубиева облетела город с молниеносной быстротой и вызвала множество толков и пересудов совсем не потому, что предколхоза обязан был, как говорится, жить до цветения камней. Вовсе нет, все мы смертны, и каждому суждено в своё время быть отнесённым на плечах близких и родных. Народная молва была вызвана тем, что сердечный и отзывчивый, полный сил и энергии Хуби Хубиев ещё вчера был совершенно здоров и никак не собирался ночью лечь, а утром не встать со своего ложа.

Именно поэтому внезапная смерть ошеломила всех и вызвала множество догадок и предположений о её причинах. В первую очередь естественными оказались разговоры тех, кто усомнился в «здоровости» теперь уже усопшего и на этом основании предположил, что его давно, видно, точила какая-то хворь. И хотя внешние признаки были вполне нормальными, однако, мол, внутренняя червоточина исподволь, незаметно вела хозяина к гибели.

Однако когда стало известно заключение экспертной комиссии о том, что смерть в общем-то всегда уравновешенного и спокойного на вид предколхоза наступила совсем не от болезней, а от инфаркта, тут уж предела народной фантазии не было.

Смерть закономерна. Но она всегда нежеланна, тем более, когда усопший совсем не стар и добропорядочен. Поэтому неожиданная кончина Хуби Хубиева вызвала подозрительные толки, прежде всего соседок, не преминувших заметить, что во всём повинна зловредная председательша, которая поедом ела мужа по каждому случаю и без случая, немало испортила ему нервов и крови, а накануне, видно, устроила ему очередной «разнос», отчего тот и

отдал концы. Некоторые мужчины подхватили эту вполне реальную версию и на её основе пришли к выводу, что женщинам волю давать нельзя и держать их, с..., надо в «ежовых рукавицах». Однако это предположение особой поддержки не нашло, так как более точные источники их тут же опровергли, заявив, что, во всяком случае, последние десять лет Хубиевы жили, что называется, душа в душу, трогательно растили внука, и, в общем-то, причин для ссоры у них в семье не было.

Вот тогда, перебирая весь его вчерашний день, выяснилось, что накануне Хуби Хубиев был приглашён на заседание горкома, и там его, как говорят, «допекли» за нежелание сдать кормовое зерно в госпоставку. Узнали даже о том, что покинул он это злополучное заседание бледным и издёрганным, наотрез отказавшись выполнять это нелепое указание.

Нашёлся и тот, кто оказался попутчиком предколхоза, когда тот после заседания направлялся домой и жаловался на бесконечные трения с руководством и невозможность работать и жить в такой обстановке. О понуре и подавленном его настроении накануне смерти говорили потом и родственники, а жена его так прямо и заявила, что, вернувшись домой, муж в сердцах бросил на стол папку с бумагами и назвал кого-то «вредителем», а ночью долго не мог заснуть, даже закурил, чего не делал никогда в жизни.

В назначенное время проводить усопшего в последний путь пришло много народу. Это и не удивительно: отдать долг памяти в этот час, выразить соболезнование родным и близким считает необходимым почти каждый. И после того, как покойника омыли, завернули в саван, положили на специальные носилки, траурная процессия двинулась к кладбищу...

Так или иначе, преждевременная смерть доброго человека не могла пройти бесследно, не вызвав сочувствия и скорби у близких и знакомых. Больше всех сокрушался молодой комбайнер колхоза Келе, большеголовый, с выпуклыми, словно удивлённо смотрящими на мир глазами, прозванный поэтому Лупатым, парень, который ещё неделю назад был приглашён к председателю в кабинет, где и был обрадован решением правления о премировании автомашиной «Москвич» за ударную работу на уборке хлеба.

– Сволочи! – непритворно возмущался Келе. – Довели человека!..

Он вспоминал о своей встрече с председателем, рассказывал подробности разговора с ним, будто о живом, в то же время осознанная, что того уже нет и никогда не будет.

– Дядя Бирхиё! – уже неоднократно обращался Келе к своему предпенсионному бригадиру: – Что же ему такое сказали, что он не выдержал? Разве можно словом убить?..

– Э-эй, сынок, – отвечал ничуть не меньше скорбевший бригадир, уже после похорон усевшись на специально отведённое во дворе усопшего место для намаза, – ещё как можно! Да будет мир ему и спокойствие, покойный дедушка рассказывал...

– Говори, говори, Бирхиё, – обратились к нему несколько мужчин, собравшиеся, по обычаю, на вечернюю молитву, – и мы между делом послушаем...

– Коли так, слушайте.

Бирхиё погладил свою короткую, уже поседевшую бородку, с таинственной улыбкой оглядел собравшихся и начал свой рассказ:

– В одном селе жил старик дровосек. Он только тем и занимался, что каждый день с верёвкой на поясе ходил в лес, приносил вязанку хвороста, продавал на базаре и на эти деньги кормился. Однажды нёс он на спине дрова и вдруг услышал какой-то шорох. Посмотрел и видит, что идёт на него медведь, как сама беда.

– Как дела, дровосек? – спрашивает медведь.

– Э-эй, что говорить? – отвечает дровосек испуганно. – Стар стал, сил уже нет, глаза почти не видят, слезятся, колени дрожат, поясница отнялась... Вот хожу за дровами, этим и живу...

– Не бойся меня, старик, – говорит медведь, – давно вижу, несладко тебе живётся, вот и решил помочь. Пригони сюда завтра пять-шесть ослов, а я нагрузу их дровами.

– Эх, брат, – отвечает старик, – откуда я достану ослов?

– Да неужто нет у тебя соседей, разве не делился ты в детстве с кем-нибудь хлебом да солью? Разве нет у тебя родственников? Попроси у кого-нибудь, уж, наверное, кто-нибудь пожалеет и поможет.

Пришёл старик и попросил у родных осла. Дали ему одного, двух, трёх, четырёх, стало десять ослов. Пошёл он с ними к медведю. Не прошло и половины дня, как медведь наломал леса да нарубил дров, навязал вязанок, навьючил их на ослов и поставил погонщиком старика.

Так день за днём прошёл целый год, и старик разбогател. Теперь уже ходил за дровами не с чужими ослами, а со своими. Жизнь повернулась к нему солнечной стороной, преобразился и сам дровосек: прибавилось сил, малость пополнил телом, в глазах появился этакий счастливый блеск, в движениях – уверенность.

В очередной раз, нагрузив уже двадцать ослов, дровосек обратился к медведю:

- Брат мой, что если ты придёшь завтра ко мне в гости?
- А можно? – переспросил медведь.
- Да, конечно, – обрадовался дровосек, – буду очень рад...
- Ладно, – ответил медведь удовлетворённо, – приходи завтра, потом вместе и пойдём.

На следующий день за трапезным столом, насытившись угощениями дровосека, как бы между прочим медведь спросил:

– Ты, друг, меня вначале испугался, но как видишь, мы, звери, в дружбе постоянны. Не так ли?

– О да! – ответил дровосек, раскрасневшись от выпитого. – Твои добрые дела меня к жизни вернули, я очень тебе благодарен...

– В таком случае, я хочу тебе задать один деликатный вопрос, – сказал медведь.

– Пожалуйста, о чём речь, – ответил дровосек.

– Скажи только правду: дружба со мной тебя ничем не смущает?

– Что ты, друг, я очень тобой доволен, – поспешно ответил дровосек, – благодаря тебе я разбогател, но, если сказать правду, малость лицо у тебя гадливое...

– Ну и свинья неблагодарная! – вырвалось у слушавшего этот рассказ Келе.

Однако на него тут же зашикали и попросили бригадира продолжить свой рассказ. Согласно кивнув головой, тот продолжил:

– Рассердил и огорчил медведя такой ответ. Расправил он шерсть у себя на груди и говорит дровосеку:

– Принеси топор!

И когда дровосек подошёл с топором, медведь приказал:

– А теперь изо всех сил ударь топором вот сюда. – И подставил свою грудь.

– Нет, друг, я не сделаю этого! – запротестовал дровосек. – Что ты от меня требуешь?

– Если ты не сделаешь этого, – сурово сказал медведь, – я сейчас же раздавлю тебя и отдам шакалам на съедение...

– Неужели ударил? – вырвалось снова у Келе, но он тут же спохватился и виновато добавил: – Извини, дядя Бирхиё, просто невероятно...

– Ты лучше слушай и на ус наматывай, – нравоучительно заметил его сосед, изворотливый, как угорь, широколицый и толстозадый колхозный завскладом.

– На ус, которого нет, – с насмешкой добавил Шевениё, известный в городе балагур и весельчак.

Рассказчик терпеливо молчал, но всё же с укоризной посмотрел на нетерпеливых слушателей и, когда те, смущённые, притихли, продолжал:

– Испугался дровосек, сжалось у него сердце. Взял он топор, закусил губу да как стукнет! Зажмурился медведь от боли, тяжело поднялся и, облизывая кровоточащую рану, пошёл к себе.

Прошёл год, прошёл другой, ушло богатство из рук дровосека, снова дряхл и немощен он стал, и всё та же веревка на поясице. И встретил вдруг опять медведя.

– Как дела, дровосек, здоров ли?

– Здоров, как будто...

– Глаза не подводят?

– Нет, как будто...

– В таком случае, подойди поближе и посмотри на мою грудь, нет ли на ней какого-нибудь следа? Не бойся, я не трону...

Посмотрел дровосек и говорит:

– Никакого следа нет.

Три раза заставлял его медведь:

– Посмотри лучше.

– Никакого следа не вижу, – отвечал дровосек удивлённо.

– Вот видишь, – сказал тогда ему медведь, – рана от удара твоего топора зажила, и следа не осталось, а рана от обидных слов твоих в моём сердце кровоточит по сей день...

Так и ушёл дровосек непрощённым.

Собравшиеся задумчиво молчали, определяя на весах раздумья цену слова...

бо и Бобо, два старых виноградаря, жили в селении на одной махале, всего несколько домов отделяли их друг от друга. Если Обо был словоохотливым и говорливым, то Бобо был полной ему противоположностью – степенен и молчалив; первый мог соврать не моргнув и глазом, второй же даже на старости лет смущался и по-мальчишески краснел. Если Обо был скуп и жаден, то Бобо даже на последние деньги мог хорошо угостить друга. Но зато в работе Обо всегда оказывался впереди, его виноградники давали щедрые урожаи, словно он заговаривал их или колдовал над ними.

Всё это и служило предметом споров, а иногда и ссор между ними, но независимо от этого они, как сабля без ножен, не могли быть друг без друга. И каждое утро, направляясь на работу в колхоз, здоровались неизменным: «Себэхтуь э хэйрбу!» – и крепко пожимали друг другу мозолистые руки.

Бывало и так: когда палящее солнце становилось над самой головой, они, оставляя работу, направлялись к хайвану и каждый раскладывал прихваченную из дома еду. Заметив на общем столе свежий тандырный чурек и пахнущий овечий сыр щедрого друга, Обо, не торопясь освободить свой хурджин, разливался соловьём, что, мол, его старая ещё с раннего утра готовила чуду из молодой крапивы, а потом неторопливо раскладывал чёрствый хлеб и уже ржавую тощую селёдку.

...В это воскресное весеннее утро Обо проснулся с твёрдым намерением сделать обрезку винограда у себя во дворе; боясь хо-

лодной зимы, он расчетливо до весны оставил их в покое. Плотно позавтракав, он подозвал к себе восьмилетнего внука и наказал сходить к старому Бобо и попросить у того садовую пилу.

Бобо долго не мог взять в толк, как это Обо, старый виноградарь, не имеет дома садовой пилы, без которой не обходится ни один уважающий себя сельчанин. Потом, почувствовав во всём этом подвох, отказал в просьбе, сославшись на то, что у пилы отломилась ручка и он отдал её в ремонт.

– Ну и скряга! – выслушав внука, возмутился Обо. – Пожалел пилу!

Потом удрученно добавил:

– Делать нечего, внук, ступай в подвал и принеси нашу новую пилу...

Свадебный вистрел

 трогательном единстве Келебебе и Келедеде на нашей махале ходили многочисленные легенды. Никогда за всю долгую совместную жизнь никто не видел их ссоры и не слышал бранного слова в адрес друг друга. В семейном согласии растили они кучу детей, молча переносили трудности, а маленькие радости умели превращать в большие праздники.

На свадьбах и при семейных раздорах их ставили в пример, учили молодых любить и уважать друг друга, как это умели делать они.

Так уж заведено на миру – богов и кумиров творят для себя люди сами.

Но по мере того, как шло время и мельничные жернова жизни перемалывали нашу нетерпеливость, перетирали семена нашей молодой безоглядности в муку опыта и терпения, авторитет их оставался бесспорным.

Однажды, когда молодая семейная пара из нашего тухума опомнилась после очередной ссоры, которая, словно ураган, сорвала и выбросила с розы их любви ещё несколько нежных алых лепестков, они встревожились и невольно бросились к Келедеде за советом, как утопающий хватается за спасительную соломинку.

– Скажи, бабушка, – словно вскрик больного сердца, сорвалось с уст новобрачной, – как это вам удалось прожить с дедушкой долгую жизнь в мире и согласии, а мы вот, едва успев пожениться, всё ссоримся?..

– Наше счастье в опасности, бабушка, – опустив голову, признался и молодой муж.

Заискрились вдруг помутневшие от времени глаза Келедеде, лукавинка жизненной мудрости залегла в уголках её поблекших губ, показалось, будто и морщины сгладились на её старческом челе.

– Как?.. – словно в забытьи, переспросила Келедеде.

– Да! Как? – вырвалось у молодых в отчаянии. – Откройте нам свою тайну, помогите, бабушка...

– Садитесь, дети мои, – пригласила их Келедеде, и, когда те поудобнее устроились возле неё, задумчиво продолжала: – Вы, молодые, нынче, слава Богу, в достатке живёте... На свадьбах кортежи машин... десять, а то и пятнадцать, любите с шиком, побольше да пошумней... А для меня было великим счастьем, когда в день нашей свадьбы он, вопреки крестьянской традиции – не тратить попусту денег, выкупил на время у барчука фаэтон и прокатил меня по всему селу...

Она взлохматила вихрастый чуб молодого мужа и погладила опущенное плечо его подруги.

– Вот такими горячими и горделивыми и мы были тогда, а меня так только «Гордячка» и звали на селе, – продолжала Келедеде, пряча в уголках губ хитрую улыбку. – Красивая, видно, была, вот и гордилась этим... А он, будто необузданный конь, ух-х...

Она немного помолчала, вспоминая прошлое, нежно погладила притихшую молодую супругу и продолжила:

– Прижал он меня к себе, потянул поводья и помчал коня во всю прыть. И тут конь споткнулся... Рассердился мой жених, ударил его кнутом и сказал: «Раз!» Летим во всю прыть, ещё крепче прижал он меня к своему горячему телу, прильнул губами к моей щеке, и тут, как на грех, опять споткнулся конь... Отхлестал он бедолагу и сказал: «Два!» А тут уже и дом близко: там ждут молодых, свадьба в разгаре, музыканты повскакивали с мест, ещё громче полилась музыка, горят факелы, по-орлиному вскинув руки, танцуют родственники, раздаются возгласы: «Едут! Едут!» Мчится наш фаэтон к моему новому дому, и тут споткнулся конь снова. Жених резко остановил фаэтон, твёрдо посмотрел на коня и в сердцах сказал: «Три!» – выхватил револьвер и застрелил коня...

– Ой! – вырвалось у молодой супруги, доселе молчаливо слушавшей этот рассказ.

– «Милый, – обратилась я к своему жениху», – продолжала Келедеде, – «За что же ты убил коня?» Он твёрдо посмотрел мне в глаза и сказал: «Раз!» Вот после этого... – Келедеде глубоко вздохнула и добавила: – Да, вот с тех пор мы живём в мире и согласии...

Краснокожая груша

Случилось это в один из осенних дней, когда на сельских дорогах от частых дождей и проезжих машин отвалами лежала грязь. Осень стояла на редкость хмурая, дождливая, словно обиженная землёй, сводила с ней счёты.

Я возвращался из колхоза уже под вечер, хотя признаки наступающей темноты едва ощущались. Дорога, извиваясь тёмной блестящей лентой, то исчезала, то вновь появлялась, надвое прорезая нетронутую цивилизацией чашу леса. А на обочинах, образовав сплошную завесу, сплелись дикие алыча и виноград, айва и тёрн, ежевика, вьюны и тутовник.

Дождь, отстучав каплями-горошинами, уже прошёл, и мой «Москвич» продвигался с трудом. Вокруг всё замерло – даже листья-сплетники, затаив дыхание и прекратив свой интимный шепот, чутко прислушивались к нашему говорливому мотору, буравившему хрупкую тишину. Летевший навстречу жёлтый листок жадно припал к мокрому ветровому стеклу, словно встретил старого приятеля. Удивительно, но от этого «солнечного зайчика» в машине стало уютней, казалось, будто во всей округе это был единственный обжитой уголок.

Богатый в недавнем прошлом, колхоз в последние годы слабел, угасал, словно какая-то хворь точила его изнутри. Следы этой болезни были и у дороги: слева осталась кем-то вырубленная, очищенная от коры и потому казавшаяся истекающей кровью молодая краснокожая груша; сквозь заросли, словно ломоть ржаного хлеба, проглянуло недовспахан-

ное поле, и тут же – оставленный под дождём разобранный трактор.

Невесёлые думы, словно нудная зубная боль, не давали покоя, и я не заметил, как фары высветили впереди чью-то фигуру. Я затормозил и открыл дверцу. Это был высокий старик с длинной белой бородой и в бухарской папахе. Бешмет из черного сатина, без пояса, и длинные без манжет брюки висели на его жилистом старческом теле. Меня поразили его чистые блестящие азиатские калоши и умение старика не запачкать их в этой непролазной грязи.

Через минуту я уже знал, что старик шёл в соседнее село к сыну, а работал в том же колхозе, откуда ехал и я.

– Как вы думаете, ата, – после недолгих раздумий спросил я, – в чём причина низких урожаев в вашем колхозе?

Старик хитро улыбнулся, пристально посмотрел на меня и, погладив широкую красивую бороду, неторопливо переспросил:

– В чём? Н-да, люди всегда причины найдут, если что-то надо объяснить. Дело не в них, сынок. Вот послушай, что я тебе расскажу.

Старик мечтательно поглядел вперед, откашлялся и начал: «Давно это было. Жил, говорят, на землях плодородной Мугани великий шах. Всем одарила его судьба: и красотой сказочной, и хитростью Саида, славой и силой Мервана, но в одном всё же обделила – не дала наследника. И каково же было счастье уже стареющего шаха, когда через много лет у него родился сын – единственный наследник. Целый месяц во всём его вилайете праздновали это событие. Двое суток беспробудно спали затем уставшие музыканты и захмелевший люд.

Но недолгой была радость шаха – оказалось, что руки и ноги мальчика были недвижимы. Со всего света созывал шах врачей, немало знахарок прошли через пороги его дворца, но вылечить наследника никто не смог.

Затужил шах, чёрной сажей покрыл свою одежду, лицо и руки. Великий траур объявили по всей стране. Замолкли во дворце нежные звуки зурны. Под угрозой смерти никто не смел смеяться.

– О великий шах! – обратился к нему тогда придворный мудрец. – Позволь сказать мне несколько слов.

Не открывая глаз, усталым движением руки шах разрешил.

– Не гневайся на своего слугу, о владыка! – взмолился старец и упал на колени. – Великого наследника можно вылечить!

Возбуждённый шах вскочил с трона и бросился к старику.

– Ты растревожил мою рану, – закричал он, как раненый зверь, – но, видит Аллах, я милосерден. Но как, как спасти сына?

– Для этого нужно выполнить одно условие, – опомнившись от страха, сказал мудрец.

– Говори, я все выполню.

Старик немного замешкался, а потом продолжил:

– Прикажи, мой шах, привести сюда трёх своих подданных: визиря, наложницу и пастуха, и пусть каждый скажет свою правду.

– Что-о? – переспросил шах.

– Правду, о владыка! – невозмутимо ответил мудрец.

– Правду?.. Ты что, смеёшься надо мной, старый осёл?! Разве правдой лечат болезни?

– Да, о шах! Правда плод родит, а не пустоцвет!

– Эй, нукеры! – приказал шах. – Приведите визиря, наложницу и пастуха! Но знай, старик, не будет по-твоему – я прикажу... нет, я сам вырежу тебе язык и брошу собакам на съедение.

Мудрец молчал. А тем временем нукеры выполнили приказ.

– Скажи, мой верный визирь, в чём правда твоей жизни? – спросил шах.

– Правда? – переспросил визирь.

– Да, только правду! – приказал шах.

– Я не могу её сказать, о владыка! – изменившись в лице, ответил визирь.

– Почему? – удивился шах.

– Узнав эту правду, вы прикажете убить меня...

– Я обещаю тебе жизнь! – выведенный из себя, вскричал шах. – Говори!

– Всё равно не могу, мой шах, – ответил визирь. – Это страшная правда.

– Я всё тебе прощаю, скажи! – приказал шах.

– Я хочу, чтобы ты и твой наследник скорее умерли, а я стал шахом – вот моя правда, о владыка!

Не успел визирь ответить, как свершилось чудо: парализованные ноги наследника зашевелились.

– В чём же твоя правда? – спросил удивлённый шах у наложницы. – Говори, не бойся, ни один волосок с твоей головы не упадёт.

– Я желаю скорой смерти твоей жены, чтобы стать на её место. Вот моя правда, о мой славный шах!

При этих словах у наследника заработала правая рука. А вот что сказал пастух:

– Я много лет пасу твой скот на лучших пастбищах, а сам живу хуже скота. Моя правда в том, о шах, чтобы скот был на своём, а человек – на своём месте!

После этих слов наследник был совершенно здоров. Счастливый шах, вытирая слёзы радости, говорят, на весь шахский дворец крикнул:

– Люди, являйте правду, она плод родит!»

– Останови, сынок! – неожиданно сказал мой рассказчик. – Я уже доехал. Не знаю, ответил я на твой вопрос или нет, подумай...

В одном южном городе из кассы заготовительной конторы сбежала Сторублёвка. Выползла из пачки, открыла сейф каким-то только ей одной известным способом, и пошла гулять. Ничего особенного. Такие случаи бывали здесь и раньше, и потому отсутствия её не заметили. Беда была в другом. Совершая побег в эту мерзкую осеннюю ночь, эта взбалмошная красотка забыла прихватить с собой зонт. Да, обыкновенный японский зонт, чтобы дождь не промочил её изящный наряд или, не дай Бог, не помял и не затянул её в сточную канаву.

Вначале, взяв её в охапку на углу какого-то дома, поиграл с ней ветер, потом, когда ему надоело, он выбросил её в соседний двор. Это был первый удар по её самолюбию. Затем, оказавшись в большом и открытом дворе, Сторублёвка съёжилась от холода и спряталась под навес.

Накрапывал дождь. Перспектива искупаться в луже её не устраивала, и она постучала в светлое окно, из которого слышались плач детей и возмущённый женский голос.

– Кто там? – спросил сердитый мужской голос.

Окно открылось.

– Кого в эту слякоть привело к нам?

– Сторублёвка я! – горделиво заявила избалованная неженка.

– Кто? – не понял мужчина.

– Сторублёвка я! – с новым оттенком величавости проговорила гостья.

– Да как же?! – обрадовался мужчина, – ты радость моя ненаглядная, заходи, дорогая, что же ты под дождём стоишь?! Подойди поближе, я подниму тебя в комнату.

– Не торопись, хозяин, – с достоинством проговорила гордячка. – Ты прежде скажи, что со мной делать будешь?

– Что я делать с тобой буду? – в задумчивости переспросил мужчина. – Если бы, милая, ты знала, как ты мне сейчас нужна! Чуешь, зима надвигается, а здесь вон семеро по лавкам бегают, им перво-наперво одёжка нужна. Да и жена, стерва, все уши прожужжала, покоя не даёт, то у неё того нет, то ещё чего не хватает. Но наперёд всего я возьму тебя завтра с собой на базар, куплю мяса и риса, да вина четверть, и досыта поедим плова, давно не ели вдоволь...

– Э-э, нет! Мне у тебя делать нечего, – сказала Сторублёвка и спряталась в темноту.

– Куда ты?! – удивился мужчина, он спрыгнул с подоконника и стал искать её в темноте. – Куда она спряталась, дура, пропадёт ведь...

Тем временем Сторублёвка облюбовала рядышком новый навес и тихо постучала в дверь.

– Кто там? – донёсся из глубины недовольный сонный голос. – Кому это не спится?

– Сторублёвка я! – торжественно заявила ночная гостья, ожидая новых ахов и охов.

– Ну и что, что ты сторублёвка? – недовольно пробурчал хозяин. – Эка невидаль... Ну, чего тебе?

– Я хотела знать, – сбавив гонорок, заговорила кокетка, – что ты со мной делать будешь, если я зайду к тебе?

– О-ха-ха! – сказал хозяин, тяжело шурша шлёпанцами. – Что я с тобой делать буду, спрашиваешь? Постелю на стол шали шерстяные, подогрею утюг чуть-чуть, уложу тебя на мягкую шерстяную постель и тем утюжком нежно поглажу с обеих сторон, вычищу, высушу, а потом к сестрицам твоим, в сундук...

– Вот это меня устраивает, – развеселилась жеманница и, всё ещё ёжась от холода, скомандовала: – Открывай дверь, коли такое дело.

Заскрипел засов, приоткрылась дверь, и комнатная лампа высветила в ночи тонкий лоскут двора. И в тот момент, когда блудница шмыгнула в дверь, в полоске света заметил её тот, первый, что выпрыгнул во двор на её поиски.

– Эй, куда ты? – выбросив руку вперёд, вскрикнул тот возмущённо...

– Ой! Ой! – оторвав руку от стенки, проснувшись, застонал от боли сторож заготовительной конторы. – Надо же, приснится такое... Ишь, б... такая, к соседу, к заготовителю шмыгнула...

Он оглядел спящих разметававшихся детей, накинул на них сползшее одеяло, почесал волосатую грудь, лёг на другой бок и безнадёжно проговорил:

– Бедному человеку, видно, и во сне не везёт...

Шелбем змею

Как-то под вечер на годекане селения Мюшкюр собрались мужики. Разговор начался сразу, а поводом послужил сегодняшний случай на виноградниках колхоза, о котором с каким-то благоговением рассказывал старый Бобо.

– Сделал я, значит, обрезку последнего куста в ряду, – начал он, – думаю, на сегодня хватит, к вечеру клонит... Только собрался выйти на дорогу, смотрю – прямо передо мной... змея.

Старик как-то прерывисто вздохнул, словно заново переживал всё, успокоился и продолжал:

– Огромная такая, метрах в двух от меня. Подняла голову, высунула острое жало и в упор смотрит на меня. Я так и замер, не шелохнусь. Волосы дыбом встали, вмиг пот прошиб всего. Ой худо, говорю про себя, почему такая смерть? Никому вреда не делал, всю жизнь трудился, сады сажал, виноградники растил, добро дарил людям. Не-е-т, думаю, не заслужил ты, старый Бобо, такой смерти... А что делать? Я на неё смотрю, а она качается из стороны в сторону, но глаз с меня не сводит. Так и разглядываем друг друга... Тут меня осенило, вспомнил я наставления дедов наших и тихо, мирно говорю ей: «Знаешь, змея, встретились мы случайно. Я тебе никогда плохого не делал, да и ты мне не делай. Иди своей дорогой, а я пойду своей!» И, поверьте, послушалась. Качнула как-то головой сверху вниз, будто в знак согласия, и уползла прочь...

– Да-а, – проговорил добродушный толстяк Бирор, – вам, дядя Бобо, очень повезло, послушалась змея, а вот старый Шемей,

пусть земля ему будет пухом, рассказывал, что албиса ни за что не уговорить, несговорчивый, дьявол, уж если повстречался с кем, непременно напакостит.

Стали вспоминать рассказы очевидцев, случаи, кому и когда встречались змеи, сатана и черти. Вспомнили, как однажды, накануне свадьбы в доме старого виноградаря, тот же сатана оказался в хлеву, набросился на привезённую для торжества корову и выпил за ночь всю её кровь. Другой раз двенадцатилетний Рабо, сын хромого мельника, выйдя ночью по надобности во двор, повстречался с дружкой, который утром следующего дня клялся и божился, что ночью к нему не приходил. Все уверяли, что это был сатана, так как в тот же вечер умерла старая мать мельника.

И вот, когда, казалось, воспоминаниям не будет конца, в разговор вмешался сельский балагур и весельчак Шелбет-рыбак, прозванный так за постоянную удачу на рыбалке. О его дружбе с Бирором знали на селе все, хотя характерами были они совершенно разные. Бирор любил Шелбета за весёлый нрав и душевную чистоту. Шелбет же и дня не мог прожить без этого молчаливого толстяка, лучшего слушателя и помощника во всех его выдумках и весёлых розыгрышах. Бирор был добр и доверчив к людям и нередко страдал из-за этого. В таких случаях Шелбета раздражала в друге такая доверчивость, и он учил его быть разборчивым.

– Скажи-ка, друг мой, – заговорил Шелбет, обращаясь к Бирору, – где, по-твоему, прячется сатана: в земле, на небе или в людях?

Застигнутый врасплох, Бирор как-то добродушно улыбнулся, развёл руками и простодушно ответил:

– В земле, конечно, где же ему ещё быть?!

– Конечно, в земле, – уверенно подтвердил кто-то из мужиков.

– В небе не спрятаться – видно всё, а о людях и говорить нечего, мы бы его сразу прибили...

– А может, и в небе, – с сомнением сказал старый Бобо.

– Нет, друзья, сатана сидит в людях! – улыбаясь, сказал Шелбет. – Он каждый день среди нас. И если его поискать, он и сейчас здесь.

– Вечно ты свои штучки выкидываешь! – добродушно улыбнулся Бирор на шутку друга. – Скажешь же, среди нас...

– Вот как? – как-то хитро улыбнулся Шелбет, и, обратившись к Бирору, добавил: – Ты снова ошибаешься, мой друг, потому и без кошелька остался вчера на базаре. Ха-ха-ха, – расхохотался он и встал.

Все засмеялись, повставали с мест и медленно, не торопясь, враскачку, всё ещё под впечатлением услышанного, разошлись по домам.

«В земле! На небе! – ухмылялся про себя Шелбет, направляясь к речке Гюльгеричай, где в его хитроумных сетях барахтался усач. – Ладно, дружок, я дам тебе урок, правда, горький, но нужный...»

На следующий день Шелбет, отработав на виноградниках положенную норму, ушёл с работы раньше обычного и быстро направился в село, к дому друга. На вопрос, есть здесь кто, ему навстречу вышла пышногрудая жена друга и с радостью пригласила его в дом.

– Знаешь, сестра, – начал Шелбет свою речь, – вчера ко мне приходило привидение, и я не могу не рассказать тебе о нашем разговоре. Вот уже пятнадцать лет у вас с моим другом Бирором нет детей. Так это?

– Да, верно, – ответила женщина с удивлением.

– Так вот, – продолжал Шелбет дальше, – привидению стало известно, что у Бирора на горле, ниже подбородка, большая, величиной с абаси, родинка. И оно сказало мне, что если ты, жена Бирора, ровно в полночь, когда муж твой будет спать, возьмёшь бритву и срежешь с этой родинки волосинки, ровно через год у вас родится ребёнок.

– Неужели? – засомневалась женщина, зная о проделках Шелбета.

– Попробуй! – твёрдо сказал Шелбет. – Ведь это ничего не стоит...

– Хорошо... – сказала женщина тихо. – Я сделаю.

Вскоре Шелбет встретил на краю села возвращавшегося с работы друга. Он подошёл к Бирору с опущенной головой, как человек, который должен сообщить какую-то неприятную весть.

– Ты что такой грустный? – спросил Бирор удивлённо. – На тебя это не похоже.

– Знаешь, Бирор, – ответил Шелбет озабоченно, – я должен известить тебя о большой неприятности. Когда на друга надвигается беда, могу я быть в стороне?

– Ничего не понимаю! Какая беда? – снова ничего не понял Бирор.

– Мне стало известно, – невозмутимо продолжал Шелбет, – что сегодня в полночь, когда ты будешь спать, твоя жена... перережет тебе горло.

– О чём ты говоришь? – с удивлением и тревогой спросил Бирор. – За что она хочет меня убить?

– Она считает, что детей у вас нет только по твоей вине, ей это надоело, и она решила от тебя избавиться.

– Не может быть! – воскликнул Бирор, сильно побледнев.

– Стал бы я тебе врать, – говорил Шелбет убеждённо, – если бы не был уверен. Да это можно проверить: ты сделай вид, что ни о чём не знаешь, спокойно ложись спать. Когда же она приблизится к тебе с бритвой, тут же схвати её за руку. А меня в качестве свидетеля заранее проводи в свою комнату и спрячь.

На том и порешили.

В полночь женщина украдкой поднялась с постели, вытащила из-под подушки бритву и осторожно подкралась к мужу, чтобы осуществить задуманное. И в тот момент, когда к родинке спящего мужа оставалось только протянуть руку, Бирор молниеносно схватил жену за руку, в которой блестело лезвие бритвы.

– Ах ты ведьма! – непривычно вскричал Бирор, вырвал из её рук бритву. – Я тебе покажу, как убивать мужа! – и повалил жену на пол.

Вот тогда и вышел из укрытия Шелбет. Он усадил по обе стороны от себя мужа и жену, попросил у них извинения и подробно рассказал им о споре на годекане и обо всём остальном.

– Ну, скажи теперь, где прячется сатана? – улыбаясь, спросил Шелбет Бирора. – В людях или в земле?

Тот как-то нервно улыбнулся, облегчённо вздохнул и добродушно ответил:

– Вечно ты свои штучки выкидываешь!..

днажды в полночь, накинув на своё костлявое тело серые лохмотья, расчесав шакалью шерсть на голове, Смерть взяла в руки синюю косу, надела чёрные очки от косоглазия и вышла в город.

Повесив косу на плечо, она хихикнула от предвкушения, потеряла костлявые руки и воровато оглянулась...

Где-то рядом, в доме с настежь открытым окном, горела яркая лампа, отчего кругом было празднично светло. Внутри весело играла музыка, кто-то, по-орлиному вскинув руки, танцевал, слышались радостные голоса, смех. «Вот ты мне и нужен, голубчик! Посмотрим, что ты сейчас запоешь?!» – злорадно подумала Смерть, крадучись, подошла к окну, спряталась в тень и громко постучала.

– Эй, кто там? – откликнулся подвыпивший хозяин. – Заходи, дорогой, гостем будешь! Чего в окно стучать, у нас дверь есть, заходи!

После недолгого молчания в окно снова постучали.

– Слушай, кто это? – удивился хозяин и выглянул в окно. – Кто ты, дорогой?.. – снова спросил он и осёкся.

Бледной синевой отблёскивала острая коса.

– Смерть я! – тихо хихикая, сказала серое чудище. – Пришла за тобой...

Она хотела застать его врасплох, ждала просьб и унижений, а он, вдруг протрезвев, как джигит, гордо и весело ответил:

– Ну и что, что ты Смерть? Пришла? Заходи, не стесняйся. Чужих нет, все свои: сыновья и дочери, внуки и внучки мои. Трудом

своим живём, и потому радость у нас неподдельная, душевная. Что ещё человеку надобно?! Вот и всё, надолго не задержу, пять минут, попрощаюсь с детьми – и бери, коли так надо!

От неожиданности Смерть опешила, не любила она, когда ей прямо смотрели в глаза, терялось чувство радости от своего ремесла, ощущения всевластия. Ей доставляло подлинное наслаждение, когда её умоляли и унижались, в страхе теряли человеческое достоинство. Потому она снова спряталась в тень и попятилась к соседнему домику, из окна которого тускло просвечивал свет.

На стук в окно долго никто не отвечал. Впервые Смерть стала нервничать и кусать синие губы. Наконец, щёлкнул засов, открылась ставня, и за стеклом показалась мужская голова.

– Кто там? – разглядывая темноту, спросил мужчина. – Темень какая, а не спится кому-то...

– Это я, – голосом родственника ответила смерть. – Открой окно...

Мужчина недоверчиво ещё раз сквозь стекло поглядел в темноту, задумался ненадолго и открыл окно.

– Кто ты? – спросил он снова и замер в ужасе.

Заметив неподдельный страх в его глазах, смерть зацепила косой его за шею, потянула чуть-чуть и тихо, с наслаждением хихикнула.

– Я за тобой, милый, – злорадствовала она, – не ждал?.. Хихи-хи...

– Нет, нет, не делай этого, – вдруг лихорадочно заговорил смертник, упал на колени и стал целовать её зловонные костлявые ноги. – Умоляю тебя, Смертушка, не делай этого. Я всю жизнь... слышишь, всю жизнь страдал, не знал радости, поедом ел жену и детей, во всём им отказывал, лишнюю копейку не тратил, берёг, лишил себя даже маленьких радостей, никого не приглашал и сам в гости не ходил, не кутил, не транжирил, друзей не имел, всё копил, копил, думал: вот теперь заживу.

Смерть поправила очки, хихикнула от наслаждения и чуть потянула к себе косу.

– Ой, ой, ой! – плача, заголосил мужчина. – Не убивай! Умоляю! Я жить хочу, я только сейчас начал жить... Босиком по миру пойду, поститься буду, только бы жить... У меня, ой, совсем забыл, много денег, целое богатство. Слышишь? Возьми сколько хочешь, всё возьми, только оставь...

Смерть в злорадной усмешке скривила тонкие губы.
– Взятка? – хихикнула она и ещё больше посинела от злости. – Привык, видно? Не-ет! Мне взятки ни к чему.
В ночной темноте сверкнула синяя коса и звякнула об оконную раму. Смерть обтерла косу о свои лоскуты, проверила её острие пальцем и не спеша поплелась со двора.
– Эй, старая, куда ты? – звал ей вдогонку джигит. – Я же жду!
– Ну тебя, живи пока! – ослабевшим голосом сказала Смерть и добавила: – Я своё уже взяла...

Язык Мои – враг Мои

Мне рассказывал её дед, ему – его дед, и сколько раз в нашем роду от деда к внуку передавалась эта сказка, не знаю, но говорят, что когда-то, давным-давно, в далёкой Персии жил Великий шах, о неслыханном богатстве которого ходили легенды.

Маленького роста, тщедушный, но умный и хитрый шах не жалел средств, чтобы слава о его богатстве и могуществе проникла во все уголки земли, и его визири и векили усердствовали в этом один больше другого.

Предмет болезненного самолюбия шаха – вопрос о его богатстве, ловко поддерживаемый не менее хитроумными векиль-визириями и, в сущности, давно уже решённый, никогда не забывался, а тем более не оспаривался на шахских сборищах и торжествах. И потому случай, который произошёл во дворце Великого шаха, был дерзким и неслыханным, хотя имел трагическое начало и...

Не станем забегать вперед.

Однажды за трапезой пресыщенный и горделивый шах, поглядывая на своих верных помощников, разомлевших от принятых яств и облокотившихся на мягкие подушки, каким-то едва заметным знаком остановил и выпроводил очаровательных танцовщиц и назидательным тоном заговорил:

– Мир велик, дети мои, и одному Аллаху ведомо всё, что делается кругом. Вот я и думаю, сомнения точат мой мозг, не дают покоя: может быть, есть такая земля, куда не ступали мои доблестные полководцы и не шагали караваны моих купцов,

на которой живёт другой падишах – богаче меня! Как вы думаете?..

– О Великий шах! – заголосили выведенные из состояния покоя, умудрённые жизненным опытом подчинённые шаха. – О чём вы говорите? О несметных богатствах ваших слагают песни поэты и поют ашуги, нет такой земли, где на устах райята не было бы вашего великого имени...

– А может быть, и есть такой падишах, кто его знает, – вдруг задумчиво проговорил главный визирь и осёкся...

– Да-а? – переспросил уязвлённый шах, взглянув на главного визиря сначала с удивлением, а затем с ненавистью. В глазах шаха сверкнул такой дикий блеск, отчего главного визиря вдруг пробрал холодный озноб, будто чёрная смерть тенью стала у его изголовья, и он понял всю безысходность своего положения. – Вот как? У тебя возникли сомнения? – чеканя каждое слово, на грани бешенства выговаривал шах. – Я повелитель великой державы! Мои полководцы не знают поражения! В моих руках... полмира! В моих сундуках несметные богатства, я – Великий шах!!! И ты, ничтожный червь, смеешь в этом сомневаться?!

Шах вдруг успокоился, исчез дикий блеск в его свирепых глазах, и на лице его явилась хитрая улыбка, та хитро-хищная улыбка, которая появлялась у него, когда он принимал зловещее решение.

– Ну что ж, сорок дней тебе сроку: найдёшь и назовёшь мне имя человека, который богаче меня, и будешь жить, а нет – голову сниму! Ступай!

Оставим Великого шаха в его дворце, пусть он продолжает так неудачно прерванную трапезу и веселье, а мы пойдём за несчастным визирем, чья жизнь и смерть теперь только в руках Аллаха. Поруганный и побитый, словно пёс цепной, он мертвенно поблел и с поникшей головой поплёлся в свои хоромы.

Не стану рассказывать о том, какие горькие слёзы и вопли вызвало у домочадцев сообщение визиря, скажу лишь только то, что, дав кое-какие поручения сыновьям своим, удручённый визирь выбрал себе лучшего коня и на рассвете отправился в путь.

Много стран и городов объездил визирь, пересекал моря, преодолевал горные вершины, скакал по ущельям и долинам, видел богатые и дивные дворцы, прекрасные сады и цветники, в шелка и золото убранные царские троны, но даже при имени Великого

шаха эти государи – одни с трепетным почтением, другие с уважением – вскакивали со своих мест и низко кланялись визирю. «Богаче Великого шаха? – с удивлением переспрашивали они и тут же отвечали: – Нет! Таких не знаем!»

Долго и упорно расспрашивал визирь вездесущих дервишей, всезнающих купцов, хитроумных предсказателей, великих мудрецов и странствующих учёных, но никто не успокоил трепетную душу визиря, не исцелил его страждущее сердце радостным сообщением.

Сороковая ночь застала его в нескольких километрах от шахского дворца, на вершине горы, куда уставший конь привёз своего поникшего хозяина. Он был похож на узника, которому завтра отрубят голову, на беглеца, понявшего всю безнадёжность своего положения и отдававшего себя в руки безжалостного правосудия. Ничто уже не радовало визиря, ни вот эта лунная ночь, ни сверкающие звёзды, которые с высоты кажутся близкими и ещё более яркими, ни умиротворённость природы, ни травка зелёная под копытами уставшего коня, ни хрупкая ночная тишина с лаем пастушеских собак, ни красота чабанского костра. Всё – и мир с его красками, с блаженством, которому ещё совсем недавно, казалось, не будет конца, – всё исчезнет, завтра – смерть...

– Эй, путник! – вдруг услышал визирь совсем рядом звонкий голос. – Ты так устал, что спишь прямо в седле, так и беды не миновать...

Визирь поднял голову и в свете яркого костра увидел высокого, двухметрового роста, чабана с висящим на поясе кинжалом, в широкой бурке, папахе – недюжинного богатыря с длинной пастушеской палкой в руках.

– Не торопись, путник, – снова заговорил чабан, подойдя к визирю ближе. – Не проходи мимо моего костра, слезь с коня, сядь рядом, раздели со мной скромный ужин, отдохни, а завтра продолжишь свой путь...

– Нет, спасибо, чабан, – отвечал несчастный визирь, на миг остановив коня. – Зачем думать о завтра человеку, для которого этого завтра уже нет...

– Видно, беда с тобой приключилась, – сочувственно проговорил чабан, – но не отчаивайся, Аллах поможет. Не торопись, отдохни со мной, поделись горем своим, может, чем и помочь можно...

– Э-э, нет, – горько усмехнулся визирь, – ты моему горю не помощник...

Долго уговаривал чабан этого странного ночного пришельца, то горько усмехавшегося от какой-то своей затаённой думки, то вдруг безнадежно и безысходно умолкавшего, но всё же уговорил...

Горел чабанский костер, на ореховых шампурах жарился шашлык, на вывернутой высохшей бараньей шкурке лежали кусочки сыра, луковицы и чурек.

– Вот, садись сюда, – чабан помог визирю помыть руки и усадил его рядом с собой. – Отведай моего ужина, отдохни, и, если захочешь, отведи душу, расскажи о своей беде...

И так, коротая ночь у этой скатерти из овечьей шкуры, визирь за всё время беседы, хотя и был голоден, съел кусочек сыра с чуреком и рассказал чабану, кто он и чем увенчались его поиски. Он рассказывал чабану о райских уголках земли, о диковинных деревьях, на которых растёт хлеб, о говорящих птицах, о вещих колдунах, о заманчивых предложениях некоторых царей жениться на их дочерях и остаться в этих далёких странах...

Узнав, что этот ночной пришелец – главный визирь Великого шаха, один из мудрейших людей Великой державы, чабан не вскочил с подобострастием с места, не стал бить челом визирю, перед которым трепетали целые народы, а с ещё большим почтением стал ухаживать за своим пока ещё великим гостем. Чабан был гордый человек.

– Так и не нашёл я человека богаче нашего Великого шаха! – закончил свой рассказ, опустив голову, визирь.

– Богаче нашего Великого шаха? – переспросил чабан и тут же громко захохотал: – Ха-ха-ха...

Следом ночную тишину прорезало далекое эхо: «А-а-а...» Залаляли и умолкли чабанские собаки.

– Если только в этом твоя беда, то бери, ешь, поспи под моей буркой, – став серьёзнее, заговорил чабан, – а утром я назову человека, который богаче Великого шаха.

– Ты?.. – изумился визирь.

– Да, не волнуйся, я знаю человека богаче Великого шаха.

– Да о чём ты говоришь, безумец, – разволновался визирь, – все эти огромные стада, которые ты пасёшь, великолепные пастби-

ща, и ты, и тот пастушок, что виден там, в долине, и эти горные вершины – всё это принадлежит Великому шаху. Как ты можешь знать более богатого человека?

– Ложись, поспи, – постелив визирю бурку, уверенно сказал чабан, – утром я пойду с тобой к Великому шаху и назову имя этого человека.

– У меня сердце разрывается, – взмолился визирь, приподнявшись и сев на предложенную ему бурку. – Не томи, чабан, и не мучай. Речь идёт о моей жизни и смерти, о благополучии моей семьи, о будущем моих детей. Назови мне имя этого человека!

– Э-э, какой ты нетерпеливый! – недовольно пробурчал чабан, – терпение – лекарство от всех болезней, видно, его тебе и не хватило с самого начала. Я же сказал, пойду с тобой к Великому шаху и там назову. Да тебе, во всяком случае, больше ничего не угрожает... Великий шах, если я не окажусь прав, велит казнить не тебя, а меня... так что спи, и я отдохну малость...

Визирь снова улёгся на бурку, прилёг и чабан. Но не спится визирю, беспокойно на душе, сомнения мучают его. «Как? Я объездил весь мир, видел великих царей и могущественные государства, а этот чабан дальше этих вершин нигде не был. Нет, не может он знать... просто успокаивает меня...»

– Эй, чабан! – окликнул визирь, садясь у костра. – Ты не спишь? Но чабан, что-то пробурчав во сне, поворачивается на другой бок. Спит чабан, спит уставший за день человек.

Визирь подбрасывает в костёр хворосту, накидывает на плечи бурку и снова задумывается. «Спит спокойно, – думает он, поглядывая на чабана. – А ведь если не докажет, что есть человек богаче шаха, в самом деле могут казнить, могут... а я спасён... так ли? Не подумает ли шах, что я, спасая свою жизнь, уговорил этого несчастного стать жертвой вместо меня? Может и так быть... Но ведь не сумасшедший же этот сорокалетний богатырь, вполне нормальный человек, и умирать, как видно, он не собирается... Ничего не понимаю...»

Визирь от отчаяния ухватился за голову. Его взбунтовавшийся мозг искал выхода, как волк, попавший в капкан.

– Эй, чабан! – невольно вырвалось у него снова.

Чабан встрепенулся и повернулся к визирю.

– Ради Аллаха, не мучай, назови этого человека, иначе не могу уснуть, – взмолился визирь.

– Эк-кий... ты, однако, – пробурчал чабан недовольно, – спи... – И снова повернулся на другой бок.

Трудно себе представить, что пережил в эту ночь визирь, какие перенёс муки, сколько передумал дум. Лишь поседевшие за ночь виски могли поведать об этом.

Чуть задремавшего от усталости, так и оставшегося сидеть у потухшего костра визиря разбудил утром чабан.

– Ну, визирь, вставай, позавтракаем – и в город, к Великому шаху...

– А-а,– встрепенулся визирь и, сообразив, в чём дело, вскочил на ноги. – Чего время терять, чабан, там позавтракаем...

– Нет, чабану так нельзя, – уверенно ответил чабан. – Завтрак наш не ахти какой, много времени не займёт.

Наскоро перекусив, чабан аккуратно собрал остатки еды в торбу, завернул в овечью шкуру и повесил на сук. Затем, заложив два пальца в рот, пронзительно свистнул, отчего собаки подняли лай. Через несколько минут к чабану подбежал лет восьми пастушок.

– Я пойду, сынок, в город, смотри за отарой, – тоном, не терпящим возражения, сказал пастушку чабан. – Скоро вернусь.

Мальчик согласно кивнул головой.

...Уже через час они подъехали к шахскому дворцу. Поручив лошадей нукерам, визирь повёл чабана к Великому шаху...

Весть о возвращении главного визиря облетела дворец с быстротой молнии, со всех концов к приёмной шаха стекались его подручные, одни со злорадством, другие с сочувствием ждавшие развязки. Никто не знал, какую весть принёс с собой этот некогда могущественный человек, и потому каждый встречный кланялся ему в пояс.

– Доложите Великому шаху о моём возвращении, – спокойным голосом заявил шахским слугам главный визирь.

Через несколько минут всех пригласили к шаху.

– Ну? С какой вестью вернулся? – пронзив взглядом главного визиря, спросил шах. – Нашёл ты человека богаче меня?

– Я объездил весь мир, о Великий шах, – поклонившись в пояс, ответил визирь. – Пересекал моря, преодолевал горные вершины; быстроногие скакуны носили меня по ущельям и долинам, я видел богатые и дивные дворцы, радующие глаз фруктовые сады, я долго и терпеливо расспрашивал вездесущих дервишей, всезнающих купцов, хитроумных предсказателей, великих мудрецов и

странствующих учёных, я беседовал с царями великих стран, которые трепетали от одного только вашего имени, но... нигде не нашёл человека богаче вас, о Великий шах!

Довольный шах, погладив свои маленькие чёрные усы, злорадно улыбнулся. В огромной приёмной шаха произошло брожение. Противники визиря обменивались многозначительными взглядами, полными злорадства и самодовольства, кто-то прыснул от смеха, кто-то, закрыв глаза, задумался.

– Но вчера, о Великий шах, подъезжая к городу, – не меняя тона, продолжал визирь, – в нескольких верстах отсюда, на вершине горы, я случайно встретился с этим чабаном. – Визирь знаком позвал к себе стройного богатыря, который, подойдя к визирю, сделал шаху низкий поклон. – Видит Аллах, я не вру, он заявил мне, что знает человека богаче вас.

Удивлённый шах чуть привстал с места. В рядах собравшихся раздались возмущённые голоса, неприкрытый смех, и появились улыбки на лицах.

– Как? – вскочил маленький шах со своего трона и, обратившись к чабану, спросил: – Ты знаешь человека богаче меня?

– Да, мой Великий шах! – твёрдо ответил чабан.

– Ты, чабан, который вместе с овцами, что ты пасёшь, с землей, на которой пасёшь, принадлежишь мне, ты знаешь человека богаче меня? Ха-ха-ха, – разразился хохотом шах. – Кто же этот человек?

– Я, – ответил чабан.

Громко, на весь шахский дворец, раздался смех собравшихся. И сквозь этот шум прозвучал голос чабана:

– Стойте! Ничего смешного я не сказал, мой Великий шах. Я слышал, что вы мудрый падишах?! Если это так, если ваша мудрость выше человеческих страстей и необузданных действий, выслушайте меня и исполните одно моё маленькое желание.

Шах сел на своё место. Не скрывая своего удивления, ещё раз взглянул на этого сказочного богатыря, одетого в чабанскую бурку, и тихо молвил:

– Говори, чабан, я слушаю...

– Пригласите сюда вашего портного, мой Великий шах, – попросил чабан. – Вот моё желание.

Через минуту всемогущие нукеры шаха привели испуганного, ничего не понимающего портного.

– Скажи, портной, – заявил чабан, – если случится, что Аллах призовёт нашего Великого шаха, все мы смертны перед Аллахом, сколько потребуется ситца, чтобы сшить ему саван?

Портной сильно побледнел, затем испуганно взглянул на шаха и, заметив его утвердительный кивок, пролепетал:

– Ме... метра четыре!

– А для меня сколько потребуется на саван?

Портной смерил взглядом этого двухметрового богатыря и самодовольно ответил:

– О-о, метров двенадцать, не меньше!

– Вот видите, мой Великий шах! Это всё, что принадлежит нам в итоге, это и есть наше с вами богатство, во имя чего люди убивают друг друга! Так кто же из нас богаче, я или вы, мой Великий шах?..

Описание

Что самое сладкое на свете? – спросил однажды дед, собрав вокруг весь свой тухум. Задумались сыновья и внуки старика. Нельзя торопиться с ответом, не одобряет старость поспешности молодости. «Торопливая речка до моря не добежит», – гласит народная мудрость.

– Самое сладкое – это сон, дедушка! – сказал один из внуков, пристально взглянув на деда.

Тот молчал.

– Слаще жизни ничего нет! – убеждённо заговорил младший сын. – Мне кажется, я ответил правильно, отец?

– Нет, сын, это только часть правды, – ответил старик, и добавил: – Бывает и смерть слаще жизни...

– А я знаю, что самое сладкое, – торжественно и весело заявил семилетний внук. – Самое сладкое, дедушка, это... халва.

Ответ мальчика вызвал улыбки и смех.

– Извини, отец, – сказал старший сын, – но коли возник вопрос, то должен быть и ответ. Я думаю, что слаще всего жен...

– Не надо продолжать, – остановил его старик. – То, что ты хотел назвать, тоже не вся правда... Сладостная истома любви – великая сила, на ней жизнь держится, но...

– Власть! Есть ли что её слаще? – воскликнул средний сын старика и восторженно продолжал: – Быть властелином целого мира, ощущать величие своё, сладость силы и могущества своего – это великая сладость!

Но, заметив, что слова его никого не убедили, умолк.

– Наверное, – начал старший внук, – точнее всех на вопрос деда ответу я. Жизнь, как известно, диалектична, и познание истины коренится в борьбе противоположностей. Вот почему для того, чтобы ответить на вопрос, что самое сладкое на свете, надо знать, что является антиподом сладости. И потому я думаю, что самое сладкое – это горечь, ибо, не познав горечи, не узнаешь и сладости.

– Ну ты загнул! – заговорили разом братья и дяди. – По этому принципу можно считать, что голод гораздо слаще, нежели сытость...

Собравшиеся снова засмеялись.

– Дети мои, успокойтесь, – заговорил дед. – Каждый из вас был по-своему прав, отвечая на мой вопрос. Конечно, сладка и жизнь, и сон, и власть, и прочее... Но самое сладкое на свете, дети мои, – торжественно продолжал старик, будто открывая великую тайну бытия, – это то необдуманное, незаслуженно обидное слово, которое ты хотел сказать другому и не сказал... Когда пройдет время, лишь тогда вы ощутите на языке великую сладость этого невысказанного слова...

Жила в нашем селе красивая и дородная вдовушка. Не баловала эту женщину жизнь своими радостями, давно уже не одаривала минутами счастья, а наоборот, как могла, вредила – раньше срока лишила мужа дорогого, а теперь и на дитя её, сынишку малого, болезнь напустила.

Сохнет мальчик день ото дня, догорает, как свеча восковая.

Умоляет и просит Бога вдовушка спасти дитя ненаглядное, радость очей её, от хвори пакостной, от сглазу вредного, не дать безвременно закрыться глазкам дорогим.

И где бы она ни бывала: на людях или без них, взволнованно и покорно, как Матерь Божья, закинув очи вверх, молитвенно обращалась она к Всевышнему:

– О Всемогущий и Всевидящий! Исцели сынишку моего, все его хвори и болезни тяжкие перенеси на меня. Убей меня, Господи, а сыну дай жить!

И эта молитва её громогласная вызывала в людях участие и сочувствие: какая-то бабка трав принесла лекарственных, что пошло, говорят, на пользу малому, кто-то врача известного на дом пригласил без затрат для вдовушки.

Так и шло время.

Домик её стоял на краю села и был из двух комнат. В дальней комнате на тахте лежал больной мальчишка, в передней коротала своё время убитая горем вдова. Во дворе, в хлеву, привязан был ослик, послушное и доброе животное, помощник вдовы в хозяйских делах.

И утром ранним, и в вечерних молитвах своих умоляюще просила вдова исцеления сыну, хотя бы ценой собственной жизни.

Однажды, ветреной тёмной ночью, когда, как обычно, вдова спала в передней, ослик освободился от привязи и ненароком толкнул головой в хозяйскую дверь.

Дверь с треском раскрылась, и в её проеме вскочившая от шума вдова вдруг в ужасе увидела светящиеся глаза и огромную страшную голову. В темноте ночи ей показалось, что это ангел смерти Азраил пришел за её душой, что минуты её сочтены, и она, в молитве став на колени, вскрикнула:

– Нет! Нет! Больной не здесь! Он в соседней комнате!..

Асфальтовая лента дороги перерезала виноградники совхоза на две неравные части: малую – предгорную, ибо разместилась она у подножья Кавказских гор, и большую – приморскую, поскольку приблизилась почти к самому берегу буйного Каспия. «Предгорные» виноградники закреплены за одной бригадой, а «приморские» – за тремя.

Чтобы быть ближе ко всем бригадам, поскольку телефонной связи между ними нет, по заданию руководства совхоза местные умельцы выстроили у самой дороги красивую, подобную китайской пагоде, беседку и покрасили её в белый цвет. Здесь в конце рабочего дня планируют задания на следующий день или «чищают» нерадивого работника. Совхозные острословы тут же прозвали беседку Белым Домом.

Сегодня в Белом Доме шумно. Главный агроном совхоза, большоголовый, широколицый богатырь, совсем не упырь-злодей, каким кажется на первый взгляд, а добрый и милый человек, собрал начальников отделений, агрономов и бригадиров, чтобы подвести итоги осенне-зимних работ и выставить напоказ небрежных к делу. В частности, бригадира предгорной бригады – худощавого, как таркал, лопоухого увальня. Зовут его Локатор, и он охотно на этот зов откликается, привык. За оттопыренные уши приклеилось к нему это прозвище ещё со школьных времен, и вот уже более трех десятков лет сопровождает его повсюду.

Однажды случился курьёз: ревизор поднял целую бучу, обнаружив в ведомости на выплату премии «мёртвую душу» – в списке

работников совхоза в отделе кадров документов человека по фамилии Локатор не оказалось, а он получил большую сумму. Сменялись долго – бухгалтер бригады при составлении ведомости по привычке вместо фамилии бригадира написал: «Локатор», а тот преспокойно расписался.

– Скажи, Локатор, – спросил его главный агроном, – в чём дело, уже весна стучится, а у тебя до сих пор не завершена обрезка кустов?

– Опоздал малость, наверстаем, – хлопая глазами, отвечает Локатор.

– Когда? – наседает главный. – Скоро сокодвижение начнётся, а у тебя четверть площадей нетронутая стоит.

– Наляжем всей бригадой, – снова парирует бригадир.

– Ты и в прошлом году вот так же обещал, а плана не выполнил, – вмешивается начальник отделения совхоза, в подчинении которого – бригада Локатора.

Тот молчит.

– Смотри, выгонят тебя рабочие из бригады, – замечает главный агроном, – подведёшь...

– Нет, не подведу, всё сделаю, обещаю, – снова заверяет Локатор.

И тут случилось удивительное: главный агроном, выслушав перепалку с Локатором, сотрясаясь всем своим огромным телом, стал смеяться, взмахнув, до слёз.

– Вы чего? – хлопая удивлённо глазами, спросил Локатор. – Чего смеётесь-то?

Это развеселило уже всех присутствующих.

– Я вспом... – отдышавшись от смеха, заговорил главный агроном. – Ты знаешь, Локатор, я вспомнил одну историю... Однажды волку пообещали, что его со следующего дня назначат пастухом большой овечьей отары. Услышав эту весть, волк стал плакать. Ему говорят, что это ты, мол, плачешь, наоборот, радуйся, что счастье тебе привалило, теперь, мол, в твоём распоряжении будут сотни баранов, только успевай: дави и ешь, не жизнь, как говорится, а малина, кайфуй...

– Я тоже так думаю, – согласился Локатор.

– Вот-вот... – продолжает главный. – Волк же отвечает: «Я знаю, что мне будет хорошо, даже очень прекрасно, прямо как в раю, но одного я боюсь...» «Чего?» – спрашивают волка. «Что это обещание будет обманом...»

Главный агроном ненадолго умолк и с каким-то тайным смыслом добавил:

– Вот и я этого боюсь, бригадир. Лучше горькая правда, чем ласковый обман...

Мудрость приходит с годами, она – опыт прошлого: пройденного, прочувствованного и передуманного. У молодости, как и у всякого начала, всего этого ещё нет, поэтому она спешит, торопится изведать неизведанное, пройти намеченное, ей незачем оглядываться, у неё там, позади, ничего нет. А у старости, наоборот, всё или почти всё позади, есть над чем подумать, поразмыслить, сделать выводы из опыта прошлого, ибо дорога подошла к концу, даже не столько дорога, а время – каждому, как говорится, отведён свой век.

Молодость и старость – родник жизни, как одно целое, как продолжение начала, и если бы старость не имела надежды на идущую ей вслед молодость, а последняя безумно отвергала бы опыт и мудрость старости, иссяк бы родник жизни, мир потерял бы стремление к действию.

Мудрость – ещё и умение отобрать главное из всего многообразия мироощущений, найти ту грань алмаза, которая особенно ярко отражает свет: это – редкое сито, которое, просеивая, не потеряет в шелухе ни одно полезное зерно. И если это умение приходит к человеку не в конце пути, а где-то хотя бы в середине его, то родник преображается, пульс его становится наполненным и стремительным, как у бегуна, когда он преодолевает критическую точку и путь к победе кажется ему легко преодолимым.

Мой сосед, сидящий толстяк, учитель астрономии, говорил обо всём этом с сожалением и грустью, как человек, который в

суете жизни упустил что-то очень важное, словно золотых дел мастер среди лома не увидел и не оценил металл драгоценный...

– Представь себе, мой друг, – рассказывал он откровенно, – при жизни мы как-то не замечали в отце ничего особенного: отец как отец, заботливый – да, трудолюбивый – да, малость вспыльчивый, когда дело касалось подлости, – тоже да, и как будто всё... А он ещё много лет назад преподнёс нам такой урок, глубину мудрости которого мы постигли лишь сегодня.

Он вдруг оживился, в глазах его появился радостный блеск, словно он – астроном, разгадавший, наконец, тайну далёкой звезды.

– Однажды в воскресенье меня разбудил крик недовольства матери, – продолжал он, таинственно улыбаясь, – которая сердито выговаривала отцу: «Ты что, слепой? Ну как ты мог купить этот чемодан... он же весь изодранный, совершенно ненужная вещь... за него не только платить, этот хлам и домой принести равносильно позору... Деньги выбросил на ветер... Нет, ты окончательно белены объелся...» Когда, умывшись и одевшись, я зашёл в сарай и увидел покупку отца, я ахнул от изумления, потому что это был не чемодан и даже не подобие чемодана, а так, обклеенный дерматиновыми лоскутами ящик.

Отец был кровельщиком, хлеб добывался им нелегко, и такая «покупка» отца была нами воспринята как одна из его причуд. На очередные упрёки матери он махнул рукой и, вконец выведенный из себя, произнёс: «Знаешь что, это не твоего ума дело...»

Шло время, и страсти вокруг чемодана сменились шутками. Теперь уже история эта подавалась нами в компании родственников и друзей для потехи, как десерт после вкусного обеда. Отец не сердился, а лишь ещё больше шурился, глядя на рассказчика, как дегустатор на очередной бокал...

Вскоре об этом курьезном происшествии забыли. Однако я его забыть не смог. Не укладывалось в моём сознании, что отец – человек труда, в поте лица добывавший свой кусок хлеба, – мог так легко выбросить деньги. Я верил, что за «причудой» кроется какая-то тайна, щепетильный случай, о котором отец вспоминать не хотел. И я не ошибся...

Сосед мой потянулся за пачкой сигарет на столе, с волнением достал одну, помял её в пальцах, прикурил и глубоко затянулся.

– Да, я не ошибся, – повторил он уверенно. – Послушай дальше, тебе будет интересно... Но прежде о другом... Я много думал вот о

чём... В царской России самыми высокооплачиваемыми были знаешь какие профессии? Врача, учителя, инженера и юриста... А у нас, у нас их труд самый дешёвый. И что имеем в результате? Во врачевании мы потеряли главное – милосердие, в воспитании и обучении – нравственное начало, в юриспруденции – справедливость, в инженерии – производительность труда. Без этих четырех китов человеческое общество жить не может, оно «болеет», наше общество... Так вот, в суматохе, в этой «бесконечной битве» мы потеряли ещё одно ценное качество нашего старшего поколения – благородство. Сегодня это редкость, дефицит, скажу прямо – роскошь; найти благородного человека – то же самое, что отыскать звезду в закрытом тучами небе... А говорю я об этом вот почему. Однажды мы остались с отцом наедине, и я напомнил ему о том злополучном чемодане... О-о, что было, что было... Он поведал мне историю, которая привела меня в такую растерянность, что я по сей день стыжусь и покрываюсь краской от воспоминания о ней... Отец, как правило, поднимался на рассвете и уже к 4 часам утра шёл в чайхану. Там, как тебе известно, подают не только ароматный чай, но и все последние новости, даже те, о которых не знают ещё ни милиция, ни спящие горожане. И вот на пути к чайхане он встретил на улице своего фронтового друга, о котором было известно, что он вот уже шестой месяц болеет и редко покидает постель. Расспросив того о житье-бытье, он узнал, что больной находится в крайней нужде, что семье его прямо худо, и за неимением более стоящей вещи он несёт на базар этот чемодан, авось хотя бы за пару рублей кто-то купит.

«Вот так взять и дать ему денег я не решился, – рассказывал отец, – этим я его мог унижить, а я не хотел ему причинять ещё и душевную боль... Вот я и решил с ним поторговаться... Я стал его убеждать, что он ошибается, что чемодан его стоит гораздо дороже, стал говорить о его достоинствах: о ручке, пряжках, замках и прочем, что отдавать его за 2 рубля – это расточительство, и предложил ему 15 рублей...»

Он отдал своему другу 15 рублей – с великим трудом заработанных денег, отдал, чтобы, не унижив, не оскорбив, поддержать его в трудную минуту, а чемодан... чемодан принёс домой и выбросил в сарай...

Вот и вся история, мой друг. Я же в раздумье с тех пор: мы, новое поколение, идущее вслед за отцами нашими, не растеряли ли в пути то, что так бережно несли они?..

дни утверждают, что тётушка Ханум жила в Ширване, даже называют улицу, где она проживала, другие клянутся светом Божиим, что она нигде не жила, кроме как в Баку, ничуть не меньше, а мои патриотичные горожане, готовые биться за истину с кем угодно и на любом уровне, твёрдо считают, что тётушка Ханум, конечно же, коренная жительница Дербента, и при этом говорят о таких подробностях из её жизни, что им может не поверить лишь неверующий.

Худо лишил её почему-то детородства, но зато во сто крат увеличил её любовь к детям, а те, в свою очередь, души не чаяли в ней: послевоенные, страждущие, голодные, безродные и даже имеющие родителей тянулись к ней, как замерзший тянется к теплу. Вся голытьба городская, и малые, и большие, столовались у неё, будто приходили в собственный дом. При этом ребята не только не встречали отчуждения, наоборот, находили бесконечное сострадание и внимание. Нуждающихся тетушка Ханум чувствовала нутром, узнавала по глазам или по только ей одной известным приметам и непременно приходила на помощь. По существу, все в её доме отдавалось им.

Тетушка Ханум – дородная, крупная, можно сказать, пышная женщина средних лет, была, вопреки её полноте, очень подвижной и решительной. На единственном городском рынке, которым она руководила уже много лет, хитроумные торговцы боялись её, как огня, и ублажали всячески. При этом, заметив угодливое выражение лица ублажателя, она язвительно говорила:

– У-у, бесстыжая морда, так и норовишь у ног распластаться...

Так в ней и уживались презрение и высокомерие к рыночным дельцам, порой даже жестокость к некоторым из них, и трепетная любовь к сиротам и страждущим детям, для которых она находила и открывала свои тайники нежности и заботы.

Студент Садык, племянник тетушки Ханум, родители которого лет десять назад были репрессированы как «враги народа», у неё теперь находил материнскую заботу. Однажды парень застал тётку бледной, лежащей, скорчившись, на диване. Периодические отрывки, видно, дали о себе знать, вызвав острые боли, и бедная женщина, схватившись за живот, тихо стонала.

– Тётушка, что с вами? – встревожился племянник.

– Ничего, ничего, не беспокойся, – успокаивающе, но всё ещё постанывая, отвечала тётушка Ханум, – садись, отравилась, наверное...

– Так я сейчас за доктором сбегаю, – с готовностью говорил племянник. – А где дядя?

– Доктора не надо, – отвечала больная, – дядя побежал за кислым молоком.

Как раз в этот момент в комнату вбежал муж тётушки Ханум с банкой кислого молока. Он торопливо схватил со стола ложку и кинулся к ней.

– Ай, муж, – сказала тётушка Ханум, – дай тарелку...

– Зачем? – не понял муж, – ешь прямо из банки, вот ложка...

Женщина отвела руку мужа и решительно сказала...

– Садыку отлей немного, ему полезно...

С тарик Шомоил, мой давний знакомый – высокий, малость сутулый, большеголовый, с грубыми крупными чертами лица, на котором жизнь оставила и борозды морщин, и рубцы шрамов – следы кинжальных и пулевых ран, с большими кистями рук, которые при необходимости готовы превратиться в огромные кулаки. Он каждое утро, неторопливо отгоняя на пастбище единственную корову и десяток овец, проходит мимо моего дома и искренне приветствует:

– Себэхтүэ э хэйрбу, хэлефме! Чүэ хэбери? – и, выслушав ответ, так же неторопливо идёт дальше.

На этот раз он шёл как-то очень трудно, словно был под тяжёлой ношей, лучше сказать даже не шёл, а волочил и без сапог тяжёлые, мосластые ноги.

– Как жизнь, отец? – ответив на приветствие, спросил я его. – Что-то запоздал сегодня...

– Устал, сынок, – опершись на большую суковатую палку, доверительно ответил старик. – Давно пора на покой, а вот... – большим корявым пальцем он показал в сторону сердца: – Всё неймется, стучит и стучит...

Маленькое стадо старика тоже остановилось. Овцы стали тереться друг о друга, а корова, отгоняя хвостом назойливую муху, обнаружила невесть каким образом выросший у дома зелёный куст, и стала щипать его.

– У нас, в Мюшкюре, один пришлый построил мельницу, а утром следующего дня его, утопшего, нашли на берегу Гюльгери-

чая. В народе говорили тогда, что «водяной подать взял»... – продолжал старик с лукавинкой. – Это я к твоему вопросу всё... Мёртвого-то, как водится, предали земле, а вот как мельницу остановить – никто не знает: льётся вода сверху, крутит колёса, а там, в свою очередь, всю работу жернова... Один было полез с палкой, так его так шарахнуло, что думали, всё, погиб парень... Ну тут его родственники рассердились, полезли с кинжалами, стреляют в колеса из пистолетов, а мельница грохочет жерновами, и всё... Нашли старую пушку с самопалом, три ядра, килограммов по десять каждый, как бухнули – крышу снесло, от колёс щепки полетели, думали, всё, остановится неужённая, так нет же, вся израненная, кинжалами да пулями побитая, ядрами пробитая, работает, шельма, и всё тут...

Старик тихо кашлянул, выпрямился, крепче сжал свой суковатый посох и добавил:

– Вот и я, старая кляча, как та давняя мельница, весь побитый да израненный, а вот не остановиться никак, не остановиться... Будь здоров, сынок!

Старик пошёл дальше навстречу новому дню, который и сегодня будет бить и стрелять в его мельницу...

Белбәкәтә Хемингуэзә

Келебебе-богбоне можно говорить не устывая. Келебебе – это значит отец или дедушка, а богбоном его называли за то, что в нашем селе он слыл лучшим садовником и только у него в саду росли редкие деревья, вкусными плодами от которых он не раз угощал и нас. Как-то купил я в магазине портрет Хемингуэзә и повесил на стену. Наша бабушка долго разглядывала его, а потом задумчиво говорит: «Послушай, внук! Видно, Келебебе-богбон был, действительно, большим человеком, если его портреты в магазинах продают». Это поразительное сходство сбilo с толку не одну нашу бабушку, но и многих наших соседей, которые, не разобравшись вначале, в один миг раскупили в магазине все портреты. Умудрённый жизнью добрый взгляд с портрета был точно как у Келебебе-богбона.

Жил он в соседнем дворе, и мы, мальчишки, почти каждый вечер бегали к нему слушать овосуне или притчу, которые он умел мастерски рассказывать. Зачастую, забывшись, он настолько вживался в мир своих сказок, что возмущался несправедливостью падишахов или тяжело переживал беду своего любимившего героя. Сидя на тахте и поджав под себя ноги, он сажал одного из нас на одно колено, второго – на другое, остальных рассаживал вокруг себя, поглаживал свою седую бородку и после недолгого молчания начинал...

«В Ардебиле, древнейшем городе Ирана, жил падишах. Это был город изумляющей красоты, окружённый райскими садами, в которых распевали свои неумолкающие песни влюбленные со-

ловьи. А из его хавузов утоляли жажду многочисленные путники, ибо здесь, через этот город, проходили главные караванные дороги в сказочный мир богатейших стран юга. В караван-сараях славного Ардебилля останавливались на отдых купцы, которые держали путь в Экбатан, Хорезм и Индию, и, возвращаясь, считали своим долгом отвесить ему поклон. Сюда заходили путешественники и странствующие дервиши, здесь находили приют поэты и ашуги.

Так вот, жил в этом городе падишах с сердцем мягким и нежным, душой мечтательной. Ни одного купца или путешественника не оставлял он без приглашения, устраивал в их честь пиры, подарками одаривал каждого, а потом терпеливо расспрашивал о жите-бытье в других вилайетах, об интересном и захватывающем, о чудесах и диковинках, что видели и слышали они в дальних странах.

И однажды купцы иранские, которые возвращались с северной стороны, рассказали ему о невероятном городе, что повстречался им на пути.

– О солнцеликий падишах! Да будет жизнь твоя сладостна и долговечна! – обратился к нему один из купцов. – Город этот, словно одноглавый дев, улёгся поперёк большого караванного пути головой на вершине, а хвостом в море. Дворцы его прекрасны, земли плодородны, а воды полезительны. Но, великий падишах, дело совсем не в этом...

– Так в чём же? – нетерпеливо вскрикнул падишах.

– Дело в том, великий падишах, – продолжал купец неторопливо, – что в нём нет... дураков.

– Нет дураков? Одни мудрецы? Ха-ха-ха! – расхохотался падишах, а потом, успокоившись, недоверчиво переспросил: – А как же дворцы... без дураков? Кто же... правду скажет?! Это что же, никого не проведёшь, не обманешь? Не-е-т! – не поверил падишах. – Что-то вы здесь напутали. Государи без дураков не могут!

– Великий падишах! Воля ваша, верить нам или нет, – с достоинством заговорил снова купец, – но мы говорим правду. Люду всякого там немало, говорят на разных языках, но живут дружно, без ссор. И потому врагам недоступен этот город. Мы же, если на то будет воля Аллаха, скоро снова поведём свои караваны в те края, если великий падишах пожелает, пошлите с нами своего человека, пусть посмотрит...

Скоро ли то было или не скоро, но однажды доложили падишаху, что купцы иранские, которые на север держат путь, всемирно просят его величество их принять. Понял падишах, кто были те купцы, и вышел им навстречу в одежде дервиша.

– Не удивляйтесь, купцы дорогие, – улыбаясь, сказал падишах, – заскувало моё сердце в этих стенах, на волю просится. Вот и решил я не посылать никого, а сам пойти в тот город...

Долго ли шли они, коротко ли, о том неведомо, но рассказывали, что по берегу моря Хазарского шли они на север, преодолевая реки буные, через долины Мюшкюра цветущего, по подножию Великих гор. Шли медленно, не торопясь, ночью под светом нежной и чистой луны, а днём прячась от палящего солнца под кронами могучих дубов.

К городу тому подошли на рассвете. Ворота были закрыты, за ними слышался могучий храп стражи. Где-то вдалеке торжественно заголосил петух, потом слух уловил заунывную мелодию, прочёл молитву муэдзин, открылись ворота...

«Как же я здесь распознаю жителей? – вдруг подумал падишах-дервиш и задумчиво остановился. – Как отличить умного от дуака? Иногда падишахи делают такие дурости, что у райятов только желваки трясутся, а попробуй хоть один из них даже заикнуться об этом. Вот тебе и отличи... Ладно, не буду ломать голову, – решил падишах, – заговорю с первым встречным, а там видно будет...»

И первым, кого встретил падишах-дервиш, войдя в ворота, был мальчик лет семи или восьми. Сидя верхом на длинной палке из инжира, он весело погонял своего послушного скакуна, хлестая его хворостинкой по бокам.

– Мальчик! – сказал падишах-дервиш, остановив его. – Здравствуй, сынок!

– Здравствуй, дядя! – запыхавшись от бега, ответил мальчик.

– Знаешь, сынок, я впервые в этом городе и никого здесь не знаю, – заговорил дервиш. – Что-то у меня горько во рту, вот тебе абасы, купи мне что-нибудь сладкое. Я тебя здесь подожду.

Мальчик внимательно посмотрел на странника, услужливо взял монету, повернул своего скакуна и весело куда-то помчался. Он не стал искать лавки уста-халвачи, не поскакал к тем мастерам, которые делают вкусный щербет, а направил своего иноходца прямо на базар, в лавку мясника, подав ему монету, он попросил

мясника дать ему того мяса, которое висело на последнем гвозде. Приняв свёрток, мальчик устремился к месту свидания и отдал дервишу ношу.

Не взглянув даже на то, что ему принесли, дервиш поблагодарил мальчика и обратился к нему с новой просьбой:

– Извини, сынок, со мной что-то приключилось. Теперь во рту у меня приторно-сладко, прямо невыносимо. Вот тебе ещё абасы, купи мне что-нибудь горькое.

Мальчик слегка улыбнулся и, забрав монету, стремглав бросился снова в мясную лавку. Попросив у озадаченного хозяина лавки того же мяса, не задумываясь, вернулся к страннику.

Тот раскрыл первый свёрток, потом второй – и удивился!

– Сынок! – озадаченно сказал падишах. – В первый раз я просил тебя купить что-нибудь сладкое, второй раз – горькое, а ты и в том и в другом случае принёс... язык?

– Ах, дядя! – ответил мальчик сочувственно. – Самое сладкое и самое горькое и есть у вас в руках! Разве вы этого не знаете?.. До свидания, – сказал он через секунду, повернул своего деревянного скакуна и помчался прочь, оставив в задумчивости великого падишаха Ардебиля.

«Да-а! – подумал падишах. – Если в этом городе даже такие мальцы – мудрецы, что говорить о других?!»

Сказка осталась, а Келебебе-богбона давно уже нет в живых. И каждый раз, когда я вспоминаю его доброе имя, жалею, почему тогда не расспросил его подробнее о городе того мальчугана с деревянным скакуном, и ловлю себя на мысли, что уж больно похож он на мой древний Дербент...

Секреты гоголетей

Кому первому пришла мысль об организации этой встречи – никто не решился сказать, но, будто сговорившись, все в один голос утверждали, что предложение это, конечно, исходило от дедушки Келебебе. Так это было или не так, но в последний день весны под огромным тутовым деревом во дворе мудрого Келебебе собрался весь его тухум.

Намечали эту встречу ещё год назад – разбежались сыновья и внуки старика по белу свету, пораскинула их судьба в разные края, города и сёла великой страны нашей, и немало трудов стоило кунчоли – младшему сыну Келебебе, тоже отцу большого семейства – собрать всех сегодня под это старое, как и сам хозяин, немало повидавшее на своём веку могучее дерево. Приехали все, за исключением либо тех, кто занят на службе, либо тех, у кого произошло какое-нибудь чрезвычайное событие.

Семеро сыновей и одна дочь Келебебе принесли ему сорок семь внуков и внучек, а одиннадцать из них, в свою очередь, произвели его в прадедушки. Не было среди них ни одного, кто бы не почувствовал ласку и внимание Келебебе, кого бы не знал старик в лицо и чьё-либо имя забыл. Всех держал в памяти мудрый Келебебе и не преминул спросить о чём-то, только ему известном, каждого, кто подходил приветствовать его в этот солнечный майский день.

Расстелены на земле красочные ковры табасаранских мастериц, разложены на них маленькие мягкие подушки для сиденья, здесь же – убранный тахта, на которой восседает основоположник рода – Келебебе. Рядышком расставлены столы, на которых, бле-

стя, красуются четверти с сухими винами собственного производства, много сортов зелени, свежее испечённый тандырный чурек, зажаренный на сковороде свежий усач и с блестящей жирной спинкой уже высушенный мартовский кутум. Чувствуются запахи ароматного плова и шашлыков – сыновья и внуки старика, весело переговариваясь, священнодействуют, готовят в углу двора.

Встреча родственников – одна кровинушка, как говорится, все свои, словно ветви и побеги могучего ствола.

– А-а, вот и мой Мунош приехал, – улыбаясь, приветствовал Келебебе одного из младших сыновей. – Здравствуй, здравствуй! Ну-ка, садись, душа моя, рассказывай, как твоя диссертация, защитился? Что говорят учёные, можно с виноградной чумой, то бишь с филоксерой воевать?

– Да, отец, твои методы приняты наукой, – утвердительно кивает головой внук.

– Ну, ну, мои, скажешь тоже, они, душа моя, столько же и твои, десять лет бригадирствовал, ночами не спал... – Потом, довольный, старик добавил: – Молодец, своего добился, я рад за тебя... Ну, а ты, Содуг, душа моя, почему изменил земле, на завод пошёл работать? – пожимая руку другому внуку, с иронией обратился Келебебе к голубоглазому юноше. – Я здесь его расхваливал, а он...

– Не сердись, дедушка, – обнимая старика, отвечал Содуг, – и на заводах работать нужно, сам же учил: главное – дело своё делать по-человечески... А земле, кстати, я не изменял, рядышком с домом развёл маленький палисадник, так что, дедушка, зелень едим свою...

– И здесь экономит, душа моя, узнаю внука... – пошутил старик.

Шутка деда вызвала смех.

– Здравствуй, дедушка, рад тебя видеть бодрым и здоровым! – как-то неестественно торжественно приветствовал старика Мугдоши, словоохотливый внук Келебебе, а потом представил ему своего товарища: – Вот, познакомься, дедушка, со мной приехал друг, он журналист...

Старик пожал руку гостю.

– Газеты пишешь, значит, душа моя, – весело уточнил Келебебе. – Как нынче, верят тому, что пишут?..

– По-всякому бывает, – уклончиво ответил гость и, воспользовавшись возможностью поговорить со стариком, неожиданно спросил: – Скажите, пожалуйста, дедушка, сколько вам лет?

– Тебе, душа моя, наверное, мои сыновья и внуки столько наговорили обо мне, что ты возомнил, что, мол, Келебебе стар и мудр, спрошу-ка его о чём-нибудь, не так ли? – хитро, вопросом на вопрос, ответил старик.

– Да я и сам вижу, что не так прост дедушка Келебебе, как кажется на первый взгляд, – весело ответил гость.

Собравшиеся вокруг старика родственники согласно закивали.

– Задавший вопрос ждёт ответа, не так ли, душа моя? – улыбнулся старик.

– Да, дедушка, не из праздного любопытства спрашиваю, – отвечал молодой гость.

– Вот как? – задумался хозяин дома. – А как мне тебе ответить?.. Говорят, когда одного гостя повели на старое кладбище, он был весьма удивлён тем, что на могильных камнях значились короткие надписи об усопших, мол, такой-то прожил 3 года, 5 лет, 2 года и так далее. «Что это, детское кладбище?» – спросил тогда обескураженный гость. «Нет, – ответили ему, – здесь похоронены люди разных возрастов: и молодые, и старые...» «Как же тогда понимать эти надписи?» – ничего не понял гость.

И ему пояснили, что каждая цифра на этих могильных камнях означает тот срок, который человек счастливо прожил за свой век. Так вот, душа моя, одни считают, что человеку столько лет, сколько он прожил в удовольствии. Другие же, есть и такие, ведут счёт своей жизни со дня ухода на пенсию. Они пришли к убеждению, что правильно жил лишь тот, кто к шестидесяти годам сохранил здоровье: не надрывался, не усердствовал, не нервничал... Вот так, душа моя...

Старик прервал рассказ, погладил бороду в раздумье и, обратившись к гостю, неожиданно предложил:

– Тебя, душа моя, я приглашаю вместе посчитать, сколько же мне лет... Вон, рядом с тобой, сидит мой первенец... Много он нам хлопот доставил, пока рос: часто болел, плохо спал, от его крика в соседнем дворе не спали, а нам и подавно было не до сна... Потом драчуном стал, часто с шишками приходил, потом... а-а, что рассказывать, ему скоро шестьдесят будет, и всю жизнь за него у меня сердце болит... За ним, вон, второй стоит. Правдоискателем был и остался навсегда, а честному, правдивому человеку, душа моя, несладко живётся... Били его много, с должностей гнали, травили, как могли... Вот и за него все его 58 лет сердце стонет,

прибавь к первым 60 вторые 58... Третьему моему недавно 56 исполнилось, нефтянником в Тюмени работает, а там холода, трудности, так что вестей от него жду с нетерпением, сердце готово вырваться и полететь к нему, когда он долго не пишет, весь издёргаешься, а он, поганец, забывает об этом...

– Прости, отец, виноват... – признался «обвинённый».

– Молчи и на ус наматывай, – многозначительно отвечал ему старик, – знаю, что и твой пострел подолгу домой не пишет, весь в тебя... Так вот, душа моя, будем считать дальше. Четвёртому моему 50, пятому – 48, а между третьим и четвёртым родилась и дочь моя, Шекер. За каждого из них ежедневно, ежечасно у меня душа болит. Тревожусь я обо всех внуках, не могу оставаться равнодушным по сей день к судьбе правнуков, близких и родных своих. Сосчитал, сколько годков набирается? Так вот, душа моя, до тех пор, пока моё сердце болит за близких мне людей, пока я не равнодушен к их судьбам, столько я и живу...

Эффект буллера

Мроизошло это ещё до войны, в Мюшкюре, большом разноязычном селении на берегу Гюльгеричая – красавицы реки, которая берёт своё начало в горах древнего Орага, стремительно, словно бегущая на зов жениха невеста, несётся по кручам Кавказа, легко увлекая за собой гладкобокие голыши, устилая ими своё русло на равнине, и, найдя наконец своего возлюбленного, бросается в объятия могучего Каспия.

Здесь, в устье реки, рядом с лесным массивом, на нанесённой ею плодородной илистой почве, образовались тогда зелёные луга с сочным травостоем, кое-где островками – плантации камышовых зарослей, да чистые, будто родниковые, малые разливы, куда заплывали весной жирные блестящие кутумы и усачи с розовыми хвостами и плавниками и где метали икру, а затем, одухотворённые содеянным, теряли чувство опасности, становились сонливо-ленивыми и оттого были лёгкой добычей для обрадованных рыбаков.

Здесь, подальше от людских глаз, назначали встречи влюблённые, здесь укрывались на зиму уставшие и отставшие от стаи перелётные птицы, сюда же, на обильно поросшие травой луга, отправляли сельчане своих лошадей на ночную пастьбу.

Однако картина эта будет неполной, если не упомянуть ещё об Авдале, живом придатке этих мест, двадцатилетнем увальне – трудолюбивом и молчаливом добряке, который почти круглый год пас здесь свою, такую же, как сам, неторопливую лошадку, рыбачил и тут же на костре, в старом закопчённом, невесть каким

образом приобретённом им причудливом медном казанке варил себе уху, приправляя её пахучим сельдереем, мятой, диким луком и редким анисом, кои произрастали здесь обильно и почти повсюду.

Работал Авдал объездчиком в лесничестве и нёс свою службу исправно: без надобности никого не обижал, но и самовольных рубок не позволял, а вот одинокой беспомощной старушке какой, бывало, сам привозил и молчаливо забрасывал во двор подобранный в лесу валежник, при этом на похвалу не отвечал, а неловко добродушно улыбался и тут же уезжал.

На ночлег в свою саклю он заглядывал, можно сказать, лишь в зимние дни, в другое же время спал Авдал прямо на лугу, под открытым небом, подложив под себя выдавшую виды шубу из овчины, а под голову – сумку с неприхотливой едой. Тут же рядом паслась и его лошадка.

Жители села относились к Авдалу с лукавинкой, как к человеку с причудами, мол, что с него взять – чужак, и всё тут. Порой были не прочь и подшутить над ним. Его незлобивость, немногословие и простодушие некоторыми его сверстниками принимались за тугодумие и даже за глупость. И это вызывало у них желание посмеяться над ним, а иной раз чуточку и унижить. Однако Авдал оставался к этим нехитрым выходкам товарищей безразличным, лишь добродушно улыбался и не обращал на них внимания. Вот таким он был, это дитя природы. Хотя справедливости ради следует сказать, что старшим импонировали его трудолюбие и доброта, и они зачастую ставили Авдала в пример своим оболтусам.

Однажды, когда Авдал спал на лугу, устав после трудного дня, один из его сверстников, молодой колхозник Писер, которому поручено было пасти в эту ночь колхозных коней, решил в очередной раз над ним подшутить. Он спрятал лошадку Авдала в камышах, стреножил её, а потом принялся его будить: мол, что же ты, соня, спишь, когда твоего «вездехода» украли...

Когда же, наконец, шутнику удалось расшевелить спящего Авдала и сообщить ему о пропаже, тот полуоткрыл глаза и спросонья ответил:

– Может, это к добру, – повернулся на бок и снова заснул.

Покуражившись недолго, заснул затем и «злоумышленник». А утром стало известно, что ночью и в самом деле украли всех

лошадей, кроме... лошадки Авдала, которая была упрятана в камышках незадачливым товарищем...

К полудню того же дня лошадей нашли в сорока верстах по берегу, в соседнем заповеднике... и не без помощи того же Авдала, кинувшегося на своём «вездеходе» по каким-то только им замеченным следам вдогонку непрощеным ночным пришельцам...

– Как ты мог, – с укоризной говорил удручённому Писеру отец, старый колхозник, уважаемый на селе человек, – в одну ночь и столько всего... напакостить? Разбудить усталого после работы человека, нарочно спрятать его лошадь, чтобы он потом нервничал, а значит, причинить вред, совершить зло... Мало всего этого, оставить на произвол судьбы колхозных лошадей и спокойно лечь спать... Да кто же ты после всего этого? – всё больше распалялся старик.

– Я же пошутить хотел, – сгорая от стыда, оправдывался Писер, – я не хотел, отец...

– Не хотел!.. – возмутился старик. – Запомни, сын: подлое, злое деяние, совершённое нами, нас самих не минет никогда! Оно, как бумеранг, брошенный в другого... возвращается и ранит нас самих... – и, заметив, что сын и сам осуждает себя за содеянное, успокоился, и уже с назиданием продолжил: – Вот послушай, я расскажу тебе об этом...

Несколько веков назад, недалеко от Дербента, у самого края Джалганской горы, располагалось селение Або-Собо. Жила в нём измученная горем несчастная мать семерых сирот, уходившая с рассветом в город, чтобы выпросить у сердобольных граждан хлеб насущный и накормить голодных детей. Выпрашивая кусок чурека или лепёшки сухой, она благодарно причитала:

– Дай вам Худо! Всё, что сделаете, вам же и вернётся!

Не минула нищенка и семью городского богача. Положив в суму протянутый богатый хозяйский хлеб, нищенка и ей неизменно повторяла:

– Дай вам Худо! Всё, что сделаете, вам же и вернётся...

Не нравились эти причитания хозяйке богатого дома, они вызывали в ней бурю негодования, а порой даже дикой злобы. «Ишь, ведьма, – говорила она про себя, – мало того, что я ей хлеб даю, она мне такого же «хлеба» и желает...»

И обозлённая богачка решила нищенку извести.

– Убить? – удивлённо спросил Писер.

– Да, сын, – не сразу ответил старик, выбитый неожиданным вопросом из колеи своего рассказа. – Слушай дальше... К следующему приходу нищенки хозяйка приготовилась заранее, испекла чурек и положила в него яд... Выпеченный чурек на удивление оказался красивым и аппетитным. И когда нищенка вновь пришла за подаением, возмущённая хозяйка, услышав снова ненавистные ей причитания, уже не раздумывая взяла с подноса приготовленный ею свежее испеченный чурек, от которого исходил вкусный запах сарыбугды, и положила той в руки...

– Это же надо, – возмутился Писер, – убить бедную несчастную женщину...

– Не перебивай, сын, – недовольно заметил старик, – умеи выслушать до конца...

Так вот, в то время, как нищенка пошла просить подаение дальше, с охоты в город возвращались два молодых всадника. Оба красивые, статные, богато одетые, в полном охотничьем снаряжении, чуточку удручённые неудачной охотой, они гнали своих уставших лошадей, намереваясь ещё засветло попасть домой.

– Скажу тебе честно, – признался первый охотник второму, – есть хочу, прямо сил нет...

– Потерпи малость, скоро будем дома, – успокоил друга второй.

– Стыдно признаться, – сказал первый, – попадись сейчас нищий с сумой, я даже у него попросил бы кусок хлеба...

– Возьми себя в руки, – стал стыдить друга второй, – вот уже крепость видна, до дома рукой подать...

И надо же такому случиться, как раз в этот момент им повстречалась та самая нищенка, которая, согнувшись под тяжестью своей сумы, возвращалась в село.

– А вот и моя спасительница, – весело воскликнул молодой всадник и поехал навстречу нищенке, – у неё я и попрошу кусок хлеба...

– Уймись ты, дуралей, – беззлобно заметил другой, – неужто у нищей хлеба попросишь?

– Да, честное слово, есть хочу, – ответил он другу и весело, как избалованное дитя, обратился к нищенке: – Тётушка, вы не могли бы дать мне немного хлеба?

Нищенка остановилась и удивлённо спросила:

– Вы меня?

– Да, тётушка...

Нищенка посмотрела на богато одетых молодых людей, на дорогое убранство их коней и, подумав, что не подобает давать таким людям куски разного хлеба, протянула молодому человеку свежеиспечённый аппетитный чурек.

– На, сынок, ешь на здоровье...

Всадник поблагодарил женщину, удивился было, что и в нищенскую суму попадают порой такие вкусные караваи, и, разломив чурек на две части, протянул другу одну половину:

– На, поешь, и ты, небось, голоден...

– Нет, – отказался второй, – я потерплю...

Первый ещё раз полюбовался чуреком, поднёс кусок к носу, вдохнул чудный запах горной пшеницы, аппетитно откусил... и замертво упал с лошади.

– Умер? – ошеломлённый услышанным, спросил Писер.

– Да, сын, – ответил старик, – и знаешь, кто оказалась его мать? Та самая богатая хозяйка, пожелавшая отравленным чуреком убить непонятую ею нищенку...

Смерть Адилшаха

Было ли так или не было, но Келебебе рассказывал, что в давние времена был один город, а в том городе жил некий шах, которого по традиции отцов и дедов называли Адильшахом, что значит «справедливый». От отца к сыну, а от него другим потомкам по наследству передавался шахский престол, и не обрывалась эта цепь многие годы, пока однажды...

— О шахзаде! — обратился однажды визирь к сыну Адильшаха. — Вас зовёт к себе падишах, больной желает сказать вам что-то очень важное...

Когда семнадцатилетний шахзаде оказался у изголовья отца, всем остальным было приказано покинуть их. На шахском ложе, словно свеча, догорал великий падишах.

— Сын мой, я умираю!.. — чуть слышно, но внятно произнёс падишах, устремив усталый взгляд на шахзаде. — Тебе быть Адильшахом...

— Да что вы, отец! — воскликнул сын в отчаянии. — Вот-вот придут лучшие лекари Индии и Китая, они вас вылечат...

— Не перебивай!.. — тяжело продолжал падишах. — Слушай, сын мой, я открою тебе тайну нашего рода... Моя болезнь неизлечима, она не во мне, а в... нас, в моём правлении...

Он сделал попытку протянуть руку к стакану с водой, но силы покинули его, и рука тяжело упала на подушку. Шахзаде, заметив это движение, приподнял ему голову и дал воды. Отпив глоток и отдышавшись, падишах продолжил:

— Нас, Адильшахов, называют справедливыми... и мы, падиша-

хи, живём до тех пор, пока умеем держать в узде страсти своих сардаров и вельмож, пока в государстве нашем царит справедливость... – устало закрыв глаза, падишах умолк, чтобы, собравшись с силами, снова продолжить свою исповедь:

– Вот уже семь поколений нашего рода не могут дожить до старости. Как только в шахстве верх берут ложь и несправедливость, когда под видимым благополучием подданных скрываются гнёт и деспотизм сардаров, над нами нависает рок справедливости и мы, падишахи, гибнем... – он нервно глотнул, испуганно отвёл безумный взгляд от какой-то точки над головой и, собрав последние усилия, продолжил:

– Ты молод, сын мой, у тебя и наследника нет, и потому род наш в опасности... Помни о справедливости... – падишах замер, естественно вытянувшись, запрокинул голову вверх и умер...

Во всех уголках вилайета своего побывал молодой Адильшах, на дорогах ли городов или шумных базарах, в кишлаках или на полях ражберов – всюду, где встречал падишах своих подданных, расспрашивал их о житье-бытье и жестоко карал тех, кто был несправедлив к мирянину. Долго и упорно боролся Адильшах за торжество справедливости в своём царстве, по каждому сигналу с мест посылал своих приближённых с требованием без жалости наказывать сардаров, которые вместо праведных и справедливых дел, наоборот, сами чинили бесправие кругом... Зол и немилосерден был к ним Адильшах, без жалости заточал в тюрьмы, а некоторых сардаров и вельмож отправлял даже на плаху...

Велеречиво, на все лады уверяли Адильшаха сардары и приближённые, что во всём его великом вилайете воцарились мир и спокойствие, что никто никого не обижает, что мирно пасут стада чабаны, спокоен на поле ражбер, шествуют по странам купцы, процветает в городах ремесло, доброжелательны и великодушны на местах его сардары.

И горе было тому, кто пытался уверить падишаха в обратном...

Лишь однажды, когда Адильшах в сопровождении свиты приближённых вышел на очередную прогулку по красочному и шумному базару своей дивной столицы, ему дорогу преградил... смелый человек.

– О великий падишах! – обратился к нему этот смельчак. – На вашем челе я вижу следы тяжкой болезни!

В свите Адильшаха началось замешательство, кто-то выхватил саблю и подстегнул вперёд коня, чтобы изрубить этого дерзкого райята, но падишах, подняв руку, остановил взбесившихся вельмож.

– Кто ты и откуда, сын мой? – доброжелательно спросил он скромно одетого смельчака. – И как ты осмелился остановить моего коня?

– Я лекарь, мой падишах, и кому, как не мне, знать людские недуги...

Адильшах спешил с коня, жестом приказал нукерам расположить под кроной огромного тутовника его кресло с балдахинном.

– Подойди ближе, сын мой, – устало усевшись в кресло, сказал падишах лекарю и продолжал: – Мои приближённые уверяют, что я совершенно здоров...

– Самим Провидением мне дано знать вашу тайну, мой падишах, – приблизившись с поклоном, заговорил лекарь, – и потому я не вправе молчать.

– Да как смеешь ты, райят! – взбесился хитроумный векиль на своём беспокойном скакуне, который так и норовил раздавить лекаря копытами. – Гоните прочь этого колдуна, мой падишах, он сумасшедший...

Адильшах жестом остановил его.

Лекарь же даже не дрогнул, он лишь печально взглянул на разноликую толпу падишаха и опустил голову.

– Возвращайтесь все во дворец, – приказал Адильшах визирю и другим вельможам, – я скоро вернусь. – И, заметив замешательство своих приближённых, добавил: – Не медлите, ступайте, здесь останутся нукеры...

И когда те, недовольные и злые, двинулись в путь, Адильшах снова обратился к лекарю:

– Я слушаю, говори, лекарь...

– В вашей груди бьётся доброе сердце, мой падишах, и потому я не боюсь сказать вам правду...

Адильшах, схватившись за ручки кресла, подался вперёд и, устремив на лекаря свой пытливый взгляд, взволнованно сказал:

– Ты не таись, лекарь, не бойся, говори, я ведь и сам чувствую, что от меня что-то скрывают, прячут, но дознаться не могу... Что? Плохо моему народу?

– Да, великий падишах, худо людям на местах, – с чувством отвечал лекарь, – поставленные тобой сардары, вместо того чтобы исполнять волю твою и сеять добро и справедливость, от твоего же имени чинят зло и несправедливость, бесправие царит почти везде, великий падишах...

– Как же так? – в недоумении воскликнул Адильшах, услышав рассказ лекаря. – Ты в своём уме? Я почти каждый день хожу по улицам и площадям города и не вижу того, о чём ты говоришь...

– О да, великий падишах! – ничуть не смутившись, ответил лекарь. – Здесь, рядом с вами, в столице, куда со всех концов света приезжают гости, сардары свой пыл укротили, они видят ваш гнев и боятся меча справедливости...

– А как же мои визири и вельможи, разве они всего этого не видят? – снова удивлённо и недоверчиво спросил Адильшах.

– Им, мой падишах, – тут же отвечал лекарь, – не до тревог и забот народа, они отгородились от него, живут во дворцах огромных, в достатке великом, на всём готовом, и им не хочется менять этот порядок. Подумайте, мой падишах, зачем им бороться с сардарами, нервничать, прибавлять себе хлопот, если их и так всё устраивает. Они, наоборот, как раз против всяких перемен. И если Адильшахи при этом не доживают до старости, вашей свите всё равно: чем чаще будут меняться падишахи, тем меньше будет перемен в их жизни.

– Это что же, я один, а остальные против меня? – недоверчиво и в то же время с тайной болью спросил Адильшах.

И этот вопрос не застал врасплох лекаря, он будто заранее знал о нём и тут же ответил:

– Не думаю, что вы одиноки в своей борьбе, великий падишах. Есть люди, преданные вам, но в таком великом вилайете их так ничтожно мало... Порой сардары на местах стараются и их сбить с толку, пускают пыль в глаза, а когда не удаётся смирить какого-либо смельчака, так его гнут и ломают. Я только что пришёл из соседней сатрапии, где известного ашуга Дюзьгюна бросили в темницу. За что? Только за то, что он в своих достанах поёт о тяжкой доле народа, о гнёте и деспотизме сардаров... Человека, который всем сердцем и могучим талантом служит тебе и твоему делу, великий падишах, сардары объявили врагом твоим и твоего шахства. Правду и справедливость бросили в темницу, великий падишах.

Падишах слушал и приходил в ярость. Он то порывался встать и устремиться вперёд, то устало откидывался на спинку кресла, в задумчивости устремив взгляд куда-то в крону раскинувшегося тутовника.

– И что же, положение, выходит, безвыходное? – багровея от негодования, спросил Адильшах. – А почему я тебе должен верить?!

– Верить? – смело переспросил лекарь. – Вы даже можете убить меня, великий падишах. Но самим Провидением мне приказано сказать вам об этом. А вот как поправить положение, вам виднее. Знаю только, что справедливость ни убить, ни заточить нельзя, она, словно птица счастья, дорогу себе найдёт... только спешите, великий падишах, время не терпит...

Адильшах вдруг приказал нукерам подать ему коня и, бледный от гнева и возмущения, поскакал ко дворцу, оставив на дороге своего смелого осведомителя...

А во дворце начался переполох. Во все сатрапии поскакали «проверяющие», коим вменялось в обязанность разобраться в положении на местах и доставить во дворец провинившихся сардаров. Переполнились тюрьмы, пошли в ход розги и разного рода пытки, а конца всё не было. Ожесточившись на своих неверных подручных, Адильшах чинил сейчас над ними расправу, страдали и виновные, и безвинные. Не ведал падишах, что так справедливости никогда не восстановить...

Не пожалел он и притеснителя ашуга Дюзьгюна, послал и его под смертельные розги.

Вспокоилась свита Адильшаха, бросила весь арсенал хитростей на спасение своих устоев, на сохранение своих привилегий. Они стали уверять Адильшаха, что его тревоги напрасны и он совершенно здоров, что случай с ашугом – ошибка, от которой в такой большой стране никто не гарантирован, что лекарь этот сумасшедший, маньяк, которому каким-то чудом удалось бежать из сумасшедшего дома, и дабы не натворил ещё какой беды, он снова водворён на место. Что он и сейчас не в своём уме, уверяет своих товарищей по палате, что в скором времени он будет падишахом. И если он, Адильшах, желает, может в этом убедиться сам...

Тем временем вездесущие агенты высокопоставленных вельмож разыскивали несчастного смельчака и действительно помести-

ли в сумасшедший дом. А так как лекарь стал сопротивляться и отрицать свою болезнь, подговорённые эскулапы надели на него смирительную рубашку и после многодневных «исследований» пришли к выводу, что у «больного» нарушена связность психических процессов, что он представляет опасность для окружающих и требует изоляции... Никакие требования и просьбы лекаря не возымели действия, так как при той системе, которая установилась в шахстве, добиться правды было чрезвычайно трудно...

Если лекарь просил о встрече с кадием, то ему сначала вежливо отказывали, а потом, когда просьбы эти стали настойчивыми, встречу эту ему устроили, заранее предупредив кадия, что этот сумасшедший утверждает, что он не болен, что он якобы лекарь и что он целый час беседовал с самим великим Адильшахом и у них есть общая тайна. И встреча с кадием, естественно, ничего не дала. Когда же лекарь кричал и требовал, чтобы его выпустили, его попросту били. Но даже в этом отчаянном для себя положении он надежды не терял, верил в торжество справедливости...

А Адильшаха терзали сомнения: глядя в зеркало, он вдруг понимал, что лекарь был прав, что бледность на его челе вовсе не признак здоровья – скрывают, видно, вельможи и сардары следы своих преступных дел, не всегда доходят до него просьбы и жалобы райятов; но в то же время у него не было оснований сомневаться в преданности своей свиты: в визире, во многих вельможах, да и в сардарах тоже. Ну а если кое-кто из них порой забывает о своём долге, что ж, люди есть люди...

И чтобы принять окончательное решение, Адильшах в сопровождении своих вельмож поехал посмотреть на лекаря. В палате было шумно. Оставаясь незамеченным, сквозь решётку окна Адильшах заметил что-то оживлённо рассказывающего лекаря. Больные слушали его внимательно, лишь некоторые из них оставались безучастными к происходящему. Вот к ним вошёл отправленный для беседы с лекарем врач.

- На что жалуетесь, больной? – обратился врач к лекарю.
- Я не болен, чёрт возьми, я совершенно здоров, – с волнением произнёс лекарь.
- Что вы ещё скажете? – поинтересовался врач.
- А то скажу, что вы надо мной издеваетесь! – снова с возмущением ответил лекарь и добавил: – А великий падишах знает, что

вы заточили меня в сумасшедший дом? Он что, забыл, что ему угрожает?!

– Да, ему известно, что вы больны и находитесь здесь, – невозмутимо ответил врач. – И мы вас вылечим...

– Меня? – с иронией переспросил лекарь и запальчиво добавил: – Да вы и те, кто над вами, не то что в меня, вы каждый день стреляете в падишаха, поите его ядом, режете его сердце, делаете так, чтобы всё осталось по-старому...

– Мы убиваем падишаха? – нарочито громко спросил врач.

– Да, вся ваша свора хищников, – словно в безумии, отвечал лекарь. – Но не радуйтесь, недолго вам осталось торжествовать, придёт новый падишах...

– И кто же? Не вы ли? – преднамеренно провоцируя лекаря, спросил врач.

– Да, я, я буду падишахом! – величаво и торжественно заявил лекарь. – И тогда придёт время великой справедливости! Запомните это...

– Смотрите на нового падишаха! – с иронией воскликнул врач, показав рукой на лекаря. – Падайте перед ним ниц!

Раздался смех, кто-то бросился к ногам лекаря, словно просил прощения у государя. Но были в этой компании и безучастные к происходящему.

– Вы, мой падишах, убедились теперь, что он ненормальный? – обратился к Адильшаху векиль. – Этот оборвыш мнит себя падишахом.

Молчаливо, но с каким-то недобрым предчувствием возвращался во дворец Адильшах. Тяжко стало ему и невыносимо грустно от увиденного, словно оборвалась нить его жизненной силы. Невесёлые думы, словно хворь, точили его сердце, и через неделю молодой Адильшах умер...

По обычаям этой страны, поскольку у Адильшаха не было наследника, выпустили «птицу счастья», чтобы того, кому на голову сядет эта птица, избрать падишахом. Трижды выпускали птицу, и трижды садилась она на голову... лекаря.

В первый раз она долго кружила над городом, словно искала кого-то в этом огромном человеческом водовороте, а потом стремительно полетела к открытой двери больничной палаты и, влетев, тихо села на голову лекаря. Взмешенные таким выбором птицы кадии и тайные советники, мечтавшие о шахском престоле

векили, наглухо закрыли двери лекарской обители и потребовали повторить испытание. Но, отпущенная на волю, птица вновь вернулась к прежнему месту и, пробравшись сквозь решётку окна, уселась вновь лекарю на голову. И когда тайные враги лекаря закрыли на этот раз и окно, и, злорадно ухмыляясь, стали дожидаться, что же предпримет птица в третий раз, они были поражены тем, как бесстрашная птица бросилась в печную трубу, и, полуживая, но гордая своей победой, снова оказалась на голове многострадального лекаря!..

Лекарь стал падишахом.

Над городом нависла сиреневая ночь. В синем небе купались жёлтые звезды. Затихли звуки, предоставив власть хрупкой тишине. И когда город затих, а тусклый свет далёких звёзд просачивался в окно, пробитое у самого потолка одной из холодных комнат мечети, в ней заговорили два маафе, поведав друг другу свои сокровенные думы.

– Как прошёл твой второй день, друг мой? – спросил один другого, как умудрённый жизнью старик спрашивает молодого, начавшего познавать мир.

– Так же, как и вчера! – нехотя, махнув деревянной рукой, ответил молодой маафе. – Только не пойму я ничего, странные люди живут на земле...

– Почему? – удивился первый.

В раздумье молодой медленно подошёл и встал под окно, поднял голову к свету, будто там, в бескрайних далях Вселенной, хранилась земная тайна, так взволновавшая его:

– Я вчера рассказывал вам, – начал он тихо, взвешивая слова, как будто на весах судьбы лежало его деревянное тело. – Да вы лучше меня знаете, что люди все умирают... Так вот, вчера на мне несли человека, чьи добрые руки четверть века воздвигали дома, мостили улицы, а потом растили для людей цветы... Я был горд и за того, кого несли, и за себя. А сегодня...

Он нервно заходил по широким каменным плитам, будто пробрал его холод, охладив мысли и сковав язык – источник величия и падения людского.

– ...а сегодня, – продолжал он, – на мне же несли другого. О нём даже при жизни, не то что после смерти, никто доброго слова не сказал... Неужели не могут люди покрасить, скажем, одного из нас в красный цвет, а другого – в чёрный, жёлтый, серый, да мало ли цветов для отражения людских пороков... Чтобы все видели, что тот человек, что в красном, не напрасно прожил на земле, а другой... другой должен был умереть ещё в утробе матери. Вот и обидно мне стало. Значит, люди, осознавая всё, несправедливость сами над собой чинят. Для чего же они живут?!

Выслушав, первый маафе улыбнулся, как улыбается мудрец, заметив робкие мысли своего ученика, и спросил:

– Что говорили о вчерашнем, сын мой?

– Добро делал людям...

– А о другом, сегодняшнем?

– Что собственное брюхо было ему дороже брата...

– Кто же говорил все это? – снова спросил первый.

– Как «кто»? – переспросил молодой и, подумав, сам ответил: – Люди. Да, люди...

Звёзды слушали, мигая в небе. Они-то знали, что всё в этом мире суета сует...

Твои канка на зурке играли?

Собрание коллектива театра было несколько необычным, оно больше напоминало репетицию очередного спектакля по уже известному сценарию, с небольшой лишь разницей в том, что всем ходом событий руководил не режиссёр, который, будучи очень недовольным и удручённым всем происходящим, сидел в углу большого кабинета, а директор театра, весьма самодовольный и, как выяснилось по ходу собрания, мстительный немолодой человек.

«На ковёр» был вызван самый талантливый актёр театра, Семендеров, за то, что тот, видите ли, нашёл в себе смелость и всенародно назвал актёра Неметова, как тот действительно того заслуживал, бездарью. Неметов от неожиданности вначале растерялся, но потом, придя в себя, тут же незаметно для остальных отпарировал, выругав обидчика по-матерному, за что Семендеров, опять же при свидетелях, дал ему ещё и пощёчину.

У «оскорблённого» оказались защитники.

Бездари – народ особый, они легко узнают друг друга по каким-то только им известным приметам: по низкопоклонству, завистливости, «дублёности» кожи, и с молниеносной быстротой объединяются, тем более, если в жертву надо принести полную свою противоположность – легкоранимого, талантливого и принципиального человека. На сторону «обиженного» стал и директор театра, которому крайне не по душе был независимый характер Семендерова, его порой правдивые и довольно колкие замечания в его адрес.

Именно благодаря ему собрание было заранее спланировано и мастерски разыграно.

– Скажите, уважаемый Семендеров, – с ехидцей спрашивал директор, – за что вы ударили своего коллегу?

И, не дождавшись ответа, продолжал:

– Как вы могли в этом храме культуры заниматься рукоприкладством, вы, который, по вашим словам, печётесь о порядочности, выдаёте себя за человека честного, нравственно чистого. Как вы могли вот так просто, как говорится, ударить по морде...

В адрес Семендерова за мишурой «чистоты рядов и высокого долга советского актёра» лилась, что называется, самая неприкрытая грязь. Подготовленные ораторы по бумажкам говорили о том, что Семендеров несносен, неуважителен к коллегам, кичлив и задирист, и если что не по его, так сразу бросается с кулаками, и, мол, пора решить вопрос о его дальнейшем пребывании в «нашем дружном» коллективе.

Справедливости ради следует сказать, что «заговорщикам» разыграть комедию до конца не удалось. В защиту Семендерова выступили лучшие силы театра – известные деятели искусств, подлинные мастера сцены. От их едких, наполненных сарказмом замечаний некоторым «правдолюбцам» становилось не по себе, они, как мыши, искали, куда бы спрятаться. Особой «похвалы» заслужил и директор «за так великолепно разыгранный спектакль».

И когда директорская команда явно почувствовала своё поражение, слова попросил «обиженный».

– Друзья! – начал он с милой подкупающей улыбкой. – Честно говоря, когда я писал заявление, вовсе не хотел, чтобы уважаемого Семендерова, как здесь требовали, выгнали из театра. Как и любому уважающему себя человеку, мне было обидно за то, что Семендеров не только при всех ударил меня, но и стал матершинить в мой адрес...

– Да он не только бездарь, – вдруг услышали все возмущённый голос не желавшего ранее выступать Семендерова, – он к тому же отъявленный негодяй!

Семендеров сделал попытку встать с намерением то ли вообще покинуть кабинет, то ли ещё что-то сказать, однако друзья, видя его состояние, уговорили его успокоиться и сесть на место.

А Неметов, как ни в чём не бывало, продолжал:

– Даже после этих оскорблений я не держу зла на Семендерова. Мы – коллеги...

– Когда лошадь куют, и осёл норовит копыто подставить, – с юмором заметил один в адрес беззастенчивого оратора.

Кто-то прыснул, с трудом удержав смех, а кто-то молча спрятал улыбку.

Неметов же, проглотив и это, продолжал:

– Да, да, друзья, мы – коллеги уже несколько лет, работали в трёх спектаклях, вместе принимали заслуженные аплодисменты благодарных зрителей, каждый в меру своих сил старался...

– Ну, хватит! – оборвал разговарившегося Неметова главный режиссёр, который всё это время сидел в своём углу, то краснея, то бледнея перед этим невиданным нахальством. – Садитесь, Неметов, теперь я продолжу рассказ о ваших успехах, о которых вы так красноречиво говорите. Я и не знал об этой стороне вашего таланта...

Раздался взрыв смеха, словно прорвалась не выдержавшая водного натиска плотина.

– Я уже немолод, многое в жизни повидал и опыт имею будто бы немалый, а всё же меня поражает то, что здесь некоторые, мягко говоря, «коллеги» и говорили как будто красивые и нужные слова, а вот спрятать себя за ними не смогли. Наверное, это и невозможно. И вот что мне в связи с этим вспомнилось...

Много веков назад жил-был один падишах, равного по богатству и уму которому не было во всём мире. Как и все падишахи, он был не только сыт, но и пресыщен жизнью. Его уже не волновали красивые танцовщицы и мелодии искусных музыкантов, не могли рассмешить придворные шуты и приглашённые клоуны, у него не вызывали интереса рассказы странствующих дервишей и поэтов – словом, ничто не радовало падишаха, словно он жил не в самом красивом и полном жизнью дворце, а в застоявшемся болоте. А сердце падишаха, как у любого нормального человека, жаждало веселья, он хотел от души засмеяться или хотя бы улыбнуться...

И тогда было объявлено его повеление, мол, тот, кто рассмешит великого падишаха рассказом или словом единым, будет щедро вознаграждён мешком золота, а тот, кто не сумеет этого сделать, – будет лишён жизни. Как вы сами понимаете, – продолжал, улыбаясь, режиссёр, – желающих заполучить этакое богатство оказа-

лось немало, но всех ждала расправа на плахе, ибо падишах оставался равнодушным, как и прежде.

Но однажды в ворота шахского дворца постучал один авдал, которому тоже захотелось заполучить обещанное богатство. Его не волновал вопрос, как ему удастся это сделать, нет, его коротенький умишко об этом не задумывался. Хочу, и всё...

На настойчивый стук авдала долго никто не откликнулся. Наконец, когда терпение авдала стало уже иссякать, ворота открылись и у порога появилась стража.

– Ты что стучишься, оборванец? – набросился на авдала начальник стражи.

– Вы объявление вывешивали? – вопросом на вопрос ответил авдал.

– Какое объявление? – не понял начальник стражи.

– Ну, о том, кто рассмешит падишаха, – ответил авдал, – вот я и пришёл...

– Ты-ы? – удивился шахский стражник. – Ха-ха, да ты в своём ли уме? Ты взгляни на себя: грязный, оборванный, тут не до смеху, от тебя затошнить может. Убирайся отсюда, не то...

– Нет, не имеешь права, я пришёл по объявлению, – авдал был настойчив, не думая о том, что его могут избить и выбросить. – Иди и доложи...

Настойчивость авдала не знала границ, и стража, а затем великий и визирь были вынуждены, предварительно искупав его, провести к шахскому престолу. Надо полагать, что в те времена демократия всё же имела силу.

И когда авдала усадили у ног великого падишаха, тот поднял голову и без всякого смущения (он не знал, что это такое) спросил повелителя:

– Скажите, мой шах, ваш папа на зурне играл?

– Нет, – удивлённо ответил шах.

– Ты знаешь, – добродушно сказал авдал, словно всю жизнь был знаком с шахом, – мой папа тоже не играл.

Услышав эти слова, шах сначала улыбнулся, затем начал смеяться, а потом смех перешёл в хохот. Смех тряс его утомлённое ожиданием тело, и он прослезился... И знаешь отчего, Неметов? – вдруг обратился главный режиссёр к «обиженному». – Нет? Я так и знал. Шах смеялся оттого, что отец авдала вдруг оказался «коллегой» его отца...

Забірлик

– Эй, Мышонок, сойди с дороги, дай мне пройти, пожалуйста.
– Сойди с дороги сам! – встав в позу, с достоинством ответил Мышонок. – Я тоже тороплюсь.

– Ну и что? – не унимался Мышонок. – А я Мышонок, чем я хуже тебя?

От эдакой наглости Лев малость опешил, а потом, чуть повысив голос, вразумительно сказал:

– Уйди с дороги, дурак, не то...

– Не уйду! – смело ответил Мышонок, прямо глядя на Льва.

– Так ведь, сделав шаг, я раздавлю тебя, – предупредил Лев. – Уйди, тебе говорят!

Мышонок, нахально ухмыляясь, не сдвинулся с места. Лев сделал шаг, и Мышонок оказался под его огромной лапой.

Уже собираясь уйти, Лев взглянул на раздавленного Мышонка и заметил у него вывалившееся из заднего прохода нечто, похожее на сало.

– Так вот в чём дело! – наконец сообразив, проговорил озадаченный Лев, – оказывается, он малость зажирел!

За много веков своего нахождения на горах Кавказа у них сложился родосемейный уклад жизни. Поскольку сыновья, женившись, приводили невесту домой, то в отцовском доме или в нескольких домах на территории одного двора проживали семьи всех сыновей, там готовили и ели за одним столом. Так было заведено в горах, и они, поселившись здесь, не стали нарушать традиции горцев. Местное мусульманское население, аборигены, ознакомившись с их обычаями, языком, традициями, верой, со временем стало называть их жуудами, а сами пришельцы свой язык и себя самих называли жуури.

Таким образом, такое большое крестьянское хозяйство со всеми постройками возглавлялось главой – отцом, а в случае его смерти – старшим из сыновей. Подобная форма ведения хозяйства диктовалась многими причинами: общностью интересов, однообразной работой, экономической целесообразностью, объединением усилий для преодоления нападений, трудностей, стихийных бедствий и даже последствий неурожая. И потому каждый работник в семье, мужчина или женщина, оценивался, как говорится, на вес золота, и в силу чего росту и развитию детей придавалось огромное значение. В таких семьях беда и радость были общие.

Так было заведено издревле, и так оно охранялось и защищалось общими адатами и традициями, но однажды...

В семье известного в ауле виноградаря, старика Довида, случилось непредвиденное – младший сын, которого совсем недавно

женили на любимой им девушке, заявил вдруг, что хочет отделиться от общей семьи. Заявление сына носило непреклонный характер, и никакие уговоры отца и братьев не изменили его решения, поскольку древо семейного устоя ежедневно пилила его жена, заявляя мужу, что они – два здоровых молодых человека – работают, в отличие от других, за четверых, а результаты, мол, в один котёл. Это несправедливо, и им надо выделиться в отдельное хозяйство. Первое время желание жены встречалось в штыки и молодым супругом, однако, поразмыслив, он принял сторону своей любимой половины и остался верен своему решению до конца.

Некоторое время старый Довид был в раздумии, затем, собрав за единый стол всё взрослое мужское население семьи, в категорической форме заявил, что, вопреки адату, согласие на разделение семьи младшего сына он даёт и всё, что принадлежит хозяйству, за исключением строений, делится на количество едоков, и две доли получают выделяемые. Таким образом, семья младшего сына получила: полдесятины виноградников, буйвола, корову и бычка, четыре овцы и десяток кур, хюм вина, по два говола зерна и муки, всё приданое невесты, в том числе и ковёр, палас и постельную принадлежность, а также всё личное имущество молодых. Довид и здесь поступил по справедливости, выделив сыну причитающиеся ему денежные средства и драгоценности.

Однако было оговорено, что саклю молодые строят себе сами, убирают урожай винограда и обрабатывают его своими силами и так же поступают во всех случаях жизни. Ни хныкать, ни просить не имеют права. Выбор сделан, и пути назад нет.

Правда, через несколько дней, когда весть эта распространилась по всему аулу, к старику Довиду пришёл один из соседей – абориген, аксакал, и в неодобрительной форме высказал сомнение в правильности решения старика, мол, этот шаг может дать молодым повод к развалу устоявшегося уклада, и что подобные проявления были и у них, но сразу же пресекались. Довид за чашкой чая выслушал соседа, поделился своими сомнениями, высказался за и против желания сына и прозорливо заметил, что со временем к этому шагу придут все. Поохали, поохали и разошлись.

К осени молодые построили себе саклю, провели электричество и переселились – было видно, что впряглись в работу горячо и

совместно. Старик обратил внимание, что с трубы над крышей пошёл дымок, значит, жизнь в семье налаживалась – в домашней печи пекли себе фад, варился хинкал и душпара. Хотя жаркое, с редкими непродолжительными дождями лето способствовало строительству жилья, оно же принесло виноградникам и болезни (милдиум и оидиум), в результате чего гроздьё остановились в росте, перестали наливаться соком, утратили свежесть, как заболевшая смородина на огороде. И когда пришло время уборки, к своему ужасу молодые почти ничего не получили. Это был первый удар по их материальному благополучию. И поскольку полученные от отца деньги были потрачены на строительство жилья и его благоустройство, урон от неурожая винограда мог поставить семью в крайне тяжёлое положение, поэтому жена потребовала от мужа поиска путей выхода из тупика.

Ни он, ни она отдыха себе в это время не искали. Люди огромной работоспособности, пытливого ума, они брались то за одно, то за другое, но восстановить утраченное не удавалось. Поскольку аул их находился в семи верстах от города, он совместно с женой стали печь тандырные чуреки, возить в город для продажи, и часто получалось так, что попадали на рынок, когда спадал спрос, и они были вынуждены продавать остатки хлеба спекулянтам почти по себестоимости. Такая же участь постигла деятельность с обжигом и продажей древесного угля. Не везло молодым, и это доводило их до отчаяния. Теперь они стали часто ссориться, куда-то девалась их любовь, вместо неё в семье поселилась отчуждённость. Она потеряла в нём кумира, а он в ней – идеал.

Забеспокоился в один из зимних дней старый Довид: из трубы печки сына перестал виться дымок, в окнах не горели лампочки, словно в доме перестала существовать жизнь. Не вытерпело сердце старика, и он, одевшись потеплее, поплёлся к его дому. И когда старик оказался почти у самых его ворот, он заметил, как от них в сторону катится какой-то комок. «Что это может быть?» – подумал старик и стал догонять комок.

- Ты кто? – спросил его Довид.
- Я? – переспросил комок. – Я семейное согласие.
- Вернись в дом, пожалуйста, – попросил его старик.
- Нет! – категорически отказался комок.
- Почему? – удивился Довид.

– Потому что в этом доме нет семейного согласия, и делать мне там нечего!

Вернулся старый Довид к сыну, постучал, вошёл в дом. Сын, хмурый, сидел с одного конца стола, невестка, бледная, растрёпанная, на другом. Старик всё понял и пригласил его выйти во двор.

– В жизни, сын, всякое бывает, но исполни немедленно одно моё желание... – сказал он удрученному чаду.

– Что, отец?

– Беги по этому следу и верни тот комок в дом. И запомни, сын, если нет в семье согласия, в ней нет и жизни...

но заслужал

В доме мастера-кровельщика Шоула случился скандал: при распределении денег, принесённых отцом и сыновьями в конце месяца в общую копилку, глава семьи посчитал нужным дать каждому из пяти сыновей столько, сколько тот заслужил. Один из сыновей, которого звали Авшалум – молодой красавец, косая сажень в плечах, с задорным блеском в глазах, балагур и весельчак, предмет мечты многих девушек города, любивший хорошо поест и поспать и, в отличие от своих братьев, не утруждавший себя работой, стал кричать на весь дом, что его обделили, что справедливости нет и не будет, что он человек творческий, что ему завидуют и эти завистники не дают ему работу в соответствии с его духовным уровнем, что чуть ли не весь мир ополчился против него, а теперь ещё и в собственном доме. Мало того, ему сказали, что так будет до тех пор, пока он не станет работать, как и все остальные.

За разрешением этого спора Авшалум благоразумно, как он считал, обратился не к судье, а к брату отца – известному в городе раввину, уважаемому старому мудрецу Соломону, тем более, что Соломон благоволил к племяннику, относя его к божественным созданиям, имея в виду его редкую красоту. Но то, что эта красота прятала за своей внешностью пустоту и никчемность, об этом он пока ничего не знал.

Пригласив с собой двух старцев – своих верных друзей, Соломон пошёл в дом Шоула, брата своего, с твёрдым намерением разобраться в требованиях племянника и мирно, но самое главное, справедливо решить спор. Но каково же было удивление Соло-

мона и его товарищей, когда они узнали, что Авшалум в течение трёх лет вообще нигде не работает и не внёс в семейную копилку ни рубля, тогда как забирает из неё столько же, сколько и остальные, а иногда и больше.

Кроме того, эгоист до мозга костей, он не знает и не хочет знать, что в этом мире со своими запросами живут, кроме него, и другие, что надо не только брать, но и отдавать. Что людям свойственно делать добро, что, по справедливости, жить надо по заслугам.

– Авшалум, сынок, это правда, что о тебе говорят твои родные? – спросил Соломон племянника, после того как в его же присутствии расспросил его отца и братьев.

– Что мне оставалось делать, если они не давали работу по мне! – взорвался Авшалум.

– Как это «по тебе»? – не понял раввин.

– Ну, работу, которая мне нравится, – ответил Авшалум, обратив свой ясный взор на дядю, – я этого заслуживаю.

– За какие такие заслуги? – удивился раввин.

– Потому что я так хочу! – уверенно ответил Авшалум.

– Ну и что, что ты хочешь?! – спросил раввин, не скрывая своего возмущения. – Ты что-нибудь умеешь хорошо делать?

– Научусь, все же учатся... – невозмутимо ответил он.

– Значит, ты хочешь того, чего делать не умеешь? – снова спросил Соломон, заранее зная, что скажет в ответ этот самовлюблённый и пустой самец.

– С момента рождения все вокруг говорили мне, что я – особенный, что я – лучше и красивее других, ничего другого от меня не требовали, а теперь что? Да и вы, дядя Соломон, не раз говорили мне, что я чуть ли не божественный дар!?! – задел он и своего дядю.

– Да, я говорил... – ответил Соломон задумчиво, – родители радуются росту своих детей, но ты, к сожалению, рос только в высоту, как тополь... – он ненадолго задумался и добавил: – Я должен тебе сказать, что отец твой, хотя и запоздало, правильно исправил свою ошибку...

Соломон встал со стула и задумчиво походил по комнате.

– Не знаю, поймёшь ли ты то о чем я тебе хочу рассказать, но все же надеюсь, что ты ещё не всё потерял....

– Неужели я уже такой безнадёжный? – с ехидцей спросил Авшалум.

– Вот поэтому я и решился, – ответил Соломон, и продолжил: – так слушай... В начале года, в лютый мороз, когда в природе господствует Козерог, деревья вдруг решили совершить хадж к Всевышнему. Были здесь вишня с черешней, минувшим летом щедро одарившие людей богатым урожаем, в ряд с ними шли персики, абрикосы и миндаль, ничуть не меньше вознаградившие своих хозяев, вслед за ними шли виноград и инжир, которые составляют гордость любого стола, несколько были смущены яблоки, груши и гранаты – им нынче не повезло, и потому они все надежды связывали с годом нынешним.

Если эти и некоторые другие деревья шли к Всемогущему с опущенной головой и в раздумье, но с надеждой и просьбой, что Он не оставит их и вознаградит хотя бы в этом году большим плодоношением, обильным урожаем, чтобы они обрадовали людей своими сочными плодами, то в отличие от них тополь чувствовал себя героем. Взглянув на своих задумчивых собратьев свысока, он весело произнёс:

– Я выше вас всех, ближе к Богу и потому уверен, что ко мне Он будет благосклонен!

– И правильно! – воскликнул Авшалум, – недаром говорят: «Красота покорит мир!»

Соломон ненадолго прервал свой рассказ, недовольно покачал головой на реплику племянника и продолжил:

– Выслушав пришедших с прощением, Всемогущий дал каждому по заслугам: все плодоносящие, радующие людей своими щедротами, получили согласие на благодеяние...

– А красавец тополь? – громко спросил Авшалум.

– Красота и свобода, сынок, конечно, хороши, но без мужества и красота долго не живёт. Это – во-первых, а во-вторых – тополь тоже получил своё...

– И что? – был нетерпелив спорщик.

– Тополь щедро получил... пух, да, тополиный пух...

В крупном строительно-монтажном управлении случилось ЧП – в одном из строящихся домов обвалилось перекрытие первого этажа. Слава Богу, никого не придавило, а свалившиеся вниз рабочие отделались ушибами и лёгкими сотрясениями. А могли быть серьёзные последствия.

Комиссия, созданная руководством управления, тщательно изучила причину происшествия, установила виновника и до передачи дела в суд вынесла результаты своей работы на рассмотрение коллектива. Виновником данного, по существу, преступления оказался легкомысленный прораб, давший согласие на заливку указанного перекрытия раствором цемента низкой марки, что делать, в соответствии с нормативами, было категорически запрещено. Комиссия предала огласке и другие факты преступного легкомыслия прораба, которые лишь чудом не привели к гибели людей и объектов.

Картину неординарного поведения виновного дополнили и выступившие на собрании рабочие, которые, будто сговорившись, заявили, что человеку подобного типа доверять объекты, где будут жить люди, опасно, что он никогда никого не слушает, замечания пускает мимо ушей, что иногда всю смену читает любовные романы, бывает, выпивает и спит в рабочее время.

– Я как-то подошёл однажды к этому прорабу, – рассказывал водитель миксера, – показал на повреждённый рукав и пожаловался, что часть раствора выливается на землю. И что вы думаете, он сделал? Кивнул мне и сказал: «Будь здоров», и пошёл дальше.

– Вот-вот, нечто подобное было и со мной, – заговорил следующий выступающий, – привезли, значит, формованный гудрон, по указанию прораба выгрузили под открытым небом. Я и говорю ему, давай, мол, под навес их перекантуем, а то жара такая, растают по всей территории, а он, как всегда, кивнул: «Будь здоров», и пошёл дальше. На третий день загорелся гудрон, ну и пожар... Безразличный он какой-то...

Выступления следовали одно хлеще другого. Учитывая, что из-за этого ЧП СМУ лишилось премии, люди пострадали не только материально, но и морально, на голову легкомысленного прораба лилась ушатами грязь. Таков наш менталитет – в таких случаях, в большинстве своём, люди друг друга не жалеют.

Наконец, слово предоставили виновнику. Ухмыляясь, он прошёл к трибуне, по пути развязно положил свою фуражку на край стола президиума и начал говорить так бойко, будто виноватым во всей этой истории был не он, а те, кто сидел в президиуме:

– Вы тут говорили о соблюдении в растворных узлах стандартов, норм и прочее... Но где, не только у нас, но и по всей стране, соблюдаются эти стандарты?! Где арматура тоньше, где цемент плохой – всё делается до первого ЧП, а потом ищут козла отпущения, – и улыбнулся, – в моем случае чуть перестарались, вот я и стал этим козлом, – он снова улыбнулся и сошел с трибуны.

По залу прошел смешок и гу... гу...

Но тут в президиуме поднялся со своего места руководитель СМУ – человек весьма суровый, а в случае, когда затрагивались его жизненные интересы, мог уничтожить любого. Елейным голосом, не сулившим виновному ничего хорошего, он заговорил, словно обращался не к конкретному лицу, а ко всем сразу:

– Ты тут, мил человек, ни словом не обмолвился о том, что о низком качестве раствора тебя предупредили заранее, а ты, как всегда, пропустил это мимо ушей, а вместо этого весело и сочно обвинил всю страну в разгильдяйстве и безответственности. По-моему, ты все ещё не осознал, что могли быть страшные последствия – могли погибнуть люди, много людей, тебе всё шутки и смешки, будто в игры играешь...

Он прервал свое выступление, близко подошёл к сидевшему в первом ряду прорабу и, обращаясь уже только к нему, сжав от злости губы, жёстко произнёс:

– Сказать, кто ты на самом деле?! Я тебе скажу! Как-то, будучи на животноводческой ферме, я увидел, как пастух тщетно пытался догнать бычка. «Третий день, – говорит, – гонюсь за ним, а поймать не могу», – и в этот момент бычок шмыгнул в коровник. «Ну, теперь он от меня никуда не убежит», – обрадовался пастух и побежал за бычком. Захожу внутрь, смотрю, пастух уже завязал бычку все четыре ноги, оттянул малость ему голову и держит в руках большой острый нож. Увидев меня, улыбнулся и говорит: «Он думал, что я с ним в игры, в догонялки играю...» – и полоснул ножом бычку по горлу. Так вот, мил человек, ты не козёл, нет, ты... бычок!

Каждый день, в одни и те же летние месяцы, ранним утром он появлялся на берегу Каспия в своей неизменной соломенной шляпе с широкими полями, в плавках и шлёпанцах на босу ногу, шагая от одного конца косы до другого. Чуть прихрамывал (позднее я узнал, что в одной ноге у него нарушено кровообращение), но независимо от этого шагал всегда бойко, совершал по два-три круга по привычному маршруту.

Было ему лет 65-70. Стройный, подтянутый пропорционально росту примерно 70-ти килограммов веса, с небольшим седым пушком на груди, с удивительным живым, любознательным взглядом. Вглядывался не только в плещущиеся на морской глади серебряные слитки, но и в рыбаков, терпеливо ждущих удачи: когда на крючке удочки вдруг забарахтается тарашка, а если повезёт, и покрупнее рыба – кутумчик или сазан. Не оставался он равнодушным и к тому, что за короткое время, прямо как по волшебству, вырастают на берегу дома, дачи и всякие прочие здания.

Однажды, когда он приблизился к рыбакам и обратился с просьбой продать ему свежей рыбы, я, не удержавшись, спросил:

– Вижу вас здесь каждое лето. Любите Каспий?

Он ненадолго задумался и ответил:

– Я здесь родился, и здесь прошла моя жизнь... Конечно, люблю мой древний город, расположенный между Кавказскими горами и морем. Люблю Каспий и всё, что с ним связано. Люблю

тарашку, зажаренную с помидорами на сковороде. – И улыбнулся. – Судя по улову, вы – заядлый рыбак?

– Скажу вам по чести, рыбалка на спиннинг, а тем более на удочку, нынче дело весьма ненадёжное, а это... – я показал на свой тощий садок, – шести-семичасовой улов...

Он посмотрел на меня, словно взвешивал, стоит ли продолжать беседу, а потом всё же решился:

– Раньше по утрам на этих скалах рыбаков было много – встать было негде. А нынче раз-два и обчёлся...

– Да, – согласился я, – рыба на Каспии хищнически истребляется...

– Что рыба? – не удержался и он. – Создаётся впечатление, что здесь поселились варвары. Весь берег завален мусором: бутылки, склянки, остатки пищи, всякие нечистоты, прямо жалко смотреть...

– Точно, – добавил масла в огонь и я. – Раньше наш город назывался «город-музей», а нынче «музей свалок и мусора».

Он снова задумался и решил было покинуть неудачливых рыбаков. Но мне хотелось узнать, что его тянет каждый год сюда, где, может быть, и дома своего уже нет. С этим вопросом я к нему и обратился.

– Признаться, и я ищу ответ на этот вопрос, – неожиданно оживился он. – Вот, представьте себе, у меня есть возможность провести отпуск на любых пляжах мира в пятизвёздочных отелях, в лучших санаториях. А меня тянет сюда, на родину предков. Вы тоже ищите ответ на этот вопрос?

Вначале я опешил, но, втянутый в беседу, задумался, хотя думал об этом и раньше не раз.

– В народе говорят, что это зов предков, зов родины или ещё что-то в этом роде. Но чтобы вы не подумали, что я хочу уйти от прямого ответа, расскажу об одном случае. У меня до недавнего времени были два друга. Здесь они родились, здесь прожили до 40-45 лет. Оба они лет 10-15 назад уехали. Один – к сыну, сперва там работал, а потом вышел на пенсию. Второй же, как уехал, стал заниматься бизнесом и продолжает по сей день. Первый с удовольствием приезжает сюда, правда, не каждый год. Жалуеться, что билеты на самолёт дорогие, и ему они не по карману. А вот второй был всего один раз. Я спросил его, что, мол, редко навещаешь на родину? Он ответил: «Что я здесь потерял?»

– Вот-вот, – подхватил мой собеседник. – Казалось бы, для обоих здесь родина. Одного она зовёт, а другому на неё начихать... – Он ненадолго задумался, и, словно беседуя с самим собой, продолжил: – Значит, дело не только в этом, а в чём-то ещё, до чего мы с вами не дошли...

Он повернулся в сторону Кавказских гор, на одной из вершин которых красовалась старинная крепость, будто выспрашивал у этого «старца» разгадку тайны, взволновавшей нас. И, словно получив ответ, оживился:

– Меня, например, тянет сюда особенно в летнее время: искупаться в море, позагорать, набраться сил, которых с годами становится меньше. Люблю наши помидоры: крупные, красные, мясистые, иногда чуть больше ладони. А наши абрикосы и персики вообще не имеют себе равных. Всё это, вместе с тем, что есть здесь, а нет там, что невозможно объяснить словами, а можно только воспринять гаммой всех чувств и даже интуицией, – и есть то, что меня тянет сюда...

Я смотрел на него, видел его старание объяснить то, что объяснить, наверное, невозможно. И почему-то мне стало всё понятно.

– Раньше я не понимал, когда говорили, что, мол, он уехал умирать на родину. А сейчас пришло понимание. – У меня это вырвалось произвольно, как-то само собой.

– Какой вы молодец! – воскликнул он. – Вы не просто рыбак, а мудрец, с которым приятно поговорить. Вот в связи с вашим замечанием я вспомнил один уникальный случай.

Он ненадолго ушёл в себя и, собравшись, продолжил:

– Недалеко от села Имишли в Азербайджане, на самой границе с Ираном, где река Араз впадает в Каспийское море, построили плотину. Люди наделали много безумных вещей. Раньше лосось выходил к этой реке на нерест. Теперь же в связи со строительством плотины лосось на нерест в реку попасть не может. Эти большие красивые рыбы подплывают к плотине, сталкиваются с ней, отходят, возвращаются, ищут выход, а его нет. И тогда раздался громкий рыбий клич: «Прыгать!» (я, кажется, и сам слышал этот клич). Лососи же, услышав вдруг этот призыв, собравшись с силой, бросались на плотину и, ударившись об нее, падали, разбиваясь насмерть, ибо они предпочитали смерть на родине свободе на чужбине. Да, друг мой, таков вечный зов Ватана...

В свою очередную ходку на другой берег реки Бобёр чуть не утонул. От застрявшей в воде коряги неожиданно оторвался большой кусок промокшей земли и упал ему прямо на голову, отчего Бобёр вначале пошёл ко дну, потом, очухавшись, всплыл, фыркнул пару раз и, не увидев угрозы, продолжил путь. Этого оказалось достаточно, чтобы на следующем собрании зверей заявить, что далее он рисковать не намерен, что через реку надо строить мост, ибо движение поперёк реки сопряжено с угрозой для жизни. Предложение это было поддержано, однако встал вопрос: кого послать в леспромхоз за лесом для строительства моста.

Долго судили да рядили, пока не вызвался Волк.

– Я их в клочья порву, – сверкнув глазами и оскалив клыки, пообещал Волк, – пусть только попробуют отказать! – и направился в леспромхоз.

Однако в тот же день, избитый, без двух передних зубов, весь в кровоподтёках, Волк вернулся к зверям и, не проронив ни слова, упал у их ног, потеряв сознание.

Это событие ввергло зверей в шок, и они оказались перед выбором: кого послать следующим? Положение спасла Лиса, эта хитрая бестия, которая, виляя своим пушистым хвостом, стала в известную по литературе жеманную позу и произнесла:

– Друзья мои, силой нельзя, я их обхитрю, да умом обставлю... – и пошла.

Но каково было удивление зверей, когда к концу дня Лиса не то что бы вернулась, а лучше сказать, приползла еле живая, да ещё без своего драгоценного хвоста.

Конечно, увидев Лису в таком состоянии, звери чуть было не потеряли дара речи, подумав, что это уж слишком, леспромхозовцы, мол, просто охамели, что на этот раз их может усмирить лишь только Медведь. Послали косолапого. Но и этот вернулся с заплывшим глазом, с содранной сзади шкурой, словно с него сняли трусы и отхлестали.

Звери всерьёз встревожились, лучше сказать, впали в уныние и безысходность. В самом деле, думали они, кто эти, что сидят в леспромхозе, что ничего и никого не боятся? И после длительных раздумий пришли к мнению, что и дальше рисковать смысла нет, что хватит того, что Лиса осталась без хвоста, Волк – без клыков, а бедный Мишка чуть вообще не лишился шкуры. Что Бобёр не сдохнет, как миленький будет совершать переходы на другой берег, как это делал и раньше.

Но неожиданно зверей озадачил Осёл. Издав протяжный, только ему присущий крик, Осёл вышел на середину собравшихся и зычно произнёс:

– Позвольте сходить мне!

Звери сперва опешили, потом зашущукали, раздался даже ехидный смешок. «А что? – подумал председательствующий. – Пусть пойдёт, как говорится, одним ослом больше – одним меньше, ну и чёрт с ним, если даже без головы вернется...»

– Да, пожалуй, иди. А о чём просить, знаешь?

– Конечно, – ответил Осёл с достоинством, – нужен лес для моста... Только меня бы чем-нибудь навьючить, а то я не привык на легке ходить...

Тут только смекнули звери, что допустили непростительную ошибку, с самого начала не учли «движущей силы» всякого решения, что посланцев надо было отправить не с угрозами и пустыми руками, а с подарками. Чего уж теперь – лишь бы вовсе не опоздать. Засуетились: кто грибов да орехов насобирает, кто ягод лесных и разных, а Медведь так даже колоду душистого мёда приволок.

Загрузили Осли и отправили, правда, с недоверием к успеху его миссии. Надо ли говорить, что для подобного мнения были основания во всём опыте его прошлой жизни? В самом деле, что тут

мудрствовать: Осёл есть Осёл, и всё этим сказано. Однако Осёл, несмотря на ухмылки, а порой и открыто выраженные сомнения, направился в леспромхоз с глубокой верой в выполнимость своей задачи, словно заранее знал, куда идёт и с кем будет вести разговор.

– Привет, коллеги! – громко приветствовал он встретивших его леспромхозовцев, готовых наброситься на любого незваного гостя. – Я тут вам подарков принёс...

И произошло чудо. Леспромхозовцы кинулись разгружать Осла, выбирая подарки по душе и заслугам. Точь-в-точь как у людей. Затем пригласили Осла за дружеский стол и от души потчевали дорогого гостя.

На следующий день начался сплав леса для строительства моста. К удивлению зверей, было сплавлено столько брёвен и таким образом, что брёвна, дойдя до злополучной коряги на берегу, поворачивали свой ход на 90 градусов и становились поперёк реки, образуя скреплённый плот для переправы с одного берега на другой.

...Видно, Осёл с подарками оказался злее лютого, страшнее страшного, хитрее хитрого да умнее умного.

Конфликт

Знатоки поговаривают, что Творец создал дьявола в «час пик», когда душа Его была омрачена поступками людей. То есть карательные функции дьявола были определены с самого начала, со дня рождения. И надо сказать, что Создатель в первое время был весьма доволен Своим чадом, поскольку тот добросовестно выполнял все Его поручения. Это взаимное уважение продолжалось и тогда, когда Творец поручил ему весьма щекотливое дело – разобраться в деяниях отца Фанарета, священника сельского прихода. Фанаретом он был прозван лет двадцати пяти от роду за воровство из деревообрабатывающей фабрики крупной партии фанеры, за что просидел десять лет в колонии и там, с помощью тюремного священника, благодаря своей феноменальной памяти, изучил Священные Писания. Затем, после освобождения, по рекомендации того же тюремного богослужителя, который, что называется, проникся к нему отцовской любовью, был направлен в указанный сельский приход.

Новый поп в красивой чёрной рясе благородной внешностью, а самое главное, хорошо поставленным голосом прихожанам пришёлся по душе, и, таким образом, судьба его была определена. За короткое время его приход приобрёл известность во всей округе, старушки и другие верующие из разных сёл теперь ходили не в свои церквушки, а, не страшась усталости, совершали многокилометровые походы именно к нему.

Слухи о том, что хитроумный отец Фанарет объявил себя и лекарем, который словом лечит не только душевные, но и

физические недуги, дошли до Создателя, и Он, в порыве душевного негодования и возмущения, впервые проявил к своему служителю недоверие. Однако обременённый житейскими заботами, безграмотный люд воспринял это известие с облегчением и верой, поскольку в селе своего лекаря не было, и совершать дальние походы к действительному лекарю в жаркий день и в зимнюю стужу было не только не с руки, но и накладно. Тем более, налицо был наглядный пример, как болезненная, худенькая, угловатая Дунька, девушка из бедной многодетной семьи, благодаря «лечению» отца Фанарета за сравнительно короткое время превратилась в румяную, прямо скажем, красивую молодую женщину. Правда, мало кто знал, что отец Фанарет не только «лечил» Дуню, о чём было объявлено на всё село, но что и она тайно ухаживала за ним: убирала его комнаты, стирала бельё и готовила ему поесть, а значит, и сама досыта ела с его стола, что со временем он стал пользоваться и её женскими услугами, тем более, что Дуня была без ума от отца Фанарета.

Через год, когда «лечебная» практика его выросла, отец Фанарет женился на Дуне, и та принесла ему четверых детей.

Авантюрный служитель церкви, вопреки предупреждениям Святых Писаний: «Не обмани», стал на путь лжи. «Если, – решил отец Фанарет, – из десяти больных мне удастся вылечить хотя бы одного, то этот случай можно раздуть и сделать себе рекламу. А при тяжёлых заболеваниях – отказываться, мол, уже поздно...» К этому времени в церквушке исполняли не только обряды венчания и крестин, а обедню и благословение в последний путь. Таким образом, прихожане платили ему не только за снятие грехов, но и за лечение вообще.

Однажды, когда отец Фанарет был приглашён на лечение, он неожиданно с замиранием сердца увидел у изголовья больного внимательно наблюдавшего... дьявола. Невидимый другим, дьявол понял, что перед ним не лекарь, а настоящий прохвост, грубый обманщик, шарлатан, равного которому не сыскать. И дьявол решил вначале с отцом Фанаретом поиграть, а потом жестоко наказать.

– Ты, вот что, – сказал ему дьявол на ухо, – с этого дня я тебе буду помогать...

– Каким образом? – удивлённо спросил его отец Фанарет.

– Если я буду стоять у изголовья больного, это значит, что он выздоровеет. Если же – у его ног, значит, он умрёт, и тебе за лечение этого больного не только не следует браться, а и брать деньги. Но при условии...

– Каком? – тут же спросил лжелекарь.

– Доходы будем делить поровну, – строго ответил дьявол, – иначе я тебя разоблачу.

Поняв, что с дьяволом шутки плохи, не лишённый хитрости и ума отец Фанарет ответил:

– Хорошо, я согласен...

Так эта игра между коварным дьяволом и авантюрным священником продолжалась до того дня, когда однажды богослужитель, проснувшись рано утром, обнаружил у своих ног улыбающегося дьявола.

– Вот и пришёл твой конец, – заявил он отцу Фанарету недвусмысленно, – я пришёл по твою душу...

Сообразив, в чём дело, отец Фанарет нашёлся сразу и сказал:

– По воле Творца нашего, все мы – смертны, однако прошу тебя не убивать меня сразу, а дать возможность трижды помолиться Всевышнему, а потом я в твоём распоряжении...

– Ладно, – согласился дьявол, – но знай, что решение моё непреклонно, молись...

– Ты слово своё сдержишь? – недоверчиво спросил приговорённый.

– Слово моё непреклонно! – ответил дьявол, недовольный сомнениями отца Фанарета.

Удовлетворённый твёрдым ответом дьявола, отец Фанарет своим проникновенным голосом пропел первую часть молитвы Всевышнему и остановился.

– Читай вторую часть! – приказал дьявол. – Мне некогда ждать...

– Вторую часть молитвы я прочитаю через три дня, – ответил священник с хитринкой.

– Через три так через три, – с неохотой согласился дьявол и удалился.

Через три дня отец Фанарет прочитал и вторую часть молитвы.

– Читай и третью! – потребовал нетерпеливый дьявол.

– Поскольку мы с тобой договорились, что я прочту молитву Всевышнему трижды, то третью часть я прочту через 20 лет, – ответил отец Фанарет.

– Э-э, нет! – возмутился дьявол, – читай сейчас!
– Ты, что, отказываешься от данного тобой слова? – притворно удивился отец Фанарет. – Я предполагал, что вы, дьяволы, верны своему слову...

В те времена своему слову были верны даже дьяволы.

– Ладно, – заскрежетал зубами дьявол, поняв, что богослужитель перехитрил его, – будь по-твоему, но судьба твоя в моих руках...

Говорят, что недовольный Творец отчитал за это своё любимое чадо, и с того времени между ними начался конфликт, который продолжается по сей день.

Это случилось среди бела дня. В радушном настроении, в ожидании свадьбы своего третьего брата, он направлялся в магазин для приобретения венчального платья его невесте, как неожиданно, словно ангел смерти Азраил, из-за угла соседнего дома выскочил с автоматом в руках человекоподобный и очередей оборвал ему жизнь. Ему было всего тридцать пять лет. Надо ли говорить, что вместо радости предстоящей свадьбы семья оказалась в чёрном трауре, следы слёз и скорби были на лицах родных и близких. Даже врагу трудно пожелать подобное.

Больше всех возмущался и скрежетал зубами младший из братьев, который уже много раз обращался к Всемогущему с негодующим вопросом, что, мол, как это Ты, Всевидящий и Всезнающий, допускаешь подобные злодеяния, как Ты несправедлив, забирая в полном расцвете молодых и таких, которые делают другим добро, протягивают руки помощи тем, кто падает, кто оказывается в трудном положении. «Нет! – кричал он в слезах. – Я не верю Тебе, и вообще в Твоё существование!»

Его успокаивали, просили набраться терпения, как это свойственно представителям его народности, что, мол, негоже богохульствовать, что спорить с Богом – величайший грех. Эти увещания, в конце концов, его злили ещё больше, и он уже ополчался на своих, бросая им в лицо обидные слова, мол, у них не сердце, а камень, нет сострадания, и пусть они оставят его в покое со своим горем.

Ненадолго успокоившись, он вскипал вновь и бросал проклятья в адрес негодяя и труса, который вместо мужского разговора, честного поединка, свойственного джигиту, тайно, даже не взглянув в глаза своему противнику, из-за угла, как последняя сволочь, взял автомат и убил. Выйди, мол, на честную борьбу, мы с тобой померимся силами. Он не успокаивался долго, и было горько на него смотреть.

Однажды к нему подошёл дядя, мудрый старец, обнял, прижал его голову к своему плечу, постоял так с минуту, а потом тихо сказал ему на ухо:

– Ты можешь меня выслушать, племянник?

Он также тихо ответил:

– Да, дядя, говори, – и устало сел на стул, куда рядом уселся и дядя.

– Я буду с тобой говорить, как взрослый со взрослым, – начал дядя и, немного подумав, продолжил: – на своём веку я, как тебе известно, повидал немало: похоронил сына, прошёл войну, где хлебнул горя и крови, недавно лишился и жены... – он ненадолго умолк. – Или другой пример. Что делать, например, вашим соседям: старику и старухе, год назад потерявшим единственного молодого сына – надежду и цель всей жизни? Что? Покончить жизнь самоубийством? Всё оставшееся время роптать на Господа или терпеливо дожить остаток оставленного им Богом времени? Случаев, когда молодые покидают этот мир, немало, мой дорогой, – продолжал он далее, – и они повторяются, время от времени, из века в век. В жизни всё повторяется. Недаром Экклезиаст утверждает: «Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было», то есть мир вертится по кругу и непознаваем, потому «человеку великое зло от того, что он не знает, что будет и как это будет – кто скажет ему». И сколько бы процесс познания не продолжался, всё равно мир до конца познать невозможно. Вот почему понять Бога, для чего он в том или ином случае поступает так, а не этак, невозможно. Недаром говорят: «Пути Господни неисповедимы». Всё это я говорю тебе не потому, что подобным образом можно помочь горю, нет, мой дорогой, горе есть горе, оно не имеет измерения ни в пространстве, ни во времени. Однако Слово, которое дано Миру первым, всё же даёт разумному существу, коим являемся и мы, пищу для размышления, для осмысливания происходящего. В этой связи я хочу рассказать тебе о

том, как однажды в одной семье, где жили два брата, два молодых человека, одного из них убили при идентичных обстоятельствах. Так же, как и ты, убивался другой брат по поводу трагической смерти близкого, горячо любимого человека, посылал проклятья в адрес убийц и неистово, возмущённо спорил с Богом, требовал у Него ответа, почему, мол, так поступил. И говорят, что Творец услышал его и попросил на следующий день рано утром, когда светлые и радостные лучи солнца коснутся земли, чтобы он пришёл на условленное место в соседний лес, и, мол, там Он ответит на его вопрос.

– Как? – не понял молодой человек.

– А вот так, – ответил дядя. – Утром следующего дня молодой человек пришёл в лес, туда, где было указано ему Всевышним, однако никого в условленном месте не оказалось. Неожиданно он заметил глубокого старика, который с трудом, упираясь на свой посох, продвигался в его сторону. Молодой человек, будучи сострадательным от природы, бросился помочь старику и в метре от него заметил, как посох надломился надвое и старик чуть было не упал. Слава Богу, молодой человек успел его подхватить и посадить на пенёк.

– Надо же, – промолвил старик удручённо, – посох поломался, и не знаю даже, как быть дальше...

– Я вам сделаю другой, дедушка, – сказал молодой человек услужливо, – не волнуйтесь, лес большой...

– Да? – будто не спрашивал, а соглашался старик. – Ты можешь мне сделать другой посох?

– Да, я сейчас, посидите здесь недолго, – сказал молодой человек и побежал в гущу леса.

Долго искал он такое дерево, на котором можно было найти ровную палку для изготовления посоха, однако, деревья попадались ему корявые, кривые, толстые, неуклюжие стволы не годились для трости. Он уже был в отчаянии и не знал, как вернуться к старику, не исполнив его просьбы, как вдруг взгляд его упал на молодое деревце, которое росло на лесной поляне. Это было стройное, красивое дерево, лучшее, что росло вокруг. Радости молодого человека не было предела. Он выхватил свой кинжал, бросился к деревцу, обрубил его у самого основания, обчистил от молодых веточек, срезал верхнюю, головную часть и, любуясь своей работой, принёс посох старику и торжественно вручил ему.

Затем, извиняясь за долгое отсутствие, рассказал о своих поисках и трудностях.

Старик поблагодарил его за посох, выслушал и, улыбнувшись, как мудрец над успехами своего ученика, назидательно сказал:

– В целом лесу ты долго искал и нашёл для нужной тебе вещи лишь самое молодое деревце. Так и Бог, сынок, для своих нужд выбирает и забирает к себе самых молодых и лучших...

В лесу заседали звери. Обсуждался жизненно важный вопрос: «О безответственном отношении лисы к соблюдению своих обязанностей по обеспечению сохранности общественного стада овец», поскольку ранее она была назначена сторожем.

Хотя прямых доказательств виновности лисы к исчезновению овец из огороженного загона ни у комиссии, которая провела тщательное расследование, ни у кого другого не было, всё же большинство были склонны думать, что лиса, это хитрое создание, непременно приложила к этому делу руку, а потому все единогласно освободили её от должности сторожа.

Тогда стал другой вопрос: кого избрать вместо неё? Отклонялось одно предложение за другим и звери топтались на месте. Кандидатуры медведя и слона были отклонены за то, что уж больно они неповоротливы. Лев, царь зверей, когда ему предложили занять эту должность, оскорбился и даже рассердился на своих подчинённых. Тоже самое сделали тигр и барс, зарывав на тех, кто хотел было заикнуться на их счёт. Что же касается шакала или гиены, о них и слушать не захотели, поскольку они отличались больше качествами воров, чем сторожей. И, наученные горьким опытом лисы, звери стали крайне осторожными в выборе кандидатуры на эту должность.

Вот тогда поднялся волк.

– Что, если назначите меня? – вполне серьёзно предложил он и чистым взглядом посмотрел на своих товарищей.

В кустах хихикнул заяц. Среди собравшихся поднялся шум, что, мол, пусть козла в огород. Кто-то даже, не прячась, заявил, что

если при лисе в день исчезало по две овцы, то при волке и четырёх не досчитаются. Однако поднялся лев, и все замолкли. Вопреки ожиданиям остальных, он сказал:

– Я думаю кандидатуру волка поддержать. Он быстр, ловок, и желающие поживиться за счёт общественного стада прежде подумают, чем пойти на преступление. Но предупреждаю тебя, волк, – пригрозил лев, – если преступишь закон, соблазн окажется сильнее тебя, тут же снесу голову!

И волка назначили сторожем.

Прошло некоторое время, и в лесную канцелярию поступило анонимное заявление, что волк, вместо того чтобы сторожить, наоборот, зверствует, нет, мол, такого дня, чтобы он не порезал и не съел по 5-6 овец. Поскольку сигнал был серьёзным, царь зверей решил послать комиссию, главой которой назначил шакала.

Проверка показала, что количество овец в стаде не только не уменьшилось, а, наоборот, значительно возросло. Забор загона в полной исправности, овцы сыты и содержатся в чистоте. Удивлённый шакал говорит волку, что, мол, от одной овцы он бы не отказался. На что волк ответил:

– Я себе не позволяю, да и другим без разрешения царя зверей не дам!

Приехал шакал в лесную контору и доложил, что волк – честный и стадо содержит в полной сохранности. Что даже испытал его, но волк был твёрд и непреклонен.

Через месяц в лесную канцелярию поступила новая анонимка, в которой говорилось, что волк продолжает лютовать, режет и ест бедных незащитных овец... Поехала новая, ещё большая комиссия, во главе с медведем. И на этот раз тщательная проверка показала – всё чин-чинарём. Стадо растёт, а не уменьшается. Учёт в наилучшем состоянии, придраться не к чему. Уезжая, медведь обращается к волку, мол, дай овцу, дети голодные.

– Я себе не позволяю, да и другим без разрешения царя зверей не дам! – категорически отвечает волк.

Вернувшись в контору, медведь подробно доложил царю зверей о работе комиссии, не преминув заметить, что волк – честный, и, возможно, анонимки эти пишет какой-то недоброжелатель.

Не остыли чернила на бумагах второй комиссии, как в лесную канцелярию поступила ещё одна анонимка с ужасными подроб-

ностями зверства волка, что скоро в стаде не останется овец, что волк вводит всех в заблуждение.

На этот раз, рассердившись, лев сам возглавил комиссию. Эта комиссия не оставила камня на камне, проверила такие тайники, куда ни один проверяющий не заходил. Однако кругом всё блесло, был полный порядок, но, самое главное, количество овец увеличилось почти в 1,5 раза. Убедившись в честности волка, лев собирается уезжать и на прощание говорит волку, что ему нужна одна овца, но заметив его замешательство, протягивает волку расписку. Стыдливо отказавшись от расписки, волк отдаёт царю зверей овцу. Те уезжают.

Волк устало смотрит по сторонам, убеждается в правильности выбранного пути. Анонимки на самого себя, наконец, достигли цели, и полуголодная жизнь кончилась. И с этого дня начинает уже свой пир: ест овец столько, сколько может принять его утроба. Количество овец катастрофически уменьшается. Анонимки на него в лесную канцелярию продолжают поступать, но им никто не верит. Волк – честный сторож, и всё тут!

Всё ли от глупости?

Видит Бог, я такой трагедии его семье не желал. Будучи атеистом, не скрою, порой желал этому подлецу и негодяю всяческих гадостей, но, во-первых, я никак не ожидал, что Он меня услышит (говорят, что Он находится так далеко, что не все просьбы до Него доходят), во-вторых, масштабы кары Всевышнего превысили не только вину и грехи заблудшего, о которых я знал, но и все другие, которые он совершил в жизни. То, что человеком он был гнусным и бессердечным, в ауле знали все, но почему, считал я, за его омерзительные деяния должны страдать его дети, с этим я был категорически не согласен и в душе постоянно спорил с Всевышним.

Даже став старше, мальчишеская обида на него у меня не прошла, она врезалась в мою память, как след резца скульптора на камне, на всю жизнь. Так бывает с каждым ребёнком, когда в его возрасте с ним поступили несправедливо.

Дело в том, что отец наш умер совсем молодым и мать осталась одна со множеством детей. Наш народ был малочисленным, и, стараясь наверстать упущенное, в каждой семье была куча детей. Жили мы бедно, в крайней нужде. И вот однажды мать, взяв меня за руку, пошла с мешком к колхозному стогу за сеном. Там стоял сторож. Она попросила его дать немного сена для лошади, мол, сама плохо себя чувствует и не успела накопить травы. Тот злобно оскалится и прогнал мать с оскорблениями. (Позднее я узнал, что когда-то, будучи молодым, он хотел жениться на моей матери, но та, вопреки желанию родителей быстрее избавиться от дочерей, не согласилась.)

– Ничего, – сказала тогда моя мать, – видит Бог твоё бессердечие, подрастут мои дети, станут мне подмогой...

– Да твои дети содохнут вместе с тобой! – бросил он ей вдогонку, и это проклятье сидит во мне по сей день.

Мы выросли. В прошлом году умерла и мать.

Совсем недавно я узнал (сейчас я живу в районном центре), что этот негодяй похоронил двух сыновей, которые оказались в том самом такси, которое неделю назад попало в горах под свалившуюся скалу. После этого болезни скосили ещё троих его детей и жену. А через год он сам упал с лошади и умер. Так, по воле Бога, по его семье прошёл мор.

Вспомнил я эту историю в связи с тем, что три дня назад к нам приехал известный лектор и читал лекцию о добре и зле. Говорил он мудрёно, но главная его мысль заключалась в том, что добро и зло – семя, которое каждый из нас сеет в почву жизни. Поэтому говорят: «Что посеешь, то и пожнёшь...» Правда, в отличие от семени зла, семя добра требует большего ухода. Говорил также, что однажды Бог за непослушание человека, в наказание ему, сотворил дьявола и с тех пор не может избавиться от головной боли, ибо дьявол, как непослушное дитя, иногда творит такие пакости, какие ему Всевышний не приказывал. И организовал Бог за ним преследование, но это сатанинское отродье прямо-таки неуловимо, даже для Бога, нашёл тайное для Всевышнего место – прячется в людях, и именно тех, в ком дают ростки такие низменные человеческие пороки, как зависть, жадность, жестокость, ненависть, а порой и всё вместе. По сей день, со времени рождения дьявола, эта погоня Бога продолжается: дьявол творит зло, Бог же – добро, залечивая в людях нанесённые дьяволом раны. Дьявол вышел из-под контроля.

Так вот, оказывается, почему некоторые люди, в которых поселился дьявол, угрюмы, недружелюбны, жестоки, как злые собаки набрасываются на соседей и даже близких. Добро до них не добежало, всё ещё в пути преследования.

– Но иногда меня охватывают сомнения, – продолжал лектор, – так ли усердно Он ищет Своё непослушное чадо? Так ли Он этого хочет? Ибо не всегда Он сам добродетелен, порой выкинет такой фортель, что хоть стой, хоть падай. Там, где, казалось бы, надо быть милосердным – рубит с плеча, а там, где никак нельзя проявить мягкость, простить негодяя, Он словно ничего не видит. Вот мы и ходим в постоянных раздумьях: всё ли от дьявола?

Исклыкашка

В противоположных флигелях одного и того же здания шли всекоролевские конференции двух враждующих представителей животного мира: кошек и мышей. В связи с важностью проблемы конференция кошек, независимо от разногласий, впервые объединила все партии и группы: от социалистической до черносотенно-террористической. И поскольку решался лишь один вопрос, кошки, после получасовой дискуссии, пришли к единому мнению: мышей необходимо уничтожить как класс. Правда, представитель либерально-демократической партии внёс поправку, что негоже уничтожать всех мышей сразу, мол, давайте будем это делать по частям, дабы кошки могли иметь еду в запасе на длительный срок. Однако главарь черносотенно-террористической группы выступил категорически против этой поправки, заявив, что нечего оставлять этих холодных, как лягушки, омерзительных и смердящих гадов в живых, что, мол, люди, как и мы, мышей ненавидят, и они нас без еды не оставят, если мы всех мышей изведём. Далее было сказано, что эти воришки заполнили свои кладовые зерном, крупами и другими продуктами, живут припеваючи, в то время как мы – кошки – всё это терпим, показывая свою слабость. Нет, этому не бывать!

Предложение это было поддержано председательствующим Котом-злодеем, как образно прозвали его мыши, и судьба мышиного королевства была поставлена под серьёзную угрозу. Затем кошки кинулись к накрытым столам, жуя и рассказывая друг

другу о своих подвигах. Медленно, с достоинством шли к пиршественному столу президиума Кот-злодей и его свита.

Не менее воинственно проходила конференция мышей. В отличие от кошек, они перед собой поставили вполне земные, насущные задачи: как уберечь себя от кровожадных кошек и спасти королевство от уничтожения. Однако мышиная дискуссия затянулась на несколько часов, и, казалось, ей не будет конца.

В своём вступительном слове председательствующая мышь с необычными серо-белыми ушками и хитроумными глазками обратилась к переполненному делегатами залу – представителям различных групп и объединений городов и районов – с призывом вначале, до рассмотрения повестки дня, решить два главных вопроса:

- 1) соединение всех разрозненных групп и объединений в единое мышиное королевство;
- 2) избрание президента вновь образованного королевства.

За первое предложение проголосовали почти единогласно, если не считать небольшой группы «независимых», которые во все времена не признавали централизованной власти, считая её обманной. Мол, до выборов кандидаты во власть с избирателями сюсюкаются, прямо боготворят их, дают обещания быть им слугой, но как только приходят к этой самой власти, о своих обещаниях начисто забывают, ни с какими избирателями не считаются, называя их «стадом». Наоборот, творят и чинят такое, что избиратели хватаются за голову и зарекаются никогда больше за них не голосовать. Но приходят новые выборы, и всё повторяется. Что делать – таковы, мол, наши избиратели. Но они, «независимые», понимали и другое – что до тех пор, пока избиратели не поймут свою особую роль, не будут требовать от своих избранных жёсткого отчёта за свои действия, им тоже будет нелегко.

Голосование по второму вопросу, вопреки ожиданиям некоторых «вельмож» от объединений и групп, прошло, что называется, как по маслу. Дело в том, что хитроумный председательствующий с серо-белыми ушками заранее, ещё до конференции, всё предусмотрел, расставил по всему залу своих верных подручных, и те, когда началось выдвижение кандидатур и голосование, с таким рвением и криком, прямо скажем, ожесточением, заглушая всех остальных, называли имя председательствующего, что других голосов вообще не было слышно. Таким образом, пред-

седательствующий, опять же по заранее выработанным тактике и стратегии, подхватил «единственное» предложение, и за него «проголосовало» большинство. Так «серо-белые ушки» были избраны президентом.

После жидких аплодисментов конференция продолжила свою работу. Чтобы сберечь себя и своё королевство, было выдвинуто несколько предложений:

- 1) поймать одного из руководителей кошачьей банды и убить его, чтобы таким образом дать понять кошкам, что мыши тоже имеют некоторую силу и готовы причинить им значительный урон;

- 2) это ничего не даст, на смену одному придёт другой, а он может быть ещё более кровожадным;

- 3) поймать главаря, Кота-злодея, накинуть ему на голову мешок, подвесить на шею колокольчик, и пусть этот позор станет предупреждением всем кошкам, не желающим мира и взаимного сотрудничества.

Первые два предложения были отклонены, так как не решали главной задачи – не отвечали, так сказать, зову времени. По третьему предложению выступил председательствующий – президент. Он высоко оценил саму идею внесённого предложения, похвалил его автора – мыша-руководителя крупного объединения, с красивой шёрсткой на груди, выделявшей его среди остальных. Сказал, что эта мышь всегда отличалась редкой сообразительностью, мужеством, лучше сказать, даже героизмом. О его благородстве, мол, он наслышан, и потому, посоветовавшись с членами президиума, они пришли к единому мнению – поддержать эту инициативу и предложить лично ему и выполнить это предложение, ибо только он и может это сделать.

В зале все замерли, где-то в средних рядах кто-то даже хмыкнул, но через несколько секунд установилась могильная тишина.

О вельможной мыши с красивой шёрсткой на груди долго не было никаких вестей.

Лишь недавно из маленькой деревушки, откуда он был родом, президенту королевства поступило прошение о даче согласия на установление посмертного бюста на родине героя. На что, говорят, президент с бело-серыми ушками и хитроумными глазками милостиво согласился.

В наши дни стать академиком очень легко, что называется, проще пареной репы. Недавно известный словоблуд за свои длинные бессодержательные речи был признан доктором «почётного словоблудия» и весьма этим гордился. Да что сегодня, было время, когда мы гордились своими почётными маршалами. А совсем недавно академическая комиссия, сияясь проснуться, «прослушала» доклад будущего академика «О влиянии космических лучей на загробную жизнь насекомых» и была единодушна в своём одобрительном решении.

Вообще слово «почётный», в сочетании с «академиком», нынче среди бизнесменов весьма популярно, и путь к этому званию связан не с душевными и умственными расходами, а с чисто материальными, большей частью валютными. Некоторые из них даже пробираются в действительные академики. Например, знал я одного известного ныне деятеля, который с молодых лет всё покупал: аттестат зрелости, дипломы об окончании института, кандидата и доктора наук, а затем, путём различных метаморфоз, и звание академика. Это был уникум – за всю жизнь он до конца не прочитал ни одной книги, ибо засыпал на первой странице.

В наши времена купить можно всё, как говорится: «Были бы денежки, будут и девушки».

Однако вернёмся к нашим баранам. Особый интерес представляют кандидаты в науку. Этой категории для достижения поставленной цели необходимо купить оценки кандидатского минимума и представить диссертацию, которую также за определённую

мзду можно приобрести у профессиональных «изготовителей», кстати, настоящих людей науки, которые сами подбирают тему диссертации и осуществляют её подготовку. Подобный промысел они сделали источником добывания дополнительного заработка, так как подлинных деятелей науки в стране не ценят, они живут в постоянной нужде и вынуждены стать «промысловиками» – транжирить свой ум и талант, чтобы бездари проникали во все сферы жизни.

В этой связи вспомнился недавний курьёз: после защиты диссертации диссертанту под угрозой серьёзных неприятностей устраивать банкеты запрещалось. Указание было спущено сверху и было верхом глупости. Подобных запретов в своё время было немало, а этот, в частности, объяснялся тем, что, мол, банкеты устраиваются диссертантами в знак благодарности к членам комиссии и оппонентам за то, чтобы защита прошла без сучка и задоринки. Наивные «запретители» делали вид, что не знают, что так называемая «защита» и без банкетов пройдёт как по маслу, ибо всё это оговорено заранее, даже «брыканье» одного из оппонентов.

Итак, по поводу «запрета». Поскольку он всё же существовал, в данном конкретном случае один из родственников диссертанта обходил присутствующих при защите и тихо, чтобы слышал и сосед, говорил:

– У нашего брата сегодня день рождения, мы приглашаем вас после защиты в соседний ресторан, отметить нашу радость...

Заранее предупреждённые присутствующие понимали, что ни о каком дне рождения речь не идёт, и с удовольствием шли по указанному адресу.

Когда торжество было в самом апогее, было выпито и съедено бесчисленное количество спиртного и шашлыков с пловом, когда, как говорится, гости не остограммились, а окилограммились, с бокалом в дрожащей руке встал один из земляков диссертанта и произнёс следующий тост:

– Уважаемые товарищи, друзья! Защитившийся сегодня наш земляк – один из выдающихся сынов нашего народа. Значение его диссертации трудно переоценить, поскольку её тема «О колебаниях и их влиянии на современную жизнь» выходит далеко за пределы нашей древней родины. Наш талантливый народ пополнил свои ряды ещё одним даровитым учёным. Наука «О колеба-

ниях» пополнилась новыми данными, и ещё раз подтвердилась великая истина о том, что «колебания» вошли в нашу жизнь и стали, как говорится, «плоть от плоти» современной медицины, гальваники и других областей прикладной науки и искусства.

Он со знанием дела говорил о том, что если бы не было колебаний, люди были бы глухи и немые, не могли бы дышать и вообще не могли бы жить, поскольку работа сердца тоже построена на принципе колебаний. Не преминул он рассказать о Бермудских островах, где из-за колебаний происходят катастрофы с воздушными и надводными кораблями.

Но самое интересное он оставил напоследок, заявив, что живи Д'Артаньян в наше время, ему не пришлось бы совершать полное опасностей недельное приключение на остров Альбиона за подвесками французской королевы, когда сегодня с помощью колебаний на станках высокой точности можно изготовить их за несколько часов.

– В заключение я хотел бы завершить свой тост за мой древний, талантливый народ, живущий у самого основания высоких гор – небесных вратах, где по сей день ищут останки Ноева ковчега, ойкумены человечества! Есть все основания считать, друзья, что все люди произошли от нас – представителей моего народа!

Присутствовавший при этом оппонент, который отличался на защитах своим «брыканьем», долго и пристально смотрел на говорившего, будто видел перед собой чудо. Он раза два даже вставал со своего места, осматривал со всех сторон речистого земляка диссертанта, словно искал на нём что-то, удивлённо крутил головой, а потом устался на него с недоверием.

Говоривший, заметив это, перестал продолжать свой затянувшийся тост и обратился к оппоненту:

– Вы что, не верите?

– Что вы, что вы! – словно замешкался оппонент. – Я слышал, что все мы произошли от какого-то примата: от гиббонов, орангутангов, антропоидов, но поверьте, вижу их впервые...

Серебряные Монеты

Трудно было поверить в то, что в доме Соломона произошёл скандал. Не верили в это многие, ибо, известный всей округе виноградарь и чрезвычайно искусный винодел, он пользовался ещё славой человека весьма мудрого и терпеливого. Трое его сыновей, следуя традициям семьи, не только создавали новые сорта великолепных вин, но и приумножали свои и без того немалые богатства.

В небольшом провинциальном городке жители знают друг о друге почти всё, а в этой семье, как было известно всем, царили удивительная дружба и нежная любовь. И в радости, и в горе братья Соломона и их дети всегда оказывались вместе, будто были связаны священным обетом. Вот почему событие, имевшее место несколько дней назад и, непонятно, каким образом ставшее достоянием жителей городка, было воспринято всеми с недоверием, словно произошло что-то невероятное, неправдоподобное, такое, что произойти вообще не могло.

Дело в том, что совсем ещё не старый, но смертельно больной Соломон, потеряв надежду на своё выздоровление, решил в присутствии своих сыновей и внуков высказать последнюю волю и сделать заявление о разделе своего состояния.

Как известно, природа не терпит однообразия: на смену урагану приходит покой, чрезмерно жаркое лето непременно сменяется холодной зимой, из глубоких, казалось бы, спящих недр земли вдруг с оглушительным грохотом вырывается огненный вулкан. Да, такова жизнь. Бывает, что рядом с добром ходит зло, из одно-

го куска железа куют и меч, и соху, в ядре согласия исподволь растёт раздор. Мудрость потому и называется мудростью, что позволяет вовремя найти грань между двумя противоположностями.

Так вот, скандал в доме умирающего Соломона произошёл именно из-за несогласия младшего сына, посчитавшего решение отца о разделе недвижимости несправедливым, унижающим его честь и достоинство. Зная вспыльчивый характер своего «мизинца», кстати, поразительно похожего на него самого, Соломон не раз замечал в нём ростки эгоизма и несдержанности, иногда даже вспышки гнева в его глазах, но каждый такой случай затухал, не вызвав пожара, как блеснувшая и погасшая искра. Мудрый Соломон понимал, что так долго продолжаться не может, что этому опасному чувству надо дать выход, так сказать, разрядить его, чтобы, не дай Бог, оно не внесло разлада в сложный и слаженный механизм его семьи, в гармонию взаимоотношений, которую он пестовал всю жизнь, и чтобы разрядка эта стала не холодным разрушительным градом в весеннюю цветущую пору, а живительным дождём после изнуряющего знойного дня.

Вот почему Соломон, заведомо зная, что эгоистичный, избалованный им самим младший сын сгоряча, не подумав, может посчитать его решение в отношении себя несправедливым, всё же заявил о нём внятно и во всеуслышание.

Как и ожидалось, «мизинец» взорвался на этот раз всерьёз и по-настоящему, принял заявление родителя, что называется, в штыки, с раздражением, бросился с обвинениями на братьев, якобы склонивших отца к этому несправедливому, на его взгляд, решению. Не давая никому высказаться, он швырял братьям незаслуженные оскорбления, а когда один из них стал призывать его к благоразумию, сперва накинулся на того с кулаками, а потом с обидой заявил, что все они сговорились против него, что, мол, теперь ему уже ничего не надо, что он отказывается и от своей доли тоже и покидает семью навсегда. Вот тогда Соломон решил, что откладывать разговор нельзя, наступил тот единственный случай, когда другого выбора нет и у него не осталось времени.

– погоди, сын, наберись терпения... Я хочу рассказать вам одну старую историю, которая стала для меня незабываемой... – он ненадолго умолк, закрыл глаза, ещё больше побледнел. Видно, разговор этот давался ему нелегко. – Вы когда-нибудь видели, чтобы я и ваши дяди ругались или говорили друг другу обидные

слова? – И сам же ответил: – Нет, конечно, такого не было. И вот почему... Мне нелегко будет рассказать обо всём этом, но не сказать тоже не могу... Много лет назад, когда каждому из нас – четверых братьев – было не больше восьми-четырнадцати лет, произошёл такой случай...

– Как – четверых, отец? – с недоумением спросил Соломона старший сын. – Вас же трое?

– Да, сын, потерпи и слушай дальше... – Соломон с трудом перевёл дыхание, поднял с подушки уставшее тело и, облокотившись на правую руку, обратился к младшему:

– Я был тогда самым младшим, как и ты, сын, но крепким, бодливым, с норовом... Однажды под старым ковром в доме я нашёл кучу монет, которые, надо думать, каждый раз оставляли друзья отца, когда в очередной раз бывали у нас в гостях. Видно, обычай был такой... Собрал я эти красивые, искрящиеся серебром монеты и стал хвастаться. Братья справедливо потребовали, чтобы я разделил их с ними, однако я категорически отказался, заявив, что нашёл их сам и потому они принадлежат мне. Сегодня, с высоты своего жизненного опыта, я понимаю, что был неправ, но тогда... я оттолкнул одного из братьев, потом второго, который сделал попытку взять одну из монет. Тогда двое старших братьев обиделись и, не сказав ни слова, покинули дом и пошли на улицу играть с друзьями, а тот, который родился за год до моего появления на свет, накинулся на меня с требованиями справедливого раздела. Короче, мы подрались, исцарапали друг друга лица и руки, дело дошло до того, что я, разозлившись, схватил металлический кувшинчик для омовения и бросил его в своего десятилетнего брата... и... убил...

От горьких воспоминаний по бледному лицу Соломона прошла еле заметная судорога, и он, закрыв запавшие глаза, ненадолго умолк.

– Я не сразу понял случившуюся трагедию... Мой любимый брат с проломленным черепом лежал на полу, будто лёг отдохнуть... – Соломон судорожно вздохнул, закашлялся. – Потом я, забыв о ссоре, бросился к нему, стал плакать и звать на помощь... Пришло, наконец, понимание, что брат умер и что убил его я, я... убил своего родного брата.

Услышав мои стенания, прибежала мать и, увидев распростёртого сына, бросилась к нему, сразу всё поняла, завывала от горя и

вся в слезах побежала звать отца. Что она сказала отцу, какими словами объяснила случившееся, не знаю до сих пор, эта тайна ушла с ними вместе. Но отец не бил меня и не кричал, а как-то сгорбившись, словно взял на свои могучие плечи тяжкий грех, непосильную тяжесть, обнял меня за хрупкие трепещущие от плача плечи, отвёл от трупа в сторону и строго сказал:

– Запомни, сын! Твой брат случайно упал с лестницы, ударился головой и умер... – и, заметив мой молчаливый недоумённый вопрос, продолжил: – Ты понял, сын? Именно так случилось! Тебя тоже не было дома, первым его увидела мать. Только так! Обо всём остальном забудь! Навсегда!

Об истинной причине нашего горя родители решили никому не говорить, даже моим братьям. Было сказано лишь о том, что мальчик неосторожно упал с лестницы и разбился. Так сказать, несчастный случай... Для других – да, это было так, но не для меня, я-то знал, кто убийца, кто злодей, меня преследовали кошмары... И по сей день эти страшные видения не дают мне покоя... Да, дети мои, зло возвращается, тот, кто совершил злодеяние, страдает порой не меньше того, на кого оно было направлено. Возмездие за злодеяние – неминуемо, сколько бы ты в жизни потом ни сделал добра и благодеяний, стараясь искупить свой тяжкий грех. На весах судьбы зло всегда тяжелее, ибо оно есть зло! Сознание однажды совершённого убийства все эти годы, как рок, преследовало меня, истощая мозг и разрушая сердце. Вот почему я, не справившись с этой тяжкой ношей, ухожу из жизни, не испытав старости...

– Прости, отец, мне стыдно! – младший сын опустился к изголовью больного.

– Да, верно, за деньги можно многое купить: и дома, и украшения, и удовольствия... – Соломон оглядел своих притихших детей и внуков и, словно подводя итог сказанному, добавил: – Главное предназначение человека – это достойно прожить до старости, всё остальное – суета сует... – Соломон снова бессильно упал на подушку, чтобы, набравшись последних сил, закончить начатый разговор. – А теперь подойди ко мне, сын, – попросил он младшего сына. – Я хочу попросить тебя об одолжении... можешь ты дать слово, что исполнишь его?

– Да, отец! – твёрдо ответил сын, подойдя ближе к его изголовью.

– Никогда не обижай другого, не делай ему больно! Любите друг друга, дети мои, ибо любовь к ближнему – великая земная сила!..

– Обещаю, отец, ты только не волнуйся! – снова заговорил младший.

– Да... теперь я спокоен... – Соломон устало закрыл глаза и ушёл в иной мир, оставив заветную эстафету своим детям.

Урок у керектагылы

В богатого купца рос единственный сын, Бахши. В постоянных поездках из одной страны в другую он и не заметил, как сын вырос и превратился в красивого юношу. Но в последние два года, каждый раз возвращаясь домой, он находил Бахши в компании подгулявших друзей, хмельного и беспечного.

Отец, конечно, любил сына, и ему не было жалко денег, которые тот тратил, не зная счёта. Умудрённый жизнью, он видел далеко вперёд и понимал, что в конечном счёте всё его состояние так или иначе останется единственному наследнику. Отца тревожило и смущало другое – то, что сын, лихо растрачивая накопленное им богатство, всё ещё не осознал, что оно не безгранично и что создавалось оно тяжким трудом, ценой многих лишений и опасностей, потерей здоровья, наконец. Зная о своей тяжёлой болезни, отец беспокоился о том, что эта лёгкость, бесшабашность в тратах может привести сына к иллюзии, что жизнь состоит из одних лишь радостей, и первая серьёзная трудность, даже небольшое испытание, может его сломить, а может быть, и погубить. Вот почему он, щадя самолюбие и гордость сына, старался ненавязчиво, мягко привести его к благоразумию.

Однако сын, становясь взрослым и приобретая новых и новых друзей, не только не слышал и не понимал больного отца, а становился ещё более раздражительным и непослушным. Его кутежи, постоянные попойки не прекращались, а наоборот, приобретали новые, всё возрастающие масштабы.

Поведение сына не меньше, чем отца, тревожило и опечаленную, больную мать.

– Что ты с собой делаешь, сынок, – не раз и не два с горечью в глазах спрашивала она его, – ты что, хочешь убить нас?

– Оставьте меня в покое! – отвечал Бахши возмущённо. – Я никому не мешаю! Вам что, денег жалко?

– Да разве в деньгах дело, сынок? Ты себя губишь! Ты посмотри, на кого стал похож, чтобы ослепнуть мне! – в сердцах зывала она к его разуму.

Однако сын не менялся, и тревога за него, словно чёрная грозовая туча, нависла над их домом. И надо ли удивляться, если под тяжестью этой беды, так немилосердно свалившейся на семью, больная женщина не выдержала и в скором времени угасла, как свеча.

У Бахши был друг, которого звали Мизандаром, он один из всей его компании не поддакивал ему, а прямо, не за глаза, говорил, что путь, на который он встал, может привести его в конце концов не только к печальному исходу, но, возможно, и к гибели.

Однако Бахши, рассердившись, обозвал друга выскочкой и под улюлюканье остальных прогнал из своей компании.

Поскольку из родника Зюм-Зюм ещё никому не удавалось испить животворной воды, то и для купца настал его смертный час, тем более что дала о себе знать неизлечимая болезнь, да и безвременный уход жены и горькие раздумья о сыне тоже ускорили его конец. Для такого тонкого, чувствительного, легко ранимого человека, как он, достаточно было и одной из этих причин.

И вот, лёжа на смертном одре, он подозвал к себе сына и тихо, из последних сил, произнёс:

– Знаю, что в своей беготне по жизни я непростительно многое упустил, да и тебя тоже... Прости, сын... Хочу попросить тебя об одной милости, – от волнения он глухо, с надрывом закашлялся, долго не мог вздохнуть, отчего губы и лицо его неожиданно посинели, на бледном лбу выступили капельки пота и, казалось, что вот уже и наступил конец. Но жизнь будто дала ему ещё один, последний шанс высказаться, и дыхание его с трудом восстановилось. – Пока есть деньги, сын, к любовнице ходи рано утром, на рассвете; компанию друзей посещай, когда застолье идёт к концу; а когда увидишь, что деньги кончились и друзья от тебя отвернулись... – заметив сомнение в лице сына, продолжил:

– Поверь мне, так оно и будет... Когда к тебе придёт понимание никчемности, бессмысленности жизни, – вот тогда повесишься на этой перекладине... – и остывающим взглядом указал сыну на дверную перекладину.

Сорок дней после похорон отца сын не выходил из дома, не выпивал в компании друзей, не поддавался блуду. Но как только прошёл установленный адатом срок, он снова окунулся в свой привычный омут, словно не было отцовских заветов... Снова были дорогие любовницы, шумные пьяные оргии и весёлая, беспечная жизнь.

Но подобно тому, как полные винные бочки постепенно иссякают и пустеют, так же стало иссякать и его богатство. Наступил день, когда продолжать вести прежний образ жизни стало невозможно – денег уже не хватало, а потом вообще не осталось даже на хлеб насущный. Неделью-другую он гулял за счёт друзей, но таких беспечно щедрых, как он сам, оказалось среди них немного. Теперь уже бывшие друзья вообще перестали его приглашать. Недаром говорят, что застольные друзья – недолговечны.

«А как поведет себя та, которая в последнее время давала мне усладу?» – подумал он и на рассвете пошёл к своей любовнице. Дверь открыла совсем не та, которую он знал, – краснощёкая и белолицая с пышной грудью молодая красавица. Перед ним стояла женщина лет сорока, с жидкими растрёпанными волосами, с бледным и уже морщинистым лицом, на котором все ещё оставались следы сползающего макияжа. «Да она же безобразна! – с ужасом подумал он. – Как же я не видел этого раньше?!»

От неё он не уходил, а убегал, как мальчишка от первого греха.

О том, что бывшие друзья собираются сегодня вечером в ресторане на очередной кутёж, он узнал от того же Мизандара, который, несмотря на нанесённую ему горькую обиду, всё же старался быть рядом с Бахши. Сделав вид, что ни сам Мизандар, ни его информация его не интересуют, Бахши где-то в полночь, в самое время, как он считал, когда «гулянье» идёт к завершению, направился в ресторан. Он впервые оказался в этом заведении трезвым.

И войдя в зал, он ужаснулся увиденному: один из его друзей полулежал прямо на столе, уронив голову на тарелку с холодцом, другой – свалился на пол, намочив от недержания новые дорогие брюки, третий – со спущенными штанами навалился на размалёванную подругу, да так и заснул на ней. В таких же непригляд-

ных позах были и остальные. Стоял такой смрад, кругом было столько грязи и мусора, что ему стало не по себе. «Неужели и я бываю такой же? – удивился Бахши про себя. – Да, прав был отец, я действительно слепец и глупец!»

Разочарование в себе было столь велико, что он пришёл к самому печальному заключению о бессмысленности подобной жизни. Он чувствовал полную безысходность. «Эх, если бы можно было все начать заново, – думал он, – жить так больше незачем, да и не на что!»

Вспомнив о последнем наставлении отца, он вернулся домой, подошёл к той самой дверной перекладине, связал из веревки петлю и, оплакивая свою жалкую жизнь, повесился...

Однако перекладина не выдержала тяжести тела и неожиданно обломилась. Вдруг откуда-то сверху на голову незадачливого самоубийцы свалилась шкатулка работы искусного мастера. В шоке от случившегося, придя в себя, он протянул руку и взял шкатулку, открыл её и ахнул от изумления – она была полна драгоценностей.

В семейной пары, прожившей вместе больше трёх десятков лет, неожиданно для окружающих случился разлад. Теперь слово одного, сказанное даже не в адрес другого, воспринималось в штыки, вызывало обиду и взрыв негодования, словно в прошлом у них не было взаимного согласия и многолетней любви. Иногда подобные вспышки жены вызывали в муже протест, и он бросал ей в лицо, не щадя самолюбия, жестокие оскорбления. Будто всё стерлось и забылось.

А ведь совсем недавно между ними было тепло, трогательное согласие и радость взаимной близости. Их семейные отношения служили примером для начинающих совместную жизнь молодых людей или тех, кто ещё недавно мечтал о долгой счастливой жизни, а вместо этого столкнулся с неразрешимыми противоречиями, для кого совместная жизнь оказалась не садом, украшенным цветами, а полем, заросшим чертополохом.

Понимая, что они отдаляются друг от друга всё больше и больше, как оторванные бурей листья от материнского стебля, супруги первое время старались скрыть от окружающих разлад. Но спрятать разрыв в верёвке их взаимоотношений со временем стало невозможно. Вообще на селе скрыть от людей ничего нельзя... Даже попытки говорить друг с другом при людях так, будто ничего не произошло, не могли скрыть очевидного: «корабль» их совместной жизни терпит крушение.

Однажды муж, прихватив с собой маленький глиняный кувшинчик для омовения, отправился в дворовый туалет. Но через

некоторое время вышел опечаленным, чуть ли не со слезами на глазах. Увидев мужа в таком состоянии, жена была удивлена, ибо в последнее время часто сталкивалась с его равнодушием и безразличием.

– Что случилось? Чем это ты так расстроен?

– Знаешь, жена, – ответил муж как-то неестественно участливо, – я сейчас неожиданно разбил о косяк туалета свой глиняный кувшинчик, и он вдруг говорит мне: «Сорок лет я служил тебе, как верный друг, я знал все твои секреты, как ты – мои. Не кручинься теперь, что делать, случилось то, что случилось...» А мне не по себе, у него был стройный стан, редкое сочетание красоты и изящества, способность всегда быть нужным. Жалко расставаться с ним...

– Да ладно, – ехидно улыбнулась жена, – с твоим-то характером проявлять такое огорчение! Купишь другой, ты ведь легко расстаёшься с прошлым...

– Нет, жена, – решительно заявил муж, – ты ошибаешься, дорогая. Я много в жизни терял, иногда, как ты говоришь, легко. Но цену этой потери я неожиданно осознал сейчас... Есть в жизни то, что стало тебе очень дорого. И потерять это – то же самое, что ежедневно с болью отрывать от живого.

Он посмотрел на жену долгим огорчённым взглядом и добавил:

– Порой мы непозволительно расточительны, и я всё больше прихожу к убеждению, что нельзя терять то, что терять нельзя.

Жена посмотрела на огорчённого мужа, опустила голову, задумалась и отошла в сторону. Рассказывают, что с тех пор они не ссорились...

На одной из улиц древнего города жила «ведьма». Нет, колдуньей она не была и, тем более, не отличалась сварливостью характера. «Ведьмой» прозвали её из зависти, за чистоту её души, правдивость и прямоту, за то, что она, не щадя самолюбия некоторых балаболок, несущих всякую чушь и дурь, могла их так поставить на место, что они, поджав хвосты, как провинившиеся дворняжки, искали, где бы спрятаться. Слабые, самовлюблённые, никчемные люди могли за это не любить кого угодно.

Однако вопреки мнению сварливой шайки, большинство женщин города относились к ней с нескрываемым уважением и любовью, чтили её бескорыстие и доброту, поскольку «ведьма» была готова в любое время суток оказать помощь нуждающемуся, принести пользу советом и содействием. И за глаза называли её «живым родничком».

Пожилая, лет шестидесяти, была она всегда в длинном платье горянки, чистая, опрятная, словно у неё не было девяти детей и массы дел по дому. А выразительный взгляд, чистый, родниковый блеск в глазах так и притягивали к ней жаждущих помощи и поддержки. Поэтому шли к ней горянки, чья жизнь зачастую была горькой и трудной, как к роднику, чтобы «напиться» её добротой и чистосердечностью. Шли, твёрдо веря, что она поможет.

Нелегко складывалась жизнь и этой сравнительно молодой ещё тридцатилетней горянки, рассказавшей мне свою горькую историю. В последнее время муж её загулял: стал много

пить, возвращаться домой к утру, перестал приносить зарплату, оставляя семью, в которой было четверо малышей, без средств к существованию. Первое время она реагировала молча, относя подобные поступки к мужским капризам. Потом стала стыдить: своим поведением муж позорит себя в глазах детей и соседей. Но когда муж стал возражать на её протесты, даже избивать в присутствии малолетних плачущих детей, она не выдержала, стала кричать сама, оскорблять его и бегать за помощью к его родителям. Конечно, призналась она, иногда не успевала вовремя приготовить обед, погладить, скажем, рубашку. Но ведь в семье четверо детей мал-мала меньше, за ними постоянный уход нужен: накормить, чисто одеть, постирать, убрать в доме. Да мало ли что приходится делать за день. Она ведь не гуляет, вся в заботах.

Однако ничто в поведении мужа не менялось: на него не действовали ни увещевания родителей, ни взгляды ошеломлённых детей, которые смотрели на отца со слезами на глазах, ни даже осуждение некоторых друзей. Наоборот, теперь он в день зарплаты выбрасывал на стол какую-то сумму и не приходил домой всю ночь. Всё шло к разрыву, и жена ждала этого страшного удара, как стихии, как урагана, который беспощадно рушит всё и вся. Это ожидание мучило её всё больше и больше. И в отчаянии от безысходности она пришла однажды к «живому родничку» с последней надеждой...

Та приняла эту измождённую думами женщину ласково, усадила рядом, выслушала её долгий, прерывающийся плачем рассказ и обняла за вздрагивающие плечи.

– Ты знаешь, доченька, что является лекарством от всех болезней? – спросила она, словно продолжала давно начатый разговор. И сама ответила: – Лекарством от всех болезней является... терпение. Да, да, терпение. Не верится? Тогда пойдём со мной, я покажу кое-что...

Она мягко взяла женщину за локоть, подняла и повела вглубь двора. Подведя гостью к усыпанному яблоками дереву, сорвала плод и протянула ей:

– Попробуй, сладкое, душистое, райское...

Гостья откусила и удивилась.

– Ну как?

– В самом деле, вкусное, сладкое. Но...?

– А ведь яблоня не всегда была такой, – заметила хозяйка. – Посадили мы её лет десять назад. Хотя и хиленькой, но росла, цвести даже стала, радовала глаз, как всякий цвет весной. Но плоды приносила кислые, невкусные, а дети, прозвав её «кислицей», перестали даже замечать. Мой старшенький вообще предложил выкорчевать и выбросить яблоню. Всё шло к этому. Но однажды весной, когда сын пошёл в подвал за топором, я подошла к яблоне, и она вдруг обратилась ко мне с просьбой:

– Не руби меня, пожалуйста, я ещё обрадую тебя, – и замолкла, шевельнув молодой листвой.

Тогда же я набралась терпения и стала за ней ухаживать: лечила от болезней, вовремя поила, вовремя подкармливала, и случилось чудо...

И, одарив своим лучистым взглядом недоумевающую гостью, добавила:

– В жизни, доченька, всё требует терпения... и твой муж тоже... Ты ведь, как я понимаю, любишь его? Иди домой, собери его грязное бельё, постирай и погладь. Готовь самые вкусные блюда, которые ему нравятся, окружи вниманием и любовью. И поверь, прошлое вернётся, будто настоящего и не было...

С того дня женщина так и поступала всю жизнь.

С дух о том, что у Рустама-богатыря из окрестностей Джалганских гор прямо со свадьбы (и, надо думать, не без её согласия) украли невесту, распространился по аулам Дагестана с быстротой молнии. Вот уж действительно, величайшую истину изрёк тот, кто раньше всех отметил проворство недобрых вестей...

Естественно, все предполагали, что обидчика найдут, и в скором времени его ждёт заслуженная кара. Однако разошлись со свадьбы приглашённые, прошли дни, месяцы и годы, невеста как в воду канула, а вороватого любовника так и не нашли, а может, и не искали. Пропал и Рустам. Правда, спустя лет десять его видели в районе Ханджалмахинских гор, но что он там делает и почему оказался далеко от своих родных мест, никто сказать не мог.

В родных краях, конечно, Рустама-богатыря не забыли, воспоминания о нём передавали из уст в уста, особенно два из них: как он после побега некогда любимой девушки, которую добивался много лет, обозлившись, искромсал свою брачную постель и в сердцах громко сказал:

– Будь проклята эта любовь! От неё только боль и страдания!

И второе, когда он мужественно бросился на разъярённого медведя, напавшего на заблудившихся в лесу подростков. Богатырь убил зверя, но тот всё же успел распороть ему плечо и грудь. И как медсестра, перевязывавшая его раны, участливо спросила:

– Болит?

А он, улыбнувшись, ответил:

– Нет, сестра. Самая тяжёлая рана не та, что кровоточит, а та, что ноет и никогда не даёт покоя сердцу...

Потом я узнал, что вот уже более 10 лет он живёт в ауле, выше Ханджалмахи, на три версты в горы, посадил там абрикосовый сад, и что каждый год по несколько раз возит на рынок районного центра свой товар в больших плетёных корзинах-северах на муле и огромном, как он сам, осле, которого местные жители прозвали Богатырём. Из разговоров о нём было известно, что он так и не женился, что усыновил шестилетнего сироту, что несколько лет назад похоронил мать свою и все хлопоты по дому выполняет сам.

С соседями живёт дружно, в ауле пользуется уважением, но ни своей силой, ни прочими достоинствами не кичится, ведёт скромный образ жизни. Словоохотливостью, как всегда, не отличается, но когда аулу нужна его помощь, никогда в стороне не остаётся...

Люди обратили внимание ещё на одну особенность его характера: на аульский майдан ходил редко, в разговорах участия не принимал, но когда кто-нибудь бросал реплику о чьей-то верности или любви, не задумываясь, нехотя, как бы невзначай давал этому свою оценку:

– Брехня это всё про любовь... Нет её...

Некоторые с этим соглашались, другие же возражали, а он, не желая продолжать разговор, вставал и уходил. Видно, для него этот вопрос был решён навсегда.

Однажды завсегдатаи рынка были удивлены, когда Рустам привёз свои абрикосы не на осле-богатыре, а на муле и маленьком, невзрачном ослике.

– Эй, земляк, – окликнули его знакомые, – мы ничего не поймём, где твой осёл-богатырь?

– Погиб, – буднично, без всяких эмоций ответил хозяин.

– Как это погиб? – удивились те.

– Из-за любви, – уточнил Рустам и хотел продолжить свой путь, но был остановлен товарищами.

– Да расскажи ты, ради Аллаха, что случилось?

Рустаму ничего не оставалось, как остановиться и удовлетворить просьбу интересующихся.

– Когда мы в прошлый раз везли свои абрикосы через Бутирский перевал, мой осёл услышал вдруг со дна горного ущелья рёв какой-то пасущейся там ослицы.

– И что? – не унимались любопытные.

– Моему упрямцу показалось, что ослица зовёт его «объясниться» в любви. Он встрепнулся и тут же замер. Я его держу и говорю, мол, никакой любви нет, что это вздор, что не верь ей, что, может, она вовсе не тебя зовёт и кое-что другое... И что, вы думаете, делает этот глупец? Услышав второй раз рёв ослицы, он вдруг резко повернул в сторону голову, отчего у него искривилась морда, как у мальчика-эпилептика из нашего аула, чуть приподнял передние копыта и боком, боком пошёл к краю перевала. И как человек, который любит себя, по-своему зашипел: «Щью-щью-щью». У него выкатились глаза, словно он обезумел от этой несчастной любви, будь она неладна, и, несмотря на мои усилия его удержать, он всё же кинулся на сторону и вместе с грузом абрикосов упал в пропасть...

– Надо же, – заметил один и засмеялся.

– Невероятная история, – сказал другой и тоже улыбнулся.

– Да, из-за этой... несуществующей любви и погиб мой осёл, – подытожил свой рассказ Рустам.

Молва эта разнеслась по всему рынку, вызвав двоякую реакцию: одни думали над глупостью незадачливого осла, другие же – над хитросплетениями любви.

Н а рассвете, когда огромное круглое зарево медленно всплывало из толщи Каспия, и лучи его лишь чуть коснулись края водяного покрывала, когда тишину аула, расположенного невдалеке, в предгорьях Кавказа, почти бесшумно нарушили говорливые родники, когда весна хозяйкой коснулась своим дыханием всей округи, ожили вдруг низкорослые дубки, извечные жители дагестанских предгорий, а вслед за ними на землю лёг пёстрый ковер цветов: сперва медуницы, крепкие стебельки которой несут на себе ярко-розовые и васильково-синие цветы, за ними – тёмно-малиновые сочевники, а потом уже эстафету цветения принимают жимолость, бересклет и перелески, красивые цветки которой раскрываются только на рассвете и закрываются к вечеру, к заходу солнца. За эту светозависимость цветов этот называется ещё «плодом жизни».

Именно в это время раннего пробуждения в широкие деревянные ворота седовласого сельского мудреца Шомоила громко, со всей силой, постучали – били висевшим на гвозде своеобразным железным молоточком по закрепленной на воротах же подкове. Разбуженный старик, открыв ворота, был удивлён столь ранним гостем:

– Друг мой, что случилось? Ты и в такой ранний час?! Да, на тебе лица нет?..

– Я умер! – воскликнул пришелец, упав на колени и опустив седую голову. – Похорони меня от позора и стыда, отчего я никак не могу избавиться, ибо это можешь сделать только ты!..

– Почему я? – ещё больше удивился старец и нагнулся, чтобы помочь другу подняться с колен. – Проходи в дом, негоже говорить у порога...

– Нет! На этот раз в дом я не пойду, срам на мою голову! – снова удручённо ответил пришелец.

– Так говори, я слушаю! – потребовал хозяин и с трудом поднял его с земли.

– Трёх овец, которые у тебя пропали пять дней назад, украл я! Двоих мы тут же зарезали и съели шашлык и хинкал, а третья сбежала, срам на мою голову, – на одном дыхании произнес пришелец, закрыв руками лицо.

– Так это ты?! – вопросительно воскликнул хозяин обрадованно.

– Да, – ещё раз признался пришелец, – третьего барана так и не нашли...

– Не ищи, он в тот же день вернулся домой, – улыбаясь, говорил хозяин, – по этому случаю у нас есть причина сейчас же пустить его на шашлык...

– Как? – ничего не понял пришелец, увидев улыбку на лице друга.

– А вот так! – снова улыбаясь, отвечал хозяин. – У меня от раздумий голова распухла – всё думал над своими словами и действиями в последнее время: почему вдруг у меня появился недоброжелатель, а может, и недруг, который решил причинить мне вред. Мало ли, какую пакость он готовит мне на будущее, ведь хуже нет, когда не знаешь, кто твой враг... – и после недолгих раздумий продолжил: – Поверь, я не из робкого десятка, да что я тебе об этом говорю, ты и сам это знаешь. Но всё думаю: сегодня этот недоброжелатель навредил мне чуть-чуть, а что у него на уме на завтра? Надо же быть готовым... – он ненадолго снова умолк и подумав, добавил: – Вот почему я радуюсь твоему приходу, знаешь ли, человек должен спать спокойно...

И по мере того, как хозяин произносил эту длинную тираду, пришелец ещё больше виновато опускал голову, будто его били наотмашь, как нашкодившего мальчишку. Набравшись смелости, он признался ещё больше:

– Вот поэтому срам на мою голову, я пришёл к выводу, что лучше признаться в своей глупости, чем болтать всякий тошнотворный вздор и самому себе быть противным!

Хозяин, думая, молчал.

– Конечно, я понимаю, невелика заслуга, если человек честен лишь потому, что никто и не пытается его принудить к этому... – заявил пришелец виновато...

– Нет, нет, – словно извиняясь, ответил хозяин, – ты неправильно понял моё молчание. Я думал о человеческой корысти. Знаешь ли, друг мой, что корыстолюбие отнимает у человека самые заветные чувства, и в первую очередь любовь к добродетели и чистоте.

– Я это понял только в эти дни, – признался пришелец, – масштабы катастрофы я осознал, лишь оказавшись на краю пропасти, но поверь, дорогой, в отношении тебя у меня никогда не было ни зависти, ни корысти...

– Теперь верю, – твёрдо ответил хозяин. – В наши годы нельзя приобретать врагов: в словах надо быть осторожным, ибо слово – одежда, а смысл, скрывающийся под ним, может вызвать всякие чувства: от радости до ненависти. А в деяниях надо быть великодушным и терпеливым, но самое главное – справедливым, – продолжал он, радуясь, что всё обернулось так неожиданно благополучно. – Теперь, когда ты, мой друг, обрадовал и согрел мою душу, я прошу тебя выбросить всё из головы и отведать со мной шашлыка, который мы с тобой изготовим из того самого ягнёнка, который так хитроумно сбежал от тебя... ха-ха... Пойдём в дом, – и они, улыбаясь, вошли во двор.

Уже за столом, выпив по бокалу виноградного вина, Шомоил признался другу:

– Знаешь, друг мой, великая радость понять, что у тебя нет недоброжелателей, но ещё большее счастье убедиться, что среди друзей твоих нет ни одного врага!

Что посеешь, то и...

Было время, когда вдалеке, за городской чертой, на заброшенных пустырях, каменистых и полных всякого хлама суглинках, почти непригодных для сельского хозяйства, так называемых «мёртвых», «бросовых» землях, жителям городов выделяли по 6 соток под садоводческое товарищество. И если говорить о «чудесах» того времени, то одним из них было то, как за несколько лет эти пустыри очищались от камней и мусора, избавлялись от пустынной сухости, обрабатывались (большой частью вручную), удобрялись, превращаясь в цветущие сады и щедрые арбузами, дынями и тыквами бахчи. Поистине, воля и труд человека творили диво.

Надо ли говорить, что с течением времени «садоводы», на чьих участках не было даже сколько-нибудь заметной межи (если не считать тонкой необрабатываемой полоски), все перезнакомились, подружились и узнавали друг друга не только в лицо, но и по сигналу их подъезжающей машины

Теперь многие приезжали сюда на своих «Окушках», «Москвичонках» и «Жигулёнках», которые припарковывались на очищенной и благоустроенной стоянке. Лишь один из них, сорокапятiletний доктор, по мере своей известности вначале подъезжал на мотоцикле, затем на «Москвиче», потом на «Волге», а в последнее время так вообще на великолепном «Вольво». Прибывал он к своему всё возраставшему за счет покупки соседних участку вместе с коренастым, лет пятидесяти, мужичком, видно, нанятым доктором для работы здесь. И надо отдать тому должное: рабо-

тал мужик усердно, добросовестно и за короткое время навёл на огромном теперь участке должный порядок.

Как это обычно случается, «садоводы», узнав друг друга, избрали себе кумира – семидесятилетнего дедка, который стал для большинства образцом трудолюбия, мудрости и большого житейского опыта. Теперь за глаза его называли не по имени, а просто «дедом», и, обращаясь к нему, уважительно величали «дядей». Примечателен был дед ещё и тем, что имел привычку при случае, соответствующем какому-либо событию, приговаривать: «Что посеешь, то и получишь».

Как-то раз, ещё в те времена, когда доктор не гнушался работы сам, тыквы на его участке не уродились, они были величиной с кулак, словно их вообще не поливали. Любуясь грузными и крупными плодами упомянутого деда, эскулап похвалил его:

– Вы, дядя, большой кудесник...

– Что сказать, сынок, – отвечал дед, – надо думать, семена у тебя были плохие, а поэтому, как говорится, что посеешь, то и получишь... – и назидательно добавлял: – В жизни всегда так, сынок...

Другой раз дед вспомнил свою присказку, когда один из «садоводов» сокрушался по поводу непутёвого двенадцатилетнего сына, которого за плохое поведение и оскорбительное отношение к учителям отчислили из школы.

– Прямо от рук отбился, сорванец, – удручённо говорил родитель, – не знаю, что и делать... Что посоветуешь, дядя?

– А что тут советовать?! – ответил дед вопросом. – Что посеял, то и получил... Ведь ребёнок – что то деревце малое, за которым ты здесь терпеливо ухаживаешь каждый день. Он тоже требует внимания. Надо на традициях отцов и дедов учить его нравственности, доброте и уважению к людям. Вы, уважаемый, наверное, забыли об этом и, пока не поздно, возьмитесь за сына... а знаете что, – вдруг спохватился он, – приводите его сюда на несколько дней, пусть знает, что хлеб не на дереве растёт...

Все воспринимали деда, его советы и подсказки с уважением и почитанием, кроме доктора. Трудно сказать, какие потайные струны его души задевали назидания старика, но эскулапу всё больше и больше не нравилась его поговорка о посевах и плодах. Мало того, со временем она его стала раздражать не на шутку, и он вообще стал сторониться деда. И это недовольство привело к

тому, что доктор не стал здороваться с ним не только при встрече на садовом участке, но и в больнице, где дед работал сторожем в приёмном покое.

За два года до последовавших событий доктор, вопреки «Положению о садоводческих участках», получив разрешение, стал строить на своем участке, размеры которого выросли до 30 соток, вначале высокий забор из кирпича, затем большой дачный дом из добротного известкового камня. Конечно, о всё возраставшем богатстве доктора садоводы язвительно шушукались, многие знали и называли его источник, и их кривые усмешки часто сопровождали шикарные машины эскулапа и его друзей. Но никто никуда не доносил, считая всё это делом совести самого доктора. Да и куда было доносить, если начальник милиции и партийные «вожди» местного значения, вместе с собратьями наверху, обогащались точно таким же образом, и обращаться к ним было делом весьма безнадёжным. А доктора, теперь уже известного хирурга, они все знали, обращались к нему по нужде, уважали, и поэтому тот пользовался их неизменной поддержкой.

Но людская молва доктора не щадила, немилосердно называла хапугой, взяточником и прочими недобрыми эпитетами. Люди недвусмысленно говорили о его непомерной жадности, всевозрастающих аппетитах, что теперь, пользуясь славой «хирурга от Бога», он, не получив мзду, то бишь взятку за операцию, к делу не приступал. Как-то при подобной ситуации, встретившись в приёмном покое с дедом, доктор, не поздоровавшись, опустил голову и прошел мимо, словно чувствовал перед ним вину.

На этот раз в приёмный покой больницы к десяти часам ночи, как раз в дежурство доктора-хирурга, доставили попавшего в автомобильную аварию молодого человека, истекающего кровью и требующего срочной операции.

– Доктор, – сообщила ему врач приёмного покоя, – доставлен молодой человек после аварии...

– Кто его доставил? – спросил хирург.

– Посторонние люди, оказавшиеся на месте аварии, – ответила врач приёмного покоя, – однако он истекает кровью...

– Вызовите родственников, – приказал хирург и положил трубку.

Но когда те, кто привезли искалеченного аварией парня, стали просить о сострадании, просто-напросто умолять о необходимо-

сти срочной операции, дабы парень не погиб, мол, родственников автоинспекция ищет, и они обязательно вот-вот найдутся, врач приёмного покоя не выдержала и снова позвонила хирургу:

– Извините, доктор, здесь говорят, что родственников ищут и их вот-вот найдут, но молодому человеку надо срочно сделать операцию, все мои попытки остановить кровь не дают результата, он может погибнуть...

– Как найдут, сразу мне позвоните, – категорически ответил хирург и снова опустил трубку.

Врач приёмного покоя развела руками.

Присутствовавший при этом разговоре дед-сторож поднял трубку, набрал номер и, когда на той стороне ответили, сказал:

– Слушай, доктор, пожалей парня, он истекает кровью, возьми его на операцию...

– Кто это? – не понял хирург.

– Это я, твой сосед по садовому участку, – ответил дед, – помни, что посеешь, то и...

– Пошёл ты!.. – взорвался хирург и бросил трубку на рычаг.

Через полчаса молодой человек скончался, отчего все присутствующие в приемном покое впали в шок. А ещё через несколько минут зазвонил телефон дежурного врача больницы.

– Слушаю вас, – ответил хирург.

– Скажите, пожалуйста, это дежурный больницы N? – спросили в трубку. – Вам звонят из автоинспекции.

– Да, слушаю вас, – ответил доктор.

– Примерно час назад в аварию попал ваш сын, его доставили к вам...

Доктор замер, словно его ударил ток, потом, бросив трубку, стремительно поднялся и стремглав, через два этажа, как безумный, побежал в приёмный покой, где на носилках лежало покрытое простынёй мёртвое тело. Он бросился вперёд, сорвал с окровавленного трупа покрывало и, узнав сына, горько, навзрыд заплакал...

В зѣм сльвст воговорота

днажды в утробе матери заговорили братья-близнецы. Первый сказал:

– Ты знаешь, вчера я видел сон, что меня ждёт прекрасное будущее...

– Да ничего прекрасного нас не ждёт, – ответил второй, – все мы рождаемся, чтобы умереть, и никто не может сказать, на кой чёрт мы рождаемся...

– Э-э, нет, – возразил первый, – во сне мне предсказали, что жизнь прекрасна, и она у нас будет радостной и счастливой, надо только постараться...

– Какой ты наивный, брат, – сказал второй, – старайся не старайся, всё равно ничто не имеет смысла, никакого света в конце туннеля нет...

– А мне во сне приснилось, что мы скоро родимся, увидим красивое лицо нашей мамы, её нежные руки будут нас ласкать, её голубые глаза будут светиться радостью от счастья...

– А во сне не сказали, для чего мы рождаемся?

– Как «для чего»? Чтобы жить...

– А для чего жить?

– Как, ну, чтобы... – не сразу нашёлся, что ответить, первый и добавил: – Чтобы творить, дерзать, добиваться своей цели...

– А потом?

– Добьёшься одной цели, поставишь вторую и радуйся – жизнь продолжается, – заключил первый и улыбнулся...

– Ну и что? Чему радоваться, – сказал скептически второй, – если мама наша в скором времени потеряет свою красоту, от бес-

конечных трудов и стрессов превратится в старую «Бабу-ягу», а потом вообще оставит нас. Затем мы будем бегать за куском хлеба, вечно гнаться за недостижимым, чтобы также уйти, так и не поняв, зачем и почему пришли...

– Это как же? – спросил оптимист удивлённо. – Ты не видишь смысла в нашем рождении?

– Ха, – ухмыльнулся пессимист, – от нас ничего не зависит, всё будет, как велит Бог...

Шли годы...

В большом отцовском доме, на возвышении в ауле, росли два брата-близнеца. Первый – рослый, воинственный, за дерзкий, лучше сказать, волчий взгляд и неуживчивый характер прозванный сверстниками пессимистом, и второй – улыбчивый, дружелюбный, с проникательными отзывчивым взглядом, богатырь, единодушно названный друзьями оптимистом. За треть предначинанного им века пессимист наломал «немало дров»: не раз по пустякам лез в драку, тяжело избивал и малого, и большого; мог обидеть женщину, иногда и силой, как, например, поступил со своей первой женой, отчего два года назад свёл в могилу отца – человека совестливого и весьма дружелюбного; а год назад и мать, до неизлечимой боли переживавшую за него; а своим кощунственным поступком – изгнанием из дома гостя, что в горных краях вообще недопустимо, снискал себе несмываемый позор. Точно такой оказалась и его вторая жена – высокая, с осанкой царевны, гордая, с колючим, проницательным взглядом, отчего их двое детей постоянно прятались при её появлении; а соседские женщины не осмеливались с ней заговорить; в постоянном длинном платье с широкой черной шалью на голове, а поверх – драгоценной короной работы златокузнецов. Она явно гордилась своим мужем и трепетно исполняла все его желания.

Оптимист же жил всеми уважаемым. Часто приглашали его в гости, на торжества, приходили к нему за советом, обращались за помощью. И он, по возможности, старался им помочь. И дела у него шли хорошо: его плодовый сад каждый год приносил обильный урожай, жена – приветливая хозяйка, была помощницей мужу в его делах, растила четверых мальчиков, которые, под стать родителям, не чурались труда и учились хорошо. Жили ладно и складно. Эти его качества невольно вызывали протест брата, который не скрывал своей неприязни к нему, награждая его не-

приятными эпитетами. Оптимист не обижался на брата, относя всё это к его неуживчивому характеру, но когда однажды, совсем недавно, пессимист потребовал у него покинуть отцовский дом, рассердился и сказал:

– Ты что себе позволяешь? Я такой же сын своего отца, как и ты!

– Перестань мнить о себе, что ты – источник доброты! Ты делаешь всё это мне вопреки!..

– Нет, брат... Я делаю так, чтобы не покрыть имя нашего отца позором...

– Вот-вот, – вскричал пессимист, – я подлец, а ты – добродетель, я – позор, а ты – слава нашей семьи. Так, что ли?

– Нет, брат, – оптимист ненадолго задумался и продолжил, – ты продолжаешь жить так же, как начинал в самом начале, для тебя нет ничего святого: ни законы гостеприимства, ни честь и намус, ни справедливость, ни, в конце концов, жизнь и смерть, ты, как оторванный лист с живого дерева, летишь, и тебе безразлично, куда упадёшь, ибо, считаешь ты, всё равно, где упасть и как упасть...

– И правильно, ибо я заранее знаю, что умру, а какая разница, как умру, если всё остальное трын-трава? Так будет всегда, и нечего хорохориться...

– Ты глубоко заблуждаешься в главном: и жить, и умереть надо достойно, ибо на дереве, с которого упал «твой» лист, есть ещё много других листьев, твоих и моих детей, сотни наших аульчан, и таких деревьев на земле множество. Так что, брат, жизнь продолжается, вот это и есть главное! – и оптимист улыбнулся, как тогда, ещё в утробе матери...

– Всё это слова, шелуха, ты мне скажи, «мудрец», в чём всё-таки смысл этого водоворота?

– Смысл человеческой жизни, брат, в том, что ты начинаешь с самого очевидного, а заканчиваешь самым парадоксальным, – заключил оптимист, и закончил: – Каждый человек не просто живёт сам: его грудью дышат бесчисленные поколения рода, все, ушедшие в непроглядную темноту, и все, кому ещё не настало время родиться...

Раздумья всадника

На годекане деревни Начихалово накануне выборов завязался оживлённый разговор. Как это часто случается, участниками этой беседы стали люди двух поколений: старшего, коих называют нынче замысловато, уважительным словом – аксакалы, и молодые, которых с годами в деревне становится всё меньше и меньше: уехавшие на службу не возвращаются «в эту дыру», а тем из них, кому посчастливилось поступить и окончить вуз или техникум, здесь вообще делать нечего. Так вот, молодые считали, что голосовать на выборах надо за тех, кто свои предвыборные обещания выполняет, а не «обещалкиных». А то, мол, до выборов они прямо соловьём заливаются, обещаний полный короб: и дорогу построят, и школу отремонтируют, и газ в деревню проведут, но как только выборы завершаются, так и обещаниям конец.

– На мой взгляд, – заявил школьный учитель, – нам надо научиться самим и научить других уважать самих себя, не быть послушным быдлом, не плясать под дудку зазывал. Если кандидат один раз обманул, так, несмотря на все его посулы, второй раз не выбирать. Пора избавляться от обманщиков...

– Вот, вот, – поддержал его местный фермер, – чиновники всех мастей не хотят менять существующий уклад жизни, их вполне устраивает тот порядок распределения «пирога», который сегодня сложился в стране за государственным столом. А если при этом кому-то от этого пирога ничего не достаётся, так, как говорится, и чёрт с ним. Если нашу школу тысячу лет никто не ремонтировал и

её крыша вот-вот свалится на голову детей и учителей, начихать! Если наши женщины за версту несут воду и во всей округе не осталось деревьев, чтобы использовать на дрова, а заброшенных домов, окна, двери и крыши которых использовать на растопку, уже не осталось, начихать! Если в деревне не остаётся молодёжи и численность людей в ней уменьшается с каждым годом, ну и что? Пирог-то на нашем столе не уменьшается, нам – чиновникам – хорошо, и нас это устраивает, на всё остальное нам начихать! И вообще, чиновникам хорошо, когда людям плохо – вот в чём суть! И ломать надо именно это. – Он ненадолго задумался и продолжил: – Но как это сделать? Мы ведь сами выбираем этих... чиновников...

– Кхе, кхе... – закашлял старик – один из старожилов деревни, – я вот о чём подумал... Хорошие слова вы говорите, дети мои, правильные... Приходят к нам эти... зазывалы и предлагают кандидатов в эти самые... депутаты... а кто они, откуда, в первый раз или были уже, что сделали для людей, ничего не знаем. Да и они об этом молчат. Бывает порой, что их меняют местами, от партий, так сказать. Надо бы и нам свой штаб создать, узнать о них побольше и гнать взащей, если живут не для людей... Вот, в прошлый раз был здесь один: худощавый, обещал хорошо, ой, как хорошо, я, мол, вам и школу отремонтирую, и газ проведу. Где там! Обманул. А нынче портрет его видел: пополнел, вишь пошёл и опять же по программе: и школу обещал, и газ, и прочее. Нет, так не годится, надо нам своих выдвигать, а не этих... залётных, обещалкиных...

В разговор вмешался деревенский балагур Федосей, который в противовес росту обладал деревенской мудростью. Низенький, вёрткий Федосей на шуточный вопрос своих односельчан, мол, почему так мал ростом, не обижаясь, так же шуточно отвечал:

– Сегодня недосей, завтра недосей, вот и родился Федосей, – вкладывая в ответ печальную истину о плохой работе сельского хлебороба, и продолжил: – Я думаю, друзья мои, что все наши беды от «вождей» наших. Если бы они думали о своём народе, душа их болела и страдала за их беды и тревоги, вот тогда... – мечтательно заключил он.

Разговор невольно прекратился, словно всех обожгло пламя федосеевской мудрости.

– Разрешите мне, – неожиданно попросил слова бывший механизатор теперь уже почившего колхоза, обычно немногослов-

ный «дядя Наби». Почти шесть десятков лет назад он, молодой дагестанец, влюбившись во фронттовую подругу, приехал в эту деревню; совместно с женой вырастили семерых детей: пятерых сыновей и двух дочерей, которые, кроме старшего сына, как принято у дагестанцев, все разъехались по всей стране, и лишь письма их, приходящие изредка бабушке и дедушке, напоминают, что они – дети – их не забывают, помнят, хотя и сами уже стали дедушками...

– Давай, аксакал, – уважительно откликнулись молодые, приготовившись послушать мудрого старика.

– Живёт в наших горах древняя история, которую рассказывают в разных вариантах, то есть по поводу какого-либо случая, так сказать, история к случаю, – начал дядя Наби своё повествование. – Вот и сегодня мы заговорили о самом наболевшем, по поводу чего мы переживаем, хотим изменить, но не можем, – он ненадолго умолк, словно обдумывая, с чего бы начать...

«Засомневался однажды падишах великой страны в деяниях своих подчинённых: визирей, векилей и сардаров. Много раз до него доходили слухи о стенаниях бедных и обездоленных сограждан, о тяготах их жизни, что его подчинённые глухи ко всему этому, привыкли к такому укладу жизни и ничего не хотят менять. Вот и решил падишах убедиться в этом сам и, переодевшись в одежду простолюдина, однажды вышел ночью походить по главному городу своего государства. Спал усталый город после нелёгкого трудового дня. Долго ходил падишах от дома к дому, прислушиваясь к раздававшимся тут и там звукам, однако ничего такого, что мог заинтересовать его чуткий слух, не услышал. Где-то к полуночи он подошёл к одному духану, откуда доносились нежные струнные звуки тара. И тут взору его предстала жуткая картина: у входа в духан, прямо на камне лежал в изодранной и грязной одежде полуголый человек, которого с ног до головы облепили огромные мухи.

«О Аллах! – подумал падишах, содрогаясь, – они же сожрут этого несчастного!» И решил помочь горемыке. Он подошёл к нему и стал голосом и руками гнать от него назойливых мух. Лежащий словно проснулся, нехотя поднялся, сел и возмущённо обратился к незнакомцу:

– О человек! Что я тебе сделал плохого, что ты меня мучаешь, отгоняя облепивших меня мух?

Удивился падишах подобному вопросу и отвечает:

– И я тебе ничего плохого не сделал, уважаемый, я лишь гнал облепивших тебя кровожадных мух-вампиров, они же высосут из тебя всю оставшуюся в твоём и без того худом теле кровь!

– Не надо! – резко отвечал бедный человек, – они, эти мухи, как сардары нашего падишаха, уже сыты, наелись моей кровушки и спят, закрыли доступ к моему телу другим. Вы же, прогнав их, напускаете на меня других вампиров, мне тогда и вовсе житья не будет!..

«Да, – подумал падишах над горькими причитаниями бедняка, – мои сардары, векили и визири также привыкли к стону и жалобам этих несчастных, и ничего менять не хотят... Соотношение между мной и моим народом таково, – продолжал падишах свои раздумья, – я – всадник, народ – лошадь, а чиновники и министры – контролёры за моим движением, за исполнением законов государства. И судя по тому, что лошади недовольны, стонут и плачут они, надо полагать, что узда и вожжи на них натянуты до предела, силы лошадей не соразмерны с их бегом, и они вот-вот или упадут бездыханно, или же, скинув всадника, понесутся из последних сил и скатятся в пропасть... Так или иначе – беда...»

Об осле и верблюдах

Такого совхоза, виноградные плантации которого расположились на несколько сот гектаров за городской чертой, сегодня уже нет. На этих же землях были размещены животноводческие фермы, а также небольшой цех и подвал, где давили и хранили сухое вино. Почти все работники совхоза были жителями соседнего с ним древнего города, предки которых, горские евреи, десятки и сотни лет назад проживали в горных и предгорных аулах: Нукол, Муготры, Зидьян, Гимейди, Камах, Абасово и Митаги.

Образованию этого совхоза его работники были обязаны Советской власти, которая в первые же годы отобрала у их родителей земельные наделы, выделенные им кубинским владельцем Надыр-Ханом, и создала три колхоза. В колхозах этих люди жили хорошо, ибо за трудолюбие и старание, кроме денег на трудодни, получали натурой зерно, вино и другие дары природы. Однако в соседних колхозах рабочие жили хуже, и власть, чтобы уравнивать их, преобразовала эти три колхоза в один совхоз, где труд был обезличен, и вместо трудней работники стали получать мизерную зарплату. Новая власть патологически не любила, когда люди жили лучше. Естественно, молодёжь из совхоза стала уходить на промышленные предприятия города, которых в последние годы стало больше. Уникальный «еврейский» совхоз держался, хотя в последние годы часто менялись его руководители. На этот раз, вопреки ожиданию главного агронома, который спал и

видел себя на посту директора, руководителем совхоза назначили не его, а другого, работавшего ранее на более высоких должностях.

Конечно, агроном был расстроен, и первое время у него всё валялось из рук. Но потом поразмыслил, что он ещё не стар, что придёт и его час, что такие «выдвиженцы», как он полагал о новом директоре, долго здесь не задержатся, мол, и этому можно будет «помочь» в скором времени покинуть директорский кабинет. Однако дальнейшие события показали, что новый директор за дело взялся со знанием дела, во всё вникал, с раннего утра до позднего вечера пешком обходил одну за другой все плантации, замечал любые недоделки и весьма строго требовал их устранения.

Кроме того, с первых же дней по инициативе директора заложили саженцы редких, утерянных ранее сортов винограда, создали школу подготовки молодых мастеров по зелёной обломке и обрезке виноградников. По ходу дела главный агроном понял, что директор, что называется, пашет глубоко, с расчётом на долгие годы и, надо полагать, раскусил его, а потому всё больше чужается его и дела по совхозу делает без его помощи и совета. Сперва это насторожило главного агронома, однако, когда тот увидел, что директор настроен в общем миролюбиво, решил соблюдать эту дистанцию и дальше.

Через два-три года дела совхоза пошли в гору, выросли его доходы, люди за свой труд стали больше получать. В совхоз потянулись даже те, которые за этот период ушли из него. Уважение рабочих к своему руководителю росло с каждым днём, теперь они обращались к нему не только по делам совхоза, но и по личным вопросам, как к близкому человеку. И директор по возможности старался им помочь.

Теперь в совхоз приезжали заготовители за редкими сортами столового винограда: «гюлоби», «хатми», «нарма», спрос на которые возрастал с каждым днём. За них совхозу платили в 2-3 раза дороже, чем за сорт «агадаи», ибо их редкие качества – вкус и приятный запах очаровывали любителей винограда. Эти сорта выставлялись на ежегодных ярмарках-выставках. За приобретением саженцев в совхоз обращались отовсюду, и даже из агрофирм соседних республик. Слава совхоза росла с каждым годом.

Естественно, последовали поощрения и награды руководителю, рабочим совхоза и главному агроному. Однако в хозяйстве все знали, что главным человеком был всё же директор – неутомимый труженик и талантливый организатор, который при этом оставался скромным, немногословным, терпеливым, но требовательным человеком.

Однажды в совхозе испытывали трактор с предплужником, сконструированный совхозными механизаторами, с помощью которого намечалось производить межкустовую обработку виноградников таким образом, чтобы при этом не задеть самих кустов, что во все времена раньше делалось вручную. Это было большое событие, сотни людей освобождались от тяжёлого ручного труда, и в связи с этим в совхоз приехало много гостей: члены правительства, руководители и главные агрономы десятков хозяйств. Плуг и предплужник вместе с трактором в совхозе подготовили за неделю раньше, чтобы ко дню испытаний привести их в полную готовность. Каково же было разочарование гостей, когда механизм предплужника не сработал – он, наоборот, повредил несколько плодоносящих кустов. Особенно были огорчены директор и главный инженер совхоза, которые ещё вчера проверили его готовность. Не мешкая, директор снял парадный пиджак, закрутил рукава белой рубашки и полез под неисправный агрегат. В течение нескольких минут он разобрался в неисправности: кто-то или снял один из узлов предплужника, или же он вылетел сам, в чём предстояло разобраться. Но, не теряя времени, по его указанию, тут же из мастерских привезли запасной узел, и испытания прошли успешно.

Другой раз соседнему совхозу, с которым всегда поддерживались тесные дружеские связи, вместо отобранных накануне лучших чубуков какой-то недобрый человек в тех же ящиках, где лежали высокосортные, отослал полумёртвые, в результате чего весной следующего года они не распочковались, были безжизненны.

Подобные факты заставили директора всерьёз задуматься. Было ясно, что какой-то недоброжелатель решил опозорить, выставить его на посмешище и таким образом подорвать к нему доверие руководителей колхозов, совхозов и районного управления. Однако злоумышленник просчитался и сам выдал себя с головой. Случилось это следующим образом. Ровно через год

после позорного конфуза с чубуками с соседним дружественным совхозом во дворе совхоза управления появился бригадир колхоза «Красный луч», расположенного в 40 верстах севернее упомянутого древнего города. Спросил у одного из рабочих, кто, мол, здесь главный, а тот, посчитав директора главным, что было на самом деле так, указал на него. И этот самый бригадир колхоза подходит к директору и преподносит ему конверт. Директор в недоумении спрашивает:

– Что это?

– Долг, – отвечает бригадир, – наш главный агроном колхоза «Красный луч» просил вам передать лично в руки.

– За что? – спрашивает директор.

– Как за что? – удивляется, в свою очередь, бригадир. – Вы в прошлом году за наличный расчёт привезли нам 10 тысяч чубуков, кстати, великолепные чубуки, спасибо вам. Вот я и привёз долговую сумму.

Расспросив незадачливого бригадира более подробно о хитроумной сделке своего главного агронома, директор понял, что серия прямо-таки враждебных актов в совхозе – дело его рук, и, не откладывая в долгий ящик, на следующий день созвал общее собрание, предварительно побывав в колхозе «Красный луч» и получив у его главного агронома и бригадира письменные объяснения.

Как и подобает в таких случаях, в первых рядах большого переполненного зала уселись старейшие работники совхоза, так сказать, аксакалы. За ними – помоложе, а уже потом – женщины. В президиум директор никого не пригласил, главного агронома же попросил сесть в первом ряду в зале.

Открыв собрание, он рассказал об участвовавших в последнее время случаях потрав, краж, о вредительстве – выводе из строя предплужника при огромном скоплении гостей, о факте замены чубуков, что позорным пятном лёг на голову совхоза.

– Кто мог это сделать? – спросил собравшихся директор и прямо посмотрел на главного агронома, отчего тот вначале заёрзал на месте, малость побледнел, но затем взял себя в руки и успокоился. Однако директор продолжил свою речь дальше: – Вчера стало известно, что чубуки, предназначенные нашим соседям, украл наш... главный агроном и продал их колхозу «Красный луч» за наличный расчёт. Вот передо мной письменные объяс-

нения главного агронома и бригадира этого колхоза, а также конверт с деньгами, которые были привезены ему...

По залу прошёл шум и возмущение. Дальше директору говорить не дали. К трибуне подбежал молодой механизатор и громко, чтобы слышали все, произнёс:

– В тот день, рано утром, когда намечалось испытание предплужника, я был в механических мастерских. Растачивая одну деталь на станке, я потерял счёт времени, задержался до полуночи и, примостившись на скамейке каптерки, заснул. Проснулся от шума, который шёл со стороны трактора с новым предплужником. Смотрю – наш главный агроном. Подумал о нём добрым словом, мол, у человека душа болит, решил лишний раз проверить его готовность. Оказывается, эта сволочь сняла с него узел, чтобы опозорить нас. Ты – вредитель! – бросил он в бледное лицо главного агронома. – Тебе не место в наших рядах!

– То же самое было со мной, – заговорил один из рабочих парникового хозяйства, где заготавливали чубуки. – В тот вечер я неожиданно увидел там нашего главного агронома, который возился рядом с приготовленными для отправки чубуками. Кто мог подумать, что у него такие подлые мысли, и он решил их украсть, да ещё продать... Вообще я вам скажу, человек он скрытный, недоброжелательный, никогда с рабочим человеком не заговорит, держит себя «господином», считая нас быдлом... Честно говоря, не хотелось бы с таким человеком работать и дальше.

Побледневший, как смерть, главный агроном силился встать и убежать, даже дважды делал подобную попытку, однако один из старых виноградарей, сидевший рядом с ним, крепко держал его руку.

– Ты подожди убежать, натворил гадостей, умеешь держать ответ! – продолжая удерживать злоумышленника, встал он со своего места. – Ты – пакостник, бессовестная тварь, ответь мне, старому человеку, как ты до такой жизни дошёл?

Опустив голову от стыда, теперь уже бывший главный агроном не знал, куда себя девать. Ему на помощь пришёл отец – седой, как лунь, старик.

– Я, старый слепец, не заметил, как упустил тебя, сынок, – заговорил он, подходя к трибуне. – Стыд и позор на мою се-

дую голову... Да, я согласен со всеми, кто считает тебя подлецом и недостойным продолжать работу в этом коллективе. Прошу тебя, директор, – обратился он к руководителю, – прояви милосердие, нет, не к нему, а к его детям, не доводи дело до суда.

Старик сошёл с трибуны, уступив место другому аксакалу, о мудрости и высочайшей порядочности которого в совхозе ходили легенды.

– Больно моему старому сердцу. Не мирится мой разум, как тебя, сравнительно молодого человека, зависть и жадность довели до того, что ты решил очернить такого прекрасного человека, как наш директор. Желание быть руководителем – похвальное желание, но при этом надо, прежде всего, быть высокопорядочным человеком. Человеком! В связи с этим разрешите мне рассказать поучительную притчу... Можно? – обратился он к залу.

– Да, рассказывайте! – раздалось со всех сторон.

– Жил один севдегер – известный купец, – начал старик свой рассказ, – четыре раза в год он направлял свои 40 верблюдов в разные страны, торгуя и покупая всевозможные товары. Однажды, преодолевая тяжёлый перевал, он изменил своей привычке и ведущим своего каравана поставил не верблюда, а осла.

Прошли годы. В один из дней к нему подошёл верный слуга и сказал, что умирает верблюд, который много лет служил ему, не зная устал, не жалея сил, всегда возглавляя его караван.

– Знаешь, хозяин, – сказал ему слуга, – мне кажется, будет справедливо, если пойдёшь к умирающему и отблаговаришь его за верную службу.

– Хорошо, – ответил хозяин и пошёл к лежащему верблюду, который был уже при последнем издыхании.

Хозяин подошёл к верблюду и сказал:

– Знаешь, верблюд, мы с тобой прошли тысячи и тысячи вёрст, большую жизнь, полную тревог и радостей. Благодарю тебя за верность и дружбу! Но в жизни всякое бывает, может, я где-то обидел тебя, где-то сказал ненужное слово или поступил не так, хочу попросить у тебя прощения. Скажи, если такое было, я желаю тебя выслушать...

– Нет, хозяин, – ответил умный верблюд, – обид у меня на тебя нет: в своё время кормил, вовремя поил, вместе с нами шаггал по перевалам. Всё было хорошо, хозяин, если... не считать

одного случая, который, может быть, не столь и важный, однако оставил в моей душе неприятный след...

– Так скажи, верблюд! О своём грехе я должен знать, чтобы потом его не повторить. Но главное, я хочу за это просить у тебя прощения...

– Помнишь, как однажды, преодолевая большой перевал, ты изменил всегдашней своей привычке и вместо меня впереди каравана поставил осла... – с трудом ответил верблюд. – Этим ты нанёс мне обиду, ибо не подобает ослу быть впереди верблюда...

– Ты понял, сукин сын? – закончил старик свой рассказ, обращаясь к злоумышленнику. – Не подобает ослу занимать место верблюда...

МАЛЕНЬКИЕ ПОВЕСТИ

Эту историю поведал мне Юсуф, мой бывший сосед-иудей, некогда комсомольский вожак большого района, человек весьма мужественный и в то же время чуточку эмоциональный, с ранимой душой, уехавший несколько лет назад в Израиль на постоянное жительство. А доверился, видно, с тайной надеждой, что к его повествованию я равнодушным не останусь, что оно меня заинтересует хотя бы профессионально, и хотел, наверное, подобным образом воскресить, не предать забвению прекрасный эпизод, оставивший неизгладимый след в его жизни, сказать ей, милой, обычно застенчивой, но на этот раз не сумевшей обуздать свои чувства горянке, что увозит её образ с собой навсегда.

* * *

Даже на пороге восьмидесятых годов комсомольские свадьбы на селе были редкостью, тем более в горном ауле, где адаты шариата все ещё довлеют над мусульманами. В этом же ауле с диковинным названием Кулокдере Юсуф впервые организовал подобную свадьбу молодому активисту, сыну местного учителя. Вопреки устоявшимся традициям, когда столы для гостей расставляются отдельно друг от друга по всему дворовому участку, что лишает свадьбу общности и азарта, здесь молодых – жениха в нарядном чёрном костюме и невесту в красивом белом пла-

ть – посадили вместе во главе стола, непривычно рядышком, а сами столы расставили в длинные ряды, буквой П, покрыли белыми скатертями, собранными и привезёнными из города энтузиастами, украсили полевыми цветами и накрыли четвертями искрящегося сухого вина, тандырным чуреком, всевозможными закусками: дулмой из виноградных листьев с простоквашной подливой, овощными салатами, разнообразной зеленью и нарезанным тонкими ломтиками овечьим сыром. Тут же рядом готовился традиционный плов и манящий своим вкусным ароматом шашлык из баранины.

Если прежде аксакалы привычно устраивались рядом с музыкантами, что невольно сковывало молодёжь, особенно женщин, лишало их раскрепощённости, ибо не подобает при старших излишняя вольность, то на этой свадьбе их усадили в сторонке, за отдельным столом, как говорится, почётно и подальше от шума. Зато на остальной территории господствовала молодёжь, искрилось веселье, зажигательно играли музыканты, приглашённые в круг аульскими джигитами, беспрерывно шли в пляс девушки и женщины. Смех и радость как нельзя лучше соответствовали яркому майскому солнцу.

Многое было непривычно ново на этой свадьбе, лишь на одном настояли родители жениха, можно сказать, уговорили Юсуфа не только не нарушить извечный обычай предков, а и самому стать участником в исполнении этого обычая, стать енге со стороны жениха, мол, будет рядом с ним и женщина – енге со стороны невесты. Вдвоём они должны были принять у жениха платок невинности после того, как молодые уйдут ночью в предназначенную им брачную комнату и станут мужем и женой. Что же касается их, енге, то им предназначалась комната рядом с брачной, разделённой лишь единственной дверью, куда никому не разрешалось входить до особого разрешения и откуда жених должен передать им этот пресловутый платок.

Хотя Юсуф в душе был против подобного обычая, всё же решил согласиться, и ещё накануне в беседе со знающими людьми ему стало известно, что на роль женщины-енге, как правило, назначается замужняя, более или менее искушённая в подобных делах женщина.

«А, Бог с этим, – подумал тогда Юсуф, – поручу ей и свои функции, она вполне справится».

Но каково же было его удивление, когда, войдя в предназначенное помещение, он увидел ту самую очаровательную женщину, которая весь день свадьбы помогала в её проведении: стремительно накрывала столы, подавала гостям горячие блюда, а затем также быстро убирала использованную посуду и тут же рядом мыла и вытирала её насухо. При этом она успевала принимать и приглашения на танец, пускалась в пляс, плавно и нежно, словно лебедь крыльями, размахивая руками. Движения её гибкого стана были так чарующе красивы, что Юсуф не мог отвести глаз.

Не раз и не два замечал и он на себе её заинтересованный взгляд. Правда, делала она это так незаметно, быстро, словно невзначай, чтобы, не дай Аллах, никто не увидел, ибо проявление прилюдной заинтересованности к чужому мужчине вызовет такие пересуды, что покроет женщину-горянку несмываемым позором. Однако, несмотря на всё это, когда в очередной раз Юсуф снова стал танцевать, она, опустив голову, как это принято в горах, тоже вышла в танцевальный круг, так как танцевать с гостем в подобных случаях женщинам адатом не возбраняется.

По какой-то необъяснимой причине она сразу, с первых же минут их встречи, почувствовала между ними некую связь, словно электрический разряд потянул её к нему, и сила была настолько велика, что остановить себя она не могла.

Бывали минуты, когда, оказавшись наедине, Юсуф по взгляду её удивительно ярких голубых глаз видел, что она хочет ему что-то сказать или о чём-то спросить, однако вдруг неожиданно появлялся третий, и она, отвернувшись, уходила в сторону.

Да, ей нравился этот высокий молодой мужчина с правильными, немного жёсткими, но необычайно привлекательными чертами лица и наружности, высокий лоб которого обрамляли волнистые каштановые волосы. Он излучал тревожную смесь красоты и чувственности, и её потрясла не столько его внешность, сколько ощущение исходящей от него силы и уверенности.

– Вы?! – невольно вырвалось у Юсуфа, оказавшегося с ней в предбрачной комнате. – Вы не ошиблись?..

Юсуф был готов ко всяким неожиданностям, его бойцовский характер был готов к любым сюрпризам, но он никак не предполагал оказаться в подобной ситуации именно с этой совсем ещё молодой, но не «искушённой», как он ожидал, женщиной, кото-

рой восхищался весь прошедший день. Поэтому он, вообще-то не робкого десятка, смущённо уставился в окно, хотя за ним было темным-темно.

В комнате горела лишь 15-ваттная лампочка, и её тусклый свет создавал полумрак неведомых ожиданий.

– Нет, не ошиблась... – тихо, не поднимая головы, наконец ответила она. – Мне поручили родители невесты, я их родственница...

Хотя лица её было не видать, но Юсуфу показалось, нет, он готов был биться об заклад, что при этом она слегка улыбнулась. Он отошёл от окна, сел напротив неё на свободный стул у стола, посмотрел на свою судьбой предназначенную «коллегу» и испугался её призывного взгляда. На него смотрели влажные, наполненные жизненным светом, два сводящие с ума голубых глаза, на него смотрела божественной красоты женщина.

«Боже мой, что она со мной делает», – подумал Юсуф, и его ищущие карие глаза двинулись по её шелковому бирюзовому платью вниз, к кромке подола, который до самых икроножных мышц закрывал её длинные загорелые ноги.

– А вы молодец, – тихо, оценивающе сказала она, – всё получилось здорово: весело, необычно красиво... у нас раньше таких свадеб не было. Теперь, с вашей лёгкой руки, может, и другие последуют... Кстати, меня зовут Гюльсеном, я работаю здесь медсестрой...

– Очень приятно, красивое у вас имя – «Нежный цветок», – любуясь ею, ответил Юсуф, а потом, улыбнувшись, добавил: – Вам спасибо, все старались...

– А где вы учились? – невольно вырвался у неё вопрос. – Говорят, где-то в Москве?..

– Да нет, – улыбнулся Юсуф в ответ, – окончил наш Дагестанский сельхозинститут, два года агрономом работал, а теперь... как видите...

– Что это мы всё на «вы» да на «вы», – с улыбкой заметила Гюльсеном. – Не старики небось?

– Я с удовольствием, – также улыбнувшись, ответил Юсуф и с восхищением взглянул на неё.

Но, кроме весёлого блеска в его глазах, она уловила что-то ещё, отчего сердце её забилось в радостном предчувствии, как в хмельном состоянии, когда между мужчиной и женщиной, непонятно почему, вдруг начинает происходить интенсивный обмен магне-

тическими импульсами, будоража кровь и волнуя сердце. Она даже не подозревала, что способна на такие эмоции, внезапный взрыв которых налетел на неё мощным ураганом и закружил с сумасшедшей силой.

«Мое сердце тоже тянется к тебе, «Нежный цветочек», – тем временем говорил себе Юсуф, – я не могу отвести взгляда от твоего красивого лица, голубых, как небо, глаз и нежного стана...»

И забывшись на мгновение, Юсуф протянул руку к лежащей на столе изящной руке Гюльсеном, чтобы прижать её к своим губам. Однако, опомнившись, вдруг стыдливо опустил голову и остановился на полпути. Нет, нет, он не должен идти на этот шаг, не имеет права дать волю своим чувствам, пронеслось у него в голове, он – иудей, а она – мусульманка, это противоречит соблюдаемым здесь религиозным законам и может вызвать бурю гнева и возмущения её родных, они никогда не простят её, да и его тоже... Нет! Юсуф судорожно глотнул, встал и отошёл в сторону. Однако через минуту, забывшись, снова вернулся к столу и остановился как вкопанный.

«Трус! Чего испугался? – осуждало его сердце, а разум хладнокровно диктовал: – Остепенись, нельзя подвергать девушку опасности...»

«Ну, что же ты, милый? Что остановился? – говорил тем временем нежный взгляд Гюльсеном. – Разве ты не видишь, что я хочу твоего прикосновения?..»

Гюльсеном была потрясена, когда осознала, что она, считавшая себя сдержанной и умеющей владеть собой, вдруг оказалась неспособной противостоять этому охватившему её всю сильному чувству. Вместо всего этого она, глубоко вздохнув, спросила совсем о другом:

– Ты обратил внимание, что наши старики вначале были раздосадованы своим уединением, но потом, когда уходили со свадьбы, покидали её с улыбкой удовлетворенности? Они, по-моему, приняли тебя...

Весь в напряжении от мучивших его сомнений и чувств, Юсуф обрадовался её отвлечённому вопросу и, улыбнувшись, не сразу ответил:

– Что? А, да... Мы, если помнишь, всё время оказывали им знаки внимания, не забывали о них. Вначале одному из аксакалов

дали слово, в конце свадьбы другой тоже сказал тост, а потом даже пошёл танцевать.

– О, это было так весело, когда он, отложив свой посох и забыв о возрасте, покрутил усы и пошёл плясать... – вспомнив этот эпизод, Гюльсеном улыбнулась.

– Да, хорошо, когда люди радуются, улыбаются... – вспомнив о чём-то, с грустью произнёс Юсуф и, опустив голову, добавил: – скоро должна была состояться свадьба и моего друга, да вот... его не стало...

– Как... – не поняла Гюльсеном, – умер?

– Погиб, в Афганистане... месяц назад получили известие... – с горечью ответил Юсуф, – а накануне я получил от него письмо...

– Да-а, печально, когда гибнут молодые... – тихо, с какой-то тайной болью произнесла Гюльсеном, – мне это ведомо... одни погибают, другие же возвращаются порой... живым трупом.

«Но я не об этом, милый, – снова устремив на Юсуфа взгляд, говорили грустные и нежные, зовущие глаза Гюльсеном. – Забудь об этом, прошу тебя, у нас нет времени...»

«А ты думаешь, я не вижу, – отвечали ей полные нежности и любви глаза Юсуфа. – Можем ли мы сейчас позволить себе это?»

В следующую минуту Юсуф оторвал от неё взгляд, широкими шагами направился к окну, устремил свой взор в ночную темень, будто там искал ответа на мучивший его вопрос, потом вплотную подошел к ней сзади, положил руки на её изящные округлые плечи и нагнул к ней голову...

Ощутив на затылке его теплое дыхание, Гюльсеном замерла в ожидании, сердце её затрепетало в груди, как пойманная в силки птица, и в следующую секунду его тонкие губы, едва касаясь, двинулись по её щеке, задержались на уголке её рта. И ей показалось, что, кроме этого мгновения, на свете не существует ничего. Вся дрожь от разгоревшегося в ней желания, она ждала, представляя, каким будет его поцелуй!

О Аллах, что с ней творится? Она сошла с ума. Если сейчас, сию минуту, сюда кто-нибудь войдёт и узнает о её падении, ей не смыть этого позора никогда...

Но несмотря ни на что, она ждала...

И вдруг волшебная тишина этой ночи была нарушена, раздался тихий стук, дверь новобрачных приоткрылась, и протянутая рука жениха предложила платок...

Так и не поцеловав, Юсуф вдруг отпустил её, отчего Гюльсеном испытала разочарование, взял у жениха платок и, раскрыв окно во двор, негромко позвал:

– Ребята, где вы там?..

– Мы здесь, – тут же отозвался молодой голос, – давай, мы мигом... – и протянул руку.

Юсуф передал ему платок, закрыл окно, виновато взглянул на Гюльсеном и тихо, с хрипотцой, произнес:

– Прости, дорогая, мне пора... – и вышел из комнаты...

Потом были веселый шум, смех, стрельба в темную синеву неба и мчавшиеся к дому родителей невесты молодые вестники. В обмен на платок и радостную весть они получают от благодарных родителей подарки и впридачу к ним вино, шашлыки на шампурах, чуреки и другую закуску, чтобы продолжать до утра гулять, весело гогоча от волнующих воспоминаний...

Юсуф возвращался в город уже за полночь. В небе мерцали звёзды. На яркие фары его машины удивлённо уставилась сова, потом спохватилась и, взмахнув крыльями, сошла с дороги. Он был уверен, что от переполнивших его дум и воспоминаний ему до утра не заснуть...

* * *

Через полгода, в середине осени, по зову истосковавшегося сердца, словно предчувствуя, что впереди его ждут ещё большие испытания, Юсуф заправил свой издававший виды «виллис» и поехал в Кулокдере...

К этому времени он был уже не тот одухотворенный идеями юнец, не кукла в руках искусных кукловодов, а человек, открывший для себя великую истину, перевернувшую всю его жизнь, перечеркнувшую всё, во что он верил, что боготворил, чему преклонялся и к чему стремился. Ему открылось вдруг, что война в Афганистане, кроме тяжелой обузы и многочисленных жертв, была бессмысленной и что его лучшего друга, как тысячи других, убил в этой бойне не тот, кто в него стрелял, а наоборот, тот, кто послал его в это пекло.

«Ты знаешь, Юсуф, – писал ему друг в последнем письме, – на этой выжженной докрасна земле, среди хмурых гор, за одним из дувалов завязался бой, где я смертельно ранил одного из главарей душманов. Приставив к его голове дуло автомата, я хотел

было сделать последний выстрел, как вдруг, собрав весь запас своих жизненных сил, он открыл уже угасавшие глаза и тихо, на ломаном русском языке произнёс: – «Не торопись... – и, облизнув высохшие, безжизненные губы, добавил: – я сейчас и так умру... я бывал в твоей стране, учился там... – по его бледному, как спелая айва, лицу промелькнула тень улыбки. – Пойми... бандитами и душманами могут быть сотни, ну, одна-две тысячи... – он вдруг устало закрыл глаза, и я подумал, что он умер, но через несколько секунд, словно придя в себя, продолжил: – Ты же видишь, что мы... нас много, мы... народ, скоро вы и сами поймёте, что революция Бабрака – обман, ваши воюют против большинства... это ничего не даст, людей жалко, молодые гибнут...» – и вдруг он вздрогнул, откинул голову набок и умер.

Как ни странно, в правоте его слов я убеждаюсь здесь постоянно; и знаешь, Юсуф, о чём я думаю в эти дни? Может, прав этот «душман», ведь на самом деле их тысячи и тысячи... с кем же мы воюем, с народом? За что же гибнут наши парни? Ты напиши в наши верхи, может, они не знают правды?..»

Юсуф знал и верил, что написавшим эти строки другом двигала не трусость, не страх за собственную жизнь, а нечто большее. И потому решил разобраться в этом сам, приложив немало усилий на поиски тех, кто в первые два года возвращался оттуда, в основном, увечными и калеками. С горечью вспоминал он потом о юноше, родители которого полгода не имели от сына вестей, а тот вдруг неожиданно, с костылём, без одной ноги и огромным багровым шрамом на всю щеку, появился у порога своей квартиры. А ошеломлённый отец, ухватив сына за рукав, лишился дара речи и упал, потеряв сознание.

Большинство из них старались избегать мыслей вслух, при разговоре с ним оглядывались – нет ли кого рядом, видно, не раз предупреждались о пресловутой «бдительности и излишней болтливости». Однако беседа с каждым новым «свидетелем из Афгана» приводила его к выводу, что друг писал ему правду. И потому, забыв об опасности, грозившей ему самому, Юсуф ринулся исполнить его последнюю волю.

В ЦК и в партийные газеты шли его наполненные убедительными фактами письма о бессмысленности этой войны, с верой и надеждой, что открывшаяся его другу и ему самому правда дойдёт, наконец, до «верхов». Святая наивность! Ему было неизвестно,

что «верхи» не хотели знать и слышать об этой правде, не хотели, чтобы о ней узнали и другие. А человека, посмевшего сказать о ней другим, решили проучить, вправить ему мозги. «Заблудшего» Юсуфа вызывали в большие кабинеты, старались «открыть» ему глаза, советовали неразумному отказаться от «бредовой» идеи. Однако Юсуф оставался непреклонным, наивно полагая, что его не поняли. Тогда его сняли сперва с работы, устроив шумный пленум-балаган, обвинив чуть ли не в предательстве, а потом исключили из партии. Из некогда всеми почитаемого он превратился в отверженного, изгоя.

Вначале Юсуф думал, что это нелепая ошибка, что группа его недругов решила сыграть над ним злую шутку, что очернили его не те, кто «наверху», и, мол, истина до них так и не дошла, а всё это дело рук чиновников «пониже». И поехал в столицу, однако, побывав в граде стольном, понял, наконец, что на самом деле растоптал и превратил его в отщепенца Молох – некая отлаженная система, которая затеяла эту нелепую войну, а теперь вынудила и его покинуть страну...

Все эти полгода Юсуф с благоговением вспоминал о той свадебной ночи и чудесной девушке из сказки, с яркими голубыми глазами, дивным станом и нежным доверчивым взглядом. Она запала ему в душу навсегда, заняла в его сердце особое место. Он не мог простить себе того позорного бегства, и это чувство вины не давало ему ни минуты покоя. Много раз Юсуф убеждал себя, что был тогда не прав, что именно поэтому поедет просить у неё прощения и скажет ей самые сокровенные слова любви, которые не говорил ещё никому, что не мыслит жизни без неё, с ней связаны все его помыслы и надежды, что от выпавших на его долю болей и обид его спасало все эти месяцы лишь это всепоглощающее чувство, и что, несмотря на все трудности на пути их брака, он женится на ней и увезёт с собой.

И вот, окрыленный этими мыслями, Юсуф накануне своей эмиграции ехал в Кулокдере.

Машина, натужно урча, медленно, с трудом одолевала подъём и шквальный встречный ветер. Справа осталась Гьэрэ тепе – местность, где враскорячку росли неуклюжие дубки с сухими бежевыми листьями и навязчивые колючки – гьэрэтикан, где горная полынь даже сейчас, в конце осени, источала свой приторно-дурманивший запах, где уже в этот период собираются злющие метели и холодные ветры. Слева же, чуть впереди, в ущелье, где

раньше был лесной массив, от которого сохранилось лишь название – Гурал меше, где до большой войны и после неё прятались разбойники – гъэчэги, а теперь местные жители собирали боярышник да дикий кизил с мушмулой, а беспомощные вдобавок ещё и дрова – беш для растопки, Юсуф вдруг увидел укутанную в чадру старую женщину, которая, еле передвигая ноги, с трудом поднималась по склону вверх, к дороге, неся на спине большую вязанку дров. Не раздумывая, он остановил машину, вышел и бросился к ней на помощь, при этом неожиданно подскользнулся, упал и вымазался в придорожной грязи. Однако, не обращая на это внимания, подал ей руку, чтобы той легче было преодолеть подъём, а потом, сняв с её хрупких плеч тяжелую ношу, усадил рядом с собой в машину, а дрова уложил в багажник.

Лица женщины за чадрой было не видать.

– Что же вы, бабушка, в такую стужу за дровами? – с сочувствием спросил её Юсуф. – Неужто помощников нет?

– Нет... – как-то отрешённо ответила она.

– Как? – не понял Юсуф. – А дети?

– И детей нет... – бойко, удивительно молодым голосом ответила старушка и неожиданно добавила, – и в этом виноват ты...

Сперва Юсуф не понял её слов, потом же, осознав их смысл, остановил машину, повернулся к ней всем корпусом и неожиданно спросил:

– Как?..

– На этот вопрос я отвечу тебе позднее... – она скинула с лица край чадры, и на Юсуфа глянули до боли знакомые милые голубые глаза.

– Боже мой, Гюльсеном, ты?.. – Юсуф, не веря своим глазам, зачарованно разглядывал её, будто видел впервые. – В такую погоду... ты же заболеть можешь...

– Со мной ничего не будет, я привычная... а вот тебе нужна помощь, ты весь в грязи, – заявила она решительно и тут же добавила: – Видишь, вон там, справа, небольшая постройка, подъезжай к ней с задней стороны, – она указала рукой, – там машину совсем не будет видно с дороги...

– Что это за постройка? – невольно вырвалось у него, когда он подъехал к указанному месту. – Небось, здесь и воды нет?..

– Вода есть, да ещё какая, лечебная, – успокоила его Гюльсеном. – Вон, погляди, в ста метрах от нас родник бьет, Исты була-

гом зовётся, принять ванны летом сюда стекается много народу... А постройка – так это маленький тёплый домик на нашем бугорке. Он из рваного горного камня и глины. В своё время, когда жив был отец, построил для укрытия от здешних ветров, он часто приходил сюда отдыхать. Теперь, как видишь, я хожу... и дрова несла сюда. Вот мы и доехали, – добавила она и подошла к двери.

– Заходи смелее, там никого нет, – весело пошутила хозяйка и пропустила его вперёд.

Опустив голову, Юсуф и Гюльсеном зашли в побелённую извёстью чистую прихожую. Справа топилась встроенная в стену и сложенная из кирпичей печь, на которой грелись ведро с водой и чайник. В центре же, на низкой деревянной подставке, стояла ведро на десять-пятнадцать, уже наполовину заполненная водой, дубовая лохань, из которой дымкой струился пар. Слева – стол с двумя табуретками и старый шкаф с замысловатой посудой за одной из створок. Напротив была занавешенная дверь в другую комнату.

– Та-ак... – остановилась она в центре прихожей, – прежде всего сними, пожалуйста, куртку и ботинки, я их почищу. – И когда Юсуф передал ей куртку и обувь, Гюльсеном ахнула. – Да они же сплошь в липкой грязи! Нет, ничего не выйдет, вначале их надо высушить... – и она повесила куртку на гвоздь у печи.

– А дальше? – улыбнувшись, спросил Юсуф.

– А дальше... садись за стол, я тебя чаем угощу, – но, заметив нерешительность Юсуфа, разглядывавшего свои брюки, подошла ближе, – да, придется и брюки снять, они тоже заляпаны глиной, у нас тут кругом глина... – она открыла створку шкафа, взяла с полки ношенные брюки от спортивного костюма и протянула ему. – На, переоденься, они чистые, отцовские...

При этом случайное прикосновение рук обожгло обоих, и их взгляды встретились.

«Любимый мой, как я рада, что ты здесь, – говорили её милые, нежные, полные откровенного желания глаза. – Тебя Всевышний послал...»

«Да, так и есть, любимая, – будто читая её мысли, отвечал ей молчаливый взгляд Юсуфа, – меня привела сюда судьба...»

– После твоего... бегства, в ночь свадьбы, – не скрывая своей радости, разливая чай, говорила, улыбаясь, Гюльсеном, – я несколько раз была в городе, была и у тебя, в райкоме комсомола,

искала встречи... Однажды даже увидела невдалеке, но подойти не решилась, что-то сковывало, думала, может, ты не захочешь...

– Да что ты... – любуясь ею, ответил Юсуф, – я был бы очень рад и счастлив... Я не раз вспоминал тебя...

– А что творилось со мной... я не находила себе места, почему ты так стремительно уехал тогда, что я сделала или сказала не так... Ты часто снился мне... стыдно признаться, ночью просыпалась вся в поту, а ты... исчез. Да, Юсуф, мои мысли и душа томятся в плену... – запинаясь, словно на исповеди, говорила Гюльсеном.

– Я бы давно приехал, дорогая... я должен был тебе во многом признаться... да у меня такое началось... ты, наверное, не знаешь... – Юсуф опустил голову.

– Знаю, Юсуф, всё знаю... – с грустью ответила Гюльсеном, – так мог поступить только мужественный человек, поверь, я горжусь тобой, – она ненадолго задумалась и продолжила. – У нас правды боятся, как заразы, и на этом пленуме, подонки, так всё преподнесли, я читала в газете, будто ты диссидент, чуть ли не предатель... если бы я тебя и о твоей правоте не знала, и я могла бы не понять...

– Правда?.. – Юсуф с удивлением взглянул на неё. – Я что-то ничего не пойму...

– Я ведь знаю обо всём этом не понаслышке... – она в задумчивости опустила голову. – Теперь я отвечу на все твои вопросы, Юсуф. Помнишь, в ту ночь свадьбы ты рассказал мне о своём друге, который погиб в Афганистане? Небось забыл, что я тогда тебе ответила?..

– Поверь, не помню, прости... – искренне ответил Юсуф.

– Я уже тогда ответила на твой молчаливый вопрос, как, мол, я, молодая женщина, оказалась енге, вместо женщины многоопытной... Увидев тебя, я сама напросилась на эту роль... а на твою печальную весть о друге ответила, что мне это ведомо, мол, одни погибают, другие же возвращаются живым трупом...

– Да, я вспомнил...

– Так вот, живым трупом с войны в Афганистане вернулся мой муж...

– Боже мой, Гюльсеном... – удивлённый Юсуф вскочил со своего места и схватил её за руку. – Прости меня, я не знал... Как же это случилось?

– Вернулся он с этой войны чуть больше года назад с ранением в позвоночник. Как оказалось, пуля чудом застряла между двумя

позвонками, готовая в любой момент разорвать жизненную нить и лишить его не только движения, но и самой жизни. Видно, ещё в госпитале врачи, раскрыв рану, не решились лезть дальше, и дабы не навредить ещё больше, отправили его домой в надежде, что он не будет делать резких движений, а значит, будет продолжать жить. Его об этом строго-настрого предупредили. Но он, к сожалению, серьёзности своего состояния или не понял, или не придавал должного значения, никому из домашних ничего не сказал... – она ненадолго задумалась, а потом продолжила: – Видно, надеялся на свой организм... А с замужеством... что тебе говорить, ты сам знаешь, как у нас это бывает, после десятилетки, не попав в мединститут, я окончила медучилище, и, поскольку мы из одного аула, родители, ничего не подозревая, год назад, сразу после его демобилизации, выдали меня за него замуж... А через неделю после нашей свадьбы, поднявшись утром, он пошёл рубить дрова и с криком, будто в него выстрелили, упал на землю, и всё это время лежит без движения... исхудал, кожа да кости...

– Значит, до нашей встречи на свадьбе ты уже полгода была замужем? – удивился Юсуф, – а я считал тебя незамужней...

– О моих страданиях я никому не рассказывала, чего говорить, если никто помочь не может... Вот так, через неделю после замужества я, без отца и матери, они умерли два года назад, оказалась и не замужней, и не вдовой... Правда, в последнее время, когда по моему настоянию из города стали часто приезжать врачи, людям всё стало известно, в маленьком ауле от них ничего не скроешь... – с печалью в голосе говорила Гюльсеном.

– И что теперь говорят врачи? – с участием спросил Юсуф. – Неужто ничего нельзя сделать?..

– Куда там... в последний раз комиссия в составе лучших врачей республики заявила мне без утайки, как медработнику, что дни его сочтены, максимум два-три месяца... сейчас он у своих родителей, они попросили взять его к себе... – печально заключила она.

Услышав такой ответ и этот печальный рассказ, Юсуф поразился её мужеству, выпавшим на её долю испытаниям и горестной безысходности.

– Да-а... – в раздумье протянул Юсуф и с горькой иронией добавил: – Выходит, от прикосновения с этой войной пострадал не только я, но и ты...

– Выходит, хотя нам легче, мы живы... – ответила она и, спохватившись, добавила: – теперь, когда ты, дорогой мой человек, всё обо мне знаешь, нам прятаться друг от друга незачем. Прошу тебя, пойди разденься и лезь в лохань, искупайся, а то вода остывает. Я же почищу твою одежду...

– Мой «Нежный цветочек», – смущённо ответил Юсуф и, взяв её ласково за плечи, добавил. – Я так не могу, родная...

Гюльсеном нежно обняла его за шею, придвинулась к нему ближе, раскрыла губы навстречу его губам и всем своим переболевшим сердцем почувствовала, что никогда ещё никого так не любила, никогда ни в ком так отчаянно не нуждалась, как в нём. Её страсть удивила Юсуфа, он ещё раз убедился, что огонь между ними не гас все эти полгода их разлуки. Настойчивость её мягких губ, прикасающихся к его рту и лицу, наполняли его таким жаром, что он не чувствовал в себе силы оттолкнуть её. Он лишний раз убедился, что это его судьба.

Без колебания он разделся и залез в воду...

– Потом и я искупаюсь, – ласково сказала она, забрала его одежду и отошла.

Через несколько минут, услышав зов, она подала ему чистую простыню и отослала в другую комнату.

– Иди, милый, я сейчас...

Вылив в лохань ещё одно ведро горячей воды, она разделась и опустила в воду...

В комнату она вошла совсем нагая и в нерешительности остановилась у застланного чистым бельём топчана. Юсуф, зачарованный её красотой, тут же поднялся, взял её на руки и, когда она обвила его шею ласковыми руками, весь затрепетал, мягко положил её на постель и, как голодный, стал целовать и целовать сладкие губы, нежную шею, и, не в силах больше ждать, лёг рядом с ней и крепко сжал в объятиях.

– Мой «Нежный цветочек»... – застонал он. – Ты же видишь, что я не сумею остановиться...

– А я и не хочу, любимый... – пробормотала она, отвечая на его ласки.

При виде её чарующей наготы в тусклом свете лампы у него перехватило дыхание.

– Ты ещё красивее, чем мне казалось вначале, – проговорил он, опуская голову, чтобы поцеловать шелковистую кожу на её груди.

– Ты должна уехать со мной, слышишь, ты мне нужна... – прошептал он ей на ухо.

Оставив его просьбу без ответа, Гюльсеном запустила пальцы в его густые каштановые волосы и нежно промолвила:

– Знаешь, милый, я так мечтала быть с тобой... как сейчас... оставь себя во мне...

– И я... – хрипло произнес он, придавливая её своим весом и снова ища её губы...

В полночь, покидая её, Юсуф с щемящей болью взглянул на грустные любимые глаза и в который раз с мольбой произнёс:

– Прошу тебя, любимая, поедem со мной, я тебя подожду столько, сколько надо...

– Нет, милый, это невозможно... – непреклонно ответила она. – Я очень люблю тебя, но, прости, на это пойти не могу...

В следующий миг, словно по волшебству, в маленькое окно этой памятной комнаты неожиданно заглянула истосковавшаяся по любви бледнолицая луна и осветила его, прижавшего любимую к своему трепещущему телу, и её, босоногую, в белой ночной сорочке, с веером распущенной чёрной косой, крепко обнявшую его за шею и тихо, как молитву, нашептывающую: «И да сохранит тебя Аллах!»

И в этой звенящей тишине ему показалось вдруг, что где-то рядом, совсем близко, звучит музыка.

«Что это? – пронеслось в его затуманенной голове. – Может, это ветер воет в ночи? Или это песня их ноющих в прощании сердец? А может, это полонез любви?..»

* * *

Четыре месяца спустя, как и предсказывали врачи, муж её умер – афганский Молох унёс очередную жертву. Оставив аул, Гюльсеном устроилась на работу в городской больнице. Я видел её недавно, державшую за руку четырёхлетнего мальчугана с такими же, как у матери, голубыми глазами, высоким, не по возрасту, лбом и волнистыми каштановыми волосами, невольно вернувшими меня к истории пятилетней давности.

И верится, что, несмотря на все удары судьбы, эта мужественная женщина не согнётся, выстоит, вырастит своего первенца на стоящим человеком и своё счастье в жизни непременно найдёт...

Магомед, Мирза и Мурад, ученики десятого класса единственной средней школы, родились в маленьком посёлке стекловаров и жили на берегу Каспийского моря. Надо ли говорить, что, влюблённые в свой Каспий, они, дети моря, постоянно спорили с каждым, доказывая, что никакое оно не «озеро», а что ни на есть самое настоящее «море», хотя не раз и не два выходили из этих словесных перепалок недовольными, но ещё больше уверенными в правильности своих убеждений.

– Мы уверены, что те ученые, которые так считают, ни разу у нас не были и не знают буйного нрава нашего красавца, – часто горячо и увлеченно доказывали они. – Не видели скачущие, как необученные кони, белогривые волны, разлетающиеся от всплеска и искрящиеся на солнце брызги богатыря нашего, способного и большие корабли на самый гребень поднять и глубоко в пучину унести...

– Вот в другое время, – воодушевлённо продолжали они свой любовный монолог, – особенно в летнюю пору, Каспий становится ласковым, нежным и тихим, вода же такая чистая, прозрачная, что с высоты нескольких метров видать жёлтое песчаное дно и ракушки на нём, да ещё прожорливую шамайку, которая, завидя мушку на поверхности, тут же взметнётся вверх и, взмахнув хвостиком, устремится с добычей вниз, нарушив водную гладь.

А на вопрос, почему у Каспия такой изменчивый характер, они, как рыбаки и моряки здешние, уверяли, что это у него от обиды,

мол, когда убывает в нём вода, высыхает и отходит море от своих берегов, сердится Каспий, шумит и волнуется, что нет людям до него дела, забывают о нём, кормильце, а вспоминают лишь тогда, когда в нём нужда появляется, когда искупаться да насладиться нужно. Вместо того чтобы беречь его, держать в чистоте, наоборот, пачкают да гадят разными отходами. И правильно делает Каспий, что сердится и шумит, ибо неплачущее дитя не кормят. Но вот когда тают ледники да снега на Кавказе-горе и быстрые реки несут воды свои в море наше дивное, наполняют его, берегут от солнца жаркого, вот тогда, мол, оно спокойно и тихой гладью своей приносит людям радость.

Да, для жителей этого маленького поселка на берегу, особенно для детей, море шестидесятых годов было всем: кормильцем, местом отдыха и испытаний. Именно здесь они познавали первые радости и огорчения, вкус солёной воды на губах любимых и горечь разочарования, здесь проходили первые мальчишеские испытания – заплывы «на мужество», и здесь же падали порой с пьедестала их первые кумиры.

Море, море...

Итак, трое школьных друзей: Магомед, Мирза и Мурад – смело могли отнести себя к сторонникам именно так называемой «морской» позиции.

Магомед среди них был самым низкорослым – метр шестьдесят пять, с жгуче чёрными курчавыми волосами, круглым лицом, чуточку выпученными, словно в постоянном удивлении, карими глазами, небольшим девичьим носом и пухлыми очерченными губами. Учился он лучше всех в классе, принимал участие во всех школьных соревнованиях и, вызывая удивление, занимал в них первые места. И несмотря на внешний вид «маменькиного сынка», рос смелым и умеющим за себя постоять юношей. Добрый и отзывчивый от природы, Магомед старался не сказать товарищу обидного слова, был терпелив к чужим недостаткам, что иногда ошибочно истолковывалось его якобы бесхребетностью, чуть ли не трусостью, но когда такие выводы делались вслух и при нём, он мог скрутить обидчика, даже если тот казался внушительнее и сильнее, так, что задира, не выдержав подобного натиска, молил о прощении.

Целеустремлённость Магомеда вызывала восхищение друзей, но редко кому было известно, что он ежедневно занимался по си-

стеме йогов и уже в шестнадцать лет мог делать со своим телом невероятные упражнения. Однако показуху не любил и сам этим не занимался.

Родители Магомеда, отец – сменный инженер, мать – учительница начальных классов, гордились успехами своего первенца, но относились к нему равно, как и к остальным своим детям.

Что касается Мурада, то, в отличие от Магомеда, он был на двадцать сантиметров выше, для своего возраста, можно сказать, «дядя Стёпа». Но, по сравнению с михалковским героем, был сутул, сухопар и имел впалый живот. Судя по длинным, как жердь, ногам, ему было нелегко носить на них хотя и тощее, но всё же большое тело. Ещё в восьмом классе на соревнованиях по бегу он много раз достигал финиша последним и тут же падал у беговой дорожки. Потом, видимо, постыдившись своей слабосильности, а может быть, и из зависти к друзьям, стал усиленно заниматься физическими упражнениями, кое-как восстановил дыхание, малость даже окреп и больше от бодливости характера, нежели возросших возможностей вступал в единоборство с довольно сильными и выносливыми ребятами в дальних заплывах, занимая, правда, совсем не призовые места.

Уже в десятом классе Мурад из неуклюжего подростка преобразился в сложившегося юношу с зачёсанными в пробор русыми волосами, продолговатым, в прыщах, светлым лицом, на котором выделялись два нахальных ярких голубых глаза и большой нос с горбинкой.

Учился он средне, но это не мешало ему связываться с какими-то пришлыми неухоженными женщинами и исчезать с ними в камышах впадающей в море речушки, а потом хвалиться своими успехами.

В отличие от своих одноклассников, Мурад первым стал курить и выставять себя сложившимся мужчиной. Говоря о своих достоинствах, он самонадеянно, с брезгливым безразличием относился к своим товарищам, больше уделявшим внимание учебе и общественной работе в школе, был задирист и нередко лез в драки.

Ему был год, когда постоянно хмельной отец на спор поднялся по лестнице цехового воздуходува и, не сумев удержаться, упал и разбился. По существу, все тяготы по его воспитанию легли на плечи обременённой заботами матери, которая весь световой

день выполняла и сверхурочную черновую работу, чтобы хотя бы таким образом обеспечить своему единственному ребенку сносное существование...

Поскольку имён мы не выбираем, а их дают нам родители, надо полагать, что отец Мирзы, замдиректора завода по хозяйственной части, дал сыну подобное имя (Мирза – «повелитель» по-персидски) с честолюбивым замыслом вырастить его деловым и респектабельным человеком. Рос Мирза в обеспеченной семье и был широкоплеч, крепок, занимался в поселковой секции по вольной борьбе и успешно участвовал во многих малых и больших соревнованиях. Вопреки желанию отца, Мирза любил спорт и не скрывал своей честолюбивой мечты стать чемпионом мира. Из всех предметов в школе он больше предпочитал географию, ибо она давалась ему легко и уносила в неведомые страны олимпийских и мировых первенств, откуда в своих мечтах он всегда возвращался победителем.

Вообще делать то, что легко, было его отличительной чертой, и именно она впоследствии сыграла решающую роль в его судьбе. Дело в том, что по мере того, как в очередных соревнованиях Мирза одерживал одну победу за другой, следующие первенства требовали от него усиленных тренировок, полной самоотдачи, и порой надо было, что называется, выкладываться до последнего. Вот здесь Мирза стал самонадеянно лениться, пропускать некоторые особенно тяжёлые тренировки, не считаться с мнением тренера, мол, равных ему на ковре сегодня никого нет, и победа ему обеспечена.

Однако на очередном чемпионате страны среди юношей, куда с надеждой направили и Мирзу, он не выдержал натиска соперника и уже проигрывал схватку, если бы не применил запрещённый болевой прием, в надежде, что это останется незамеченным, и положил соперника на обе лопатки. Вначале так оно и произошло, ему присудили решающую победу и звание чемпиона. Мирза ликовал. Однако разобравшись в жалобе тренера соперника, судьи внимательно просмотрели видеоплётку, обнаружили подвох и единогласно отменили первоначальное решение, дисквалифицировали Мирзу и победу присудили сопернику, поскольку по очкам тот шёл намного впереди нарушителя.

Тогда бы сделать единственно правильный вывод – продолжить занятия, усилить тренировки, устранить недоработки, послушать,

в конце концов, совета опытного тренера, короче, готовить себя к новым поединкам, – нет же, Мирза обиделся на несправедливое, как он считал, решение судей и, к радости отца, вообще бросил спорт раз и навсегда. Так, накануне летних экзаменов на аттестат зрелости, Мирза вернулся в школу несолоно хлебавши и приступил к занятиям.

После этих событий он, и без того угрюмый, стал вообще пассивным, вспыльчивым, легко приходящим в раздражение. Спрятанный где-то глубоко в нём эгоизм стал давать бурные ростки и заглушать даже те добрые начала, которые пробуждались в нём ранее. Порой, заметив направленные в его сторону ухмылки подростков, хотя они могли быть вовсе не ему адресованы, он без разбора бил их, демонстрируя свои накаченные бицепсы. Естественно, это вызывало возмущение не только самих мальчишек, но и их родителей...

Вот эти разные по характеру и по сути одноклассники дружили уже десятый год.

Однажды, в жаркий июньский день, после сдачи очередного экзамена по литературе, съев по паре пирожков с картошкой из школьного буфета, Магомед, Мирза и Мурад в приподнятом настроении пошли к морю с намерением искупаться.

– Пацаны, верите, нет, она мне говорит вчера, что я настоящий мужчина, – не умолкая рассказывал Мурад, – а баба она что надо, у меня и прыщи сходят...

– Да она же неряха, от неё, наверное, за версту несёт, – донимал его Мирза и ехидно добавил: – «Что надо»!

– Что ты в этом понимаешь?! Сосунок ты маменькин! – разозлился Мурад на Мирзу.

– Я-то? – с презрением произнес Мирза. – Когда я был на чемпионате в Москве, ко мне такая девчонка клеилась, во! – показывая большой палец, похвалился Мирза. – Захоти я, она бы запросто согласилась... А ты со своей грязнухой... лучше расскажи, как это ты умудрился у одноклассника во время экзамена шпаргалку стащить? Тебе не было стыдно?

– Ишь ты, куда повёл?... – удивился Мурад, а потом возмущённо добавил: – Во-первых, шпаргалку у него стащил не я, а ты, чистенький ты наш, ибо у меня была своя, а во-вторых, чёрт с ним, я видел, но не стал тебе мешать, пусть выкручивается сам, он же у нас отличник хреновый...

Мирза стал смеяться.

– Ребята, в июне вода ещё прохладная, так что я не советую... – благоразумно предупредил их Магомед. – Может, искупаемся немного и пойдём домой?

– Да вы что, пацаны, – вмешался Мурад, – вода что надо, я каждый день купаюсь, так что не волнуйтесь...

Они разделись, сложили рядышком одежду и двинулись к морю, но вдруг взгляд их упал на качающуюся на воде небольшую моторную лодку без лодочника. Мирза, словно в нём заиграли чёртики, тут же подбежал к ней и предложил завести мотор и выйти в море, пронестись, как говорится, по ветру. Однако Магомед, зная его заводной характер, неодобрительно покачал головой и предупредительно сказал:

– Мирза, ты что, с ума сошёл? Чужая лодка, нельзя без разрешения хозяина, за это судить могут...

– Я знаю хозяина этой лодки, – смело ответил Мирза, – он у отца работает, так что не волнуйтесь, я отвечаю!..

– Раз так, я согласен, пошли, – согласился Мурад и последовал за Мирзой толкать от берега лодку.

Мотор завёлся сразу, и Мирза сел за руль.

– Магомед, залезай быстрее, – позвал его Мурад и сам, облокотившись о борт, тоже влез в лодку.

Магомед бросился в воду и с другого борта последовал за Мурадом.

– Часик проедемся – и назад, – заверил ребят Мирза, посмотрел на часы и опустил винт мотора в воду, – сейчас три, – значит, до четырёх часов...

Лодка стала стремительно набирать скорость.

И вдруг со стороны будки лодочника к берегу побежал какой-то паренёк и стал кричать отплывшим похитителям:

– Эй, ребята, в лодке брешь, утонете!..

Однако за шумом мотора его было неслышно, лишь Магомед, заметив его обеспокоенный жест, сложив ладони рупором, громко спросил:

– Что-о?..

– Опасно-о!.. – размахивая рукой, словно прощаясь, кричал паренёк.

Но те его предупреждений об опасности – ни жестов, ни слов – не поняли. Магомед, усевшись в носовой части лодки, устремил свой

взгляд вперёд. Мурад, опустив руку в воду, бездумно играл с брызгами, блаженно замирая под лучами яркого солнца. Мирза тоже смотрел вперёд, управляя одной рукой движением «корабля».

Берег отдалялся всё больше и больше. Занятые своими мыслями, друзья не слышали, как Мурад увлечённо, в который уже раз, рассказывал о том, каким образом ему удалось сегодня незаметно использовать шпаргалку, а потом перешёл к смачному пересказу своих одних и тех же походов.

– Ну, как там, время не подошло возвращаться? – закончив рассказ, нетерпеливо спросил он.

– Да нет ещё, – сделав вид, что смотрит на часы, соврал Мирза, – рановато...

– А кажется, что плывём уже долго, – как-то недовольно снова заметил Мурад.

– Ты чего, испугался, что ли, слабак? – с издевкой ответил Мирза и добавил. – Если так, нечего было и плыть с нами...

– По-моему, не надо испытывать судьбу, – заметил Магомед. – Мне тоже кажется, что пора возвращаться...

– Да нет, я ничего... – примирился Мурад, – я как все... – однако неожиданно, прервав ход своих мыслей, испуганно воскликнул: – Ребята, в лодку проникает вода, вот смотрите...

Сидевшие в носовой и кормовой части лодки, так сказать, на её высоких позициях, Магомед и Мирза взглянули вниз, на дно лодки, и были весьма озадачены. Со дна лодки маленьким фонтанчиком вверх пробивалась вода, и остановить её практически было нечем, лишь жестяная пол-литровая банка из-под консервов валялась у самой кормы, под ногами Мирзы, которой, видно, и раньше выгребали воду.

– Давай, поворачивай назад, – приказал Магомед, затем поднял со дна баночку и стал выгребать воду, то же самое стал делать Мурад, только пригоршнями.

Не успев повернуть лодку даже на пол-оборота, мотор неожиданно заглох. Все усилия друзей завести его снова результатов не дали. Потом догадались, что кончился бензин.

Лодка катастрофически быстро наполнялась и была уже до самых бортов в воде. Положение становилось угрожающим, и Мирза понимал, что допустил непростительную ошибку. Поддавшись каверзному желанию проучить хвастливого Мурада, он вовремя не признался в том, что плыли уже не час, а намного больше.

Оглянувшись по сторонам, он вдруг не увидел берега. Сперва он растерялся, не поверил своим глазам, потом, тщательно протерев их тыльной стороной ладони, снова посмотрел туда, где должен был быть берег, потом стал разглядывать все другие стороны, но не было видно не только берега, но и высоких заводских труб, и даже вершины Кавказской горы в отдалении. Кругом была вода, вода и никаких ориентиров.

Наполненная водой лодка почему-то не накренилась на бок и не перевернулась, а камнем ушла на дно. Друзья, выплыв и глотая ртом воздух, оказались в нескольких метрах друг от друга. Первым опомнился Мирза.

– Ребята! – крикнул он вдруг испуганно. – Оглянитесь вокруг, что-то я ничего не пойму...

Те оглянулись.

– Ну, что-нибудь видите? Меня, кажется, глаза подводят...

Но глаза его не подводили.

– Нет, ничего не видно, – не понимая вопроса, ответили Магомед и Мирза, но затем уже один Магомед добавил: – Вода кругом и больше ничего...

– Это что, мы так далеко заплыли? – вдруг, задыхаясь от возмущения, испуганно крикнул Мурад на Мирзу. – Сволочь, это ты нарочно не сказал нам о времени. Всё, я возвращаюсь! – решительно добавил он и, не обращая внимания на друзей, поплыл, как ему казалось, в обратном направлении.

– Я что, сам себе враг, – притворно посмотрев на часы, ещё раз солгал Мирза, все ещё уверенный, что ничего страшного не произошло, – оказывается, мои часы остановились...

– Заткнись, говнюк! – вскричал Мурад. – Ты настоящий урод, я это тебе попомню...

Плыли, как казалось, в обратном направлении, уже часа два, однако чувствовалось, что Мурад нервничает и устает. Понимая, что это может привести к нежелательным последствиям, Магомед подплыл к нему ближе.

– Не нервничай, береги силы, – посоветовал он. – В случае, если устанешь, ляг на спину, отдохни, я рядом..

Время шло неудержимо быстро, но берега все ещё было не видать. Ниоткуда. Постепенно приходило понимание своей безысходности. Неужели заблудились? Видно же, что плывут совсем не в ту сторону.

А в какую сторону надо плыть, если кругом море? Где берег? В надвигавшихся сумерках эти безответные вопросы лишали и без того иссякающих сил.

Мирза, не обращая внимания на отставших друзей, широко взмахивая сильными руками, оторвался от них на сотню-две метров, но поняв, что впереди, кроме надвигающейся темноты, никаких ориентиров нет, в нерешительности остановился, повернулся назад и нехотя поплыл к ним.

– Что будем делать? – устало спросил он смотревшего на него с осуждением Магомеда. – Видно, мы заблудились, и ночь надвигается...

– Заблудились! – зло выкрикнул Мурад. – Гад! Не ты ли устроил весь этот балаган? Ой, кажется, ногу схватила судорога... я не могу ею двигать... – застонал он плаксиво и в панике добавил: – Сейчас утону... Магомед, у тебя есть булавка?

Ни у Магомеда, ни у Мирзы булавки, чтобы уколоть ему ногу и снять судорогу, не было. Напряжение возросло настолько, что их охватил ужас. Хотя днём вода казалась тёплой, всё же к вечеру явно стала холодать, и море малость разволновалось. «Если поднимется ветер, – с тревогой подумал Магомед, – Мурада не спасти...»

Уже более трёх часов они, по существу голые, находились в море, и никакой надежды на спасение. Стал пробираться холод. Страх обуял ребят, и они по-настоящему осознали, что ещё час-полтора – и случится страшное. Даже Мирза почувствовал озноб и, увидев, как из последних сил держится на воде плачущий Мурад, вдруг, как говорится, шкурой почувствовал, что положение их безнадежно, они могут погибнуть.

Отличный пловец с великолепным хладнокровием, не терял самообладания лишь Магомед, хотя и он был на грани срыва. Не теряя времени, он тут же подплыл к Мураду и, удерживая на спине, взял его за голень сведенной судорогой согнутой ноги и стал сильно водить ногтями по икроножной части, вверх и вниз, вверх и вниз, до боли исцарапав ему кожу. Вначале нога не реагировала на его усилия, однако через минуту-другую он почувствовал в ней какой-то проблеск тепла, и Мурад вскрикнул:

– Ой, больно!.. – потом, пошевелив стопой и пальцами, удовлетворенно сказал: – Кажется, отпустила...

– Двигайся, двигайся, – посоветовал ему Магомед, чуточку согревшись от приложенных усилий и, может быть, от удовлетворения, что помог товарищу в беде.

Однако озноб и болезненное ощущение холода всё больше давало о себе знать, сил двигаться оставалось всё меньше и меньше, и какая-то непонятная сонливость сковывала их, усыпляя бдительность и лишая сопротивляемости. Это были явные признаки переохлаждения организма. Немного понимающий в медицине Магомед догадывался, что именно это может привести их к гибели, что, потеряв волю к движению, они никак потом не сумеют бороться с всепоглощающей морской пучиной.

Сквозь проплывшее тёмное густое облако, грозившее летним дождём, неожиданно выглянула луна, осветив страшную морскую черноту.

– Ох, я, кажется, умираю... – донесся рядом тихий стон плачущего от безысходности Мурада. – Мама тоже умрёт...

От предчувствия беды у Магомеда замерло сердце.

И вдруг смертельно-испуганный крик Мирзы разорвал тихий шелест волны:

– Магомед, что это за чудовище плывет на нас?!

Невдалеке от них плыло какое-то бесформенное чёрное тело. Вздрогнул и будто ожил поверивший в свою безнадежность Мурад.

– Ты видишь, он плывёт прямо на нас?! – снова испуганно вскричал бледный, как только что выглянувшая луна, Мирза. – Ой, мама, он нас проглотит...

– В Каспии чудовищ нет, – уверенно ответил Магомед. – Надо посмотреть, что это за предмет, – и нерешительно поплыл в сторону чёрного тела.

Это была коряга, ствол небольшого дерева, неведь каким образом унесённого с какого-то берега могучим отливом Каспия в свою пучину.

– О, Аллах! – промолвил Магомед чуть слышно, – это может стать нашим спасением... – а потом вдруг громко и радостно крикнул: – Эй, ребята, не пугайтесь, это дерево...

Он ухватился за край коряги и толкнул его в сторону своих смертельно уставших товарищей.

– Мирза, поддержи-ка, пожалуйста, корягу с той стороны, – попросил его Магомед, – а ты, Мурад, попробуй сесть на неё верхом, сможешь, или тебе помочь?

– Поп-ро-бую... – ухватившись за верхний сук и сиясь сесть на ствол, пыхтя от натуги, проговорил Мурад, однако, закинув было одну ногу, он обессиленно соскользнул с него и снова комом упал в воду. Магомеду стоило немалых усилий не дать ему уйти на дно. Однако в то время, когда Магомед был занят спасением товарища, Мирза сделал попытку сесть на корягу сам, но дерево, словно в наказание, неожиданно перевернулось на 180 градусов, и сук, который был не виден под водой, вдруг всплыл наверх и по инерции сильно вонзился ему в левое плечо.

Мирза страшно закричал от боли и стал истошно звать на помощь. Из раны в плече медленно, а потом струйкой пошла кровь.

– Да, да, вы оба против меня! – увидев стекавшую с плеча кровь, в бешенстве закричал он. – Вы ненавидите меня, хотите моей смерти, потому что я богаче вас, придурков! Я всё равно буду начальником, а вы всегда в подчинении... Да, я нарочно не сказал о времени, хотел наказать этого прыщавого босняка! – и вдруг неожиданно добавил: – Не держи его, Магомед, пусть тонет!..

И по мере того, как из него фонтаном били оскорбления и ругань, он всё больше бледнел и слабел на глазах не менее испуганных друзей. В растерянности Магомед не знал, что делать: то ли держать на одной стороне коряги дрожавшего от холода и уже готового уйти ко дну Мурада, то ли поплыть на другую сторону и помочь Мирзе.

– Прошу тебя, держись за этот сук, – попросил Мурада Магомед. – Я помогу Мирзе...

– Не н-на-до ему по-мо-га... – не попадая зубом на зуб, с трудом очнувшись от обволакивающей его слабости, проговорил Мурад и со злостью добавил. – Пу-сть с-с-дох-нет, так ему и на-до!..

– Ты сам скоро подохнешь, бабник хреновый! – злобно ответил Мирза.

Однако Магомед, не обращая внимания на враждебную перепалку ещё недавно бывших друзей, подплыл к Мирзе и, увидев зияющую колотую рану в его плече, посоветовал:

– Тебе бы опустить раненое плечо в воду, солёная вода пощипит чуть-чуть, но остановит кровь...

Мирза послушно опустил пробитое плечо в воду, отчего в начале малость поморщился, но уже через минуту кровь остановилась. Однако любое движение плечом могло вызвать новое кровотечение, и потому Магомед снова посоветовал ему:

– Держись правой рукой за корягу и старайся не тревожить левое плечо. Я попробую, пока есть силы, двинуть корягу по течению, авось куда выведет...

Не успел он досказать эти слова, как Мурад исчез в воде прямо на глазах. Если бы не Магомед, который тут же бросился за ним и успел поймать того за волосы, Мурад бы утонул во второй раз, и уже безвозвратно. Сил поднять почти лишенного жизни товарища уже не было, но Магомед, снова собрав всё своё мужество, всё же поднял его наверх и ухватился за спасительную корягу. Мурад был бледнее смерти. Магомед знал, что если он наглотался соленой воды, то в сложившихся условиях его не спасти, и потому, прижав Мурада к коряге, с тревогой спросил:

– Воды наглотался? Говори, пока не поздно!

Из полупосиневших губ Мурада стекала прозрачная слюна.

– Нет... – еле слышно ответил он, отрицательно покачав головой. Потом, подняв уставшие веки, нехотя признался. – Ты опять опередил... Прости... вот так у меня всегда, бегу и не поспеваю... – уголок его рта жалобно вздрогнул, он снова всхлипнул и затем дрожащими, еле движущими губами, добавил: – Ослаб я... как всегда... не знаю, дотяну ли...

– Дотянешь! Надо только захотеть! – убеждал его Магомед.

– Где же твоё хвалёное мужество? – с усмешкой задел Мурада Мирза. – Я, я... мужчина, а сам превратился в хлюпика... – последнее слово он договорил механически, теряя силы.

«Вот и хорошо, – подумал Магомед, – хотя и сказано с издевкой, все же Мураду от этого польза, он сейчас вскипит от обиды, значит, будет жить...»

– Ты-то кто? – вступил в перепалку Мурад. – Ты посмотри на себя, лимон выжатый! Чемпион мира! Чемпион несостоявшийся! – совсем уже слабым голосом ехидно добавил он. – Так же ты будешь и начальником ...

Спряталась луна, и где-то вдалеке прогремел гром... И тут же, осветив гнетущую черноту ночи, блеснула молния.

Мирза испуганно вздрогнул и непроизвольно дернул раненым плечом, отчего всё его тело пронзила глубокая боль и чуть не лишила чувств. Он держался уже из последних сил и лишь лихорадочно работающий мозг держал его на поверхности.

«Доигрался... – осуждал он себя удручённо. – А теперь погибнешь... отец не простит, а мама...»

Теряя последние силы, Мирза отпустил окровавленный сук и... И в этот миг ночную тишину прорезал радостный крик Магомеда.

– Огонь! Вон, видите, – показывал он рукой левее себя, – там свет горит!

– Берег! – очнувшись и схватив снова корягу, проговорил Мирза.

– Наконец-то! – проснулось сознание удерживаемого Магомедом Мурада.

– Давайте, ребята, напрягитесь, толкнём нашу корягу туда, надо торопиться, – звал Магомед своих товарищей на помощь.

Но те не только не могли помочь, они сами держались из последних сил.

– Э-э-эй! – стал кричать Магомед, размахивая одной рукой. – Помогите!

– На помощь! – стали кричать и его товарищи, но их глухие голоса утонули в шелесте волн.

Как они доплыли до баркаса, на котором горела висячая лампа, было известно одному Аллаху и, конечно, Магомеду, который из последних сил всё же пригнал корягу к цели.

Услышав уже уставшие от крика глухие голоса ребят, моряки с рыболовного баркаса подогнали свою посудину ближе к ним и бросили верёвочную лестницу.

Уже выдыхаясь, Магомед помог поднять на палубу полуживых Мурада и Мирзу, а потом чудом поднялся сам, устало сел на корточки и, потеряв сознание, медленно скатился на бок...

На небосклоне журналистского олимпа неожиданно, словно ранее не открытая звезда, заблестало вдруг доселе неизвестное широкому кругу читателей имя репортёра популярной газеты «Нью-Йорк Дейли Ньюс» Роберта Прогнози. Его информации в газете о совершенно свежих, можно сказать, всего лишь часовой давности событиях, лаконичные и выверенные до ювелирной точности, ошеломляли своей оперативностью, невольно выделяя его среди целого сонма известнейших репортеров не менее именитых газет. Основатели общественно-политических еженедельников, издатели популярных газет, обещая ему самые высокие гонорары, пытались любой ценой заманить его к себе, но Роберт Прогнози оставался верен своей газете, хозяин которой, в свою очередь, выплачивал ему всё большие и большие вознаграждения, ибо тираж его детища рос в геометрической прогрессии.

Многие коллеги пытались узнать секреты его методов, ходили за ним чуть ли не по пятам, тайно заглядывали в окна его рабочего и домашнего кабинетов в то время, когда он работал за письменным столом, с помощью нанятых детективов пытались залезть в его шкафы, украсть блокнотные записи, но разузнать что-либо существенное им так и не удалось. Однако вынудили Роберта, ставшего к тому времени не только известным, но и очень богатым человеком, усилить свою охрану таким образом, что теперь проникнуть к нему без опасения потерять голову никто не решался.

Феномен Роберта Прогнози так и остался бы непознанным, тайна его была бы нераскрытой, и он унёс бы её с собой в могилу, если бы в одной из его многочисленных тетрадей не оказалась присущая только ему одному лаконичная запись: «Договор с дьяволом», и рядом цифра «7». Биографу Роберта Прогнози пришлось немало попотеть: основательно порыться в его архивах, простучать все стены кабинета, снять с полок шкафов все книги, потрогать руками и прощупать всякие задвижки и ручки, чтобы совершенно случайно, уже без всяких надежд на успех, ему не посчастливилось найти в одном из книжных шкафов тайник, где преспокойненько лежала толстая, похожая на амбарную книгу, тетрадь, на которой была выведена цифра «7». В этой таинственной тетради хранился десятилетний секрет успехов знаменитого репортера, его скрупулёзный отчёт за каждый прожитый день с момента заключения им договора с дьяволом до последних часов жизни...

Двадцатисемилетнему Роберту постоянно невезло. Журналист из обоймы средних, он, за отсутствием средств, а значит, и транспорта, всегда и везде не успевал: не успевал вовремя прибыть на происшествие, и его информация приходила в редакцию после того, как она ушла в набор за другой подписью, не успевал попасть на ярмарки, выставки, в музеи, где вывешивались редчайшие картины или экспонаты, опаздывал на презентации или вручения наград высокоодарённым особам. И хотя его информации отличались иногда оригинальностью мышления, все равно они выбрасывались в корзину редактора, так как подавались им с опозданием, после того, как поезд уже ушёл.

Коллеги подшучивали над его неудачами, а иногда они становились предметом их открытых насмешек. Однако главное было в другом, наиболее важном, они, эти неудачи, нещадно били по его и без того пустому карману, доводя его до отчаяния, до нервных срывов, которые в последнее время преследовали его даже дома. Недаром говорят: где тонко, там и рвётся. Неудачи, бедность, бег за недостигаемой мечтой привели к тому, что однажды его покинула и жена...

Бывали минуты, когда он, с тайной ненавистью разглядывая своих довольных жизнью коллег, жалел себя, считая, что он, Роберт Прогнози, среди них самый одарённый, талантливый репортёр, однако по иронии судьбы он же и самый невезучий, про-

сто над ним, считал он, постоянно висит злой рок, который почему-то не даёт ему жить.

Вот в таком состоянии безысходной тоски и полной беспросветности Роберт Прогнози оказался ранним осенним утром в своем редакционном кабинете, поскольку хозяин квартиры выгнал его за неуплату, и после мрачных раздумий решил свести счёты с жизнью, повеситься на крючке от снятой когда-то большой люстры. Написав на листке газетной бумаги, чтобы в его смерти никого не обвиняли, он нашёл кусок верёвки, смастерил петлю, поставил на стол полумягкий стул, на котором всегда сидел, и хотел было подняться на него, как вдруг услышал незнакомый голос.

– Что, решил покончить с жизнью, дружок?..

– А что мне остаётся делать? – испуганно воскликнул самоубийца, оглядываясь по сторонам; однако, не найдя говорившего, удивленно спросил: – Ты кто?

– Я... твоя судьба, – ответил голос, – хочу тебе помочь...

– А где ты была раньше? – возмутился Роберт. – Отвечай, чёрт тебя возьми, а не то дай мне умереть спокойно!..

– Ишь, чего захотел! Нет, дружок, ты умрёшь тогда, когда велю я, запомни это, – уверенно ответил голос, – а пока я пришла тебе помочь. Небось, жить лучше, чем умереть? Так хочешь ты меня выслушать?

Роберт слез со стола, выбросил верёвку, поставил стул на место и сел.

– Если ты не дьявол, говори, – все ещё с сомнением произнёс он, ещё раз оглядываясь по сторонам, а потом решительно добавил: – Если даже дьявол, я выслушаю, мне теперь всё равно...

– Называй меня как хочешь, суть не в этом, – заговорил снова голос, – я предлагаю тебе заключить со мной договор...

– Что за договор? – всё ещё не веря своим ушам, с сомнением спросил репортёр.

– Если ты выполнишь его условия, станешь великим репортёром, к тебе придут слава и богатство.

– Каким образом? Ты что, волшебник? – удивился Роберт.

Оставив последний вопрос репортёра без внимания, голос ответил:

– Каждое утро я буду оставлять на твоём рабочем столе информацию о том, что произойдёт сегодня в нашей стране. Короче, сегодня рано утром тебе станет известно по часам и минутам обо

всех важнейших сенсационных событиях и происшествиях, которые произойдут позднее. Ты даёшь их в газету под своим именем, поскольку ты узнал о них ещё до того, как они произошли, но обязательно произойдут сегодня. Понял?

– Как это? – не дошло до него сразу. – Как ты об этом будешь знать, если они ещё не произошли?

– Это уже мои проблемы... – недовольно пробурчал голос.

– И как долго это будет продолжаться? – поинтересовался репортёр, все ещё не представляя себе подобной перспективы.

– Год, может, десять лет, а может, и дольше, – ответил голос.

– Какое же это условие? – снова задал вопрос Роберт. – Может, я его не сумею исполнить?

– Оно тебе вполне под силу...

– В таком случае я согласен, – ответил репортёр.

– Вот и хорошо, – обрадовался голос, – а условие таково: ты беспрекословно даёшь в газету всё, что я тебе предоставляю, можно с небольшими авторскими вариациями, но никогда ничего не пропускаешь и не прекращаешь исполнение договора без моего согласия, иначе тебя ждёт смерть, договорились?

– Это же так просто, – удивился Роберт, – я принимаю эти условия...

– Прекрасно. Считаем, что договор заключён, – торжественно произнёс голос и незаметно положил на стол репортера обещанную информацию.

– Скажи, пожалуйста, – успокоившись, обратился Роберт к голосу с последним вопросом, – зачем тебе это нужно?

– Я провожу эксперимент! – ответил голос и более твёрдо добавил: – Всё, аудиенция окончена, впереди тебя ждёт лёгкий путь к вершине и нелёгкое испытание...

Так Роберт Прогнози, благодаря случаю свернув с трагического пути неудачника и готового к самоубийству человека, вышел на доселе неизведанную стезю репортёра-волшебника, о невероятных способностях которого в скором времени заговорит вся страна.

В это раннее, наполненное волшебством утро на его столе лежала редчайшая информация о сенсационном пожаре, который произошёл всего час назад в нью-йоркском офисе крупнейшей корпорации «Моторс», унесшем жизнь всемирно известного главы компании. Не менее интересными оказались и две другие информации.

Наскоро переписав их на свой манер, но с сохранением всех данных первоначальной подачи, как он поступит и в дальнейшем, Роберт с волнением отнёс их дежурному редактору, который немало удивился его оперативности, но похвалил и сразу же отправил в срочный номер.

Сенсационное сообщение репортёра о происшествии потрясло всех, ибо подобные события держали в строжайшей тайне и до поры не разглашали.

Первым Роберта Прогнози поздравил хозяин и преподнёс ему конверт с вознаграждением. Такой чести за последние пять лет был удостоен лишь один сотрудник. Затем последовали похвалы и поздравления от других. Теперь его репортажи с места событий следовали и в последующие дни, вызывая восхищение особым взглядом на происходящее, острым пером репортёра-мыслителя, поражая тонкой наблюдательностью и неправдоподобной оперативностью, под удивительно редким углом зрения, как повернутая к свету и неожиданно заблестевшая грань алмаза. Редакторы давали их, как говорят, с листа, без всяких дополнительных проверок и сомнений, ибо их точность могла служить эталоном.

Слава о его вездесущести, пронырливости и связях в самых недоступных кругах стали притчей во языцех, однако сам репортёр о них не распространялся. Это и понятно, не мог же он говорить о том, что продал душу дьяволу. Для всех он оставался тайной за семью печатями. Вместе с тем росло и его богатство. В скором времени он купил роскошный дом из восемнадцати комнат, с огромным бассейном, с великолепной зелёной поляной для игры в гольф. Для вечерних прогулок приобрёл породистых лошадей, за два последних года сменил уже третью машину на новенький блестящий «шевроле» со всевозможными удобствами.

Произошли изменения и в его личной жизни, уже через три года после указанных вначале событий Роберт Прогнози удачно женился на единственной дочери владельца крупной автомобильной компании, получив таким образом доступ к огромному состоянию тестя и жены. Несмотря на щедроты, сыпавшиеся на него, словно манна с небес, репортёр оставался всегда стройным, подтянутым и подвижным, став кумиром многочисленных поклонниц.

При этом он добрее не стал, никогда не забывал недавних насмешек и унижений коллег, при случае старался им навредить,

сделать больно, но делал это исподтишка, как бы чужими руками. Молодым собратьям по перу не мешал, но и не помогал, правда, насмешек и унижений за неудачи над ними не чинил, оставаясь для них холодной статуей на недосыгаемом пьедестале почёта.

Иногда сверх получаемых каждое утро потрясающих сведений он не чурался и поступающей к нему самой информации и просьб высокопоставленных особ, о которых он за немалые вознаграждения писал репортажи, интервью или развёрнутые аналитические размышления, обещавшие им определённую известность. Хотя материалы эти особой ценности не имели, всё же теперь всё, что выходило из под его пера, становилось сенсацией. Имя Роберта Прогнози стало легендарным.

Действительно, информации и статьи, которые он готовил по собственной инициативе, тускнели перед блеском и великолепием тех, которые каждое утро оказывались на его столе, однако Роберт Прогнози считал «свои» шедевром, образцом журналистского мастерства. А в последнее время вообще всё чаще приходил к мнению, возомнил, что он и в самом деле непревзойдённый репортер, можно сказать, колосс, титан, что сегодня равных ему нет, и таковым он стал вовсе не потому, что ему помогает дьявол, нет, а благодаря лишь собственным способностям, своему таланту.

Однажды утром, по своему обыкновению просматривая сенсационную информацию дьявола, Роберт Прогнози пренебрежительно вслух произнес:

– Ха... ничего особенного, такие вещи и мне под силу, – затем, подумав недолго, решительно добавил: – Да, хватит ходить на привязи, пора подумать о расторжении этого пресловутого договора.

В связи с женитьбой у него, естественно, появились новые друзья: подруги жены с их мужьями, сыновья крупных банкиров и промышленников, с которыми он на равных проводил время на всевозможных банкетах, балах и других весёлых вечеринках. В качестве официального гостя и известнейшего репортёра его часто приглашали на дипломатические встречи к президенту и в правительство, без него не обходились сколько-нибудь известные события в стране. Он постоянно был в гуще всего, что происходило в стране и за рубежом. О некоторых из них он узнавал раньше всех, ещё до того, как они намечались, – каждое утро на столе его теперь уже нового роскошного кабинета оказывались информа-

ции обо всём, что должно было произойти позднее. Если раньше он принимал всё это как должное, то теперь всё чаще задумывался над тем, как, каким образом дьяволу удаётся быть столь осведомлённым, старался открыть его секрет, чтобы использовать себе на пользу.

Дело дошло до того, что однажды в шесть часов утра Роберт сомневался, не поверил тому, о чём сообщалось в очередной информации дьявола.

«Сегодня на рассвете, в 5 часов 30 минут, в своем загородном доме убит известный глава сицилийской мафии в Нью-Йорке Винченцо Риголетти. Сведущие источники считают, что убийство произошло из-за сфер влияния. Полиция, как всегда, прибыла к месту происшествия с опозданием».

«Боже мой, – подумал Роберт, прочитав это сообщение, – наверное, убийцы ещё находятся в доме Винченцо, не успели скрыться...» Но опубликовать эту информацию следовало обязательно, поскольку не было ещё случая, чтобы дьявол ошибся, дал неточные сведения. Так быть не могло. И Роберт Прогнози, вопреки своим сомнениям, отнёс редактору уже готовую информацию с кое-какими добавлениями из жизни убитого.

И действительно, впоследствии работники судебно-медицинской экспертизы, осмотрев труп, пришли к заключению, что убийство Винченцо Риголетти произошло точно в 5 часов 30 минут утра. А если учесть, что информация для Роберта Прогнози готовилась заранее, с учётом доставки её до места назначения, то невольно напрашивался вывод, что об убийстве мафиозного лидера дьяволу было известно ещё до его исполнения! Этот вывод ошеломил репортёра сверх всякой меры, и он долго не мог прийти в себя.

«Если это так, – рассуждал Роберт, – получается, что дьявол-судьба или сам принимал участие в этом спланированном убийстве, или же это делают с его непосредственного ведома. Выходит, что и в том, и в другом случае, это дело его рук. Тогда, – продолжал свои рассуждения репортёр, – такая же участь может ожидать любого, кто связан с ним каким-либо образом». Страх обуял Роберта Прогнози. Нет, надо немедленно, пока не поздно, расторгнуть этот нелепый договор, теперь он ему не нужен, он, слава Богу, может обойтись и без него. «Ха, легко сказать», – вдруг вспомнил он об условиях договора и горько улыбнулся. Дьявол всё тогда предусмотрел и предупредил, что любой

отход от договора без его согласия повлечёт за собой смерть. И справедливости ради следует признаться, что свои обязательства дьявол выполнял исправно.

«Ну, чего расклеился, нюни распустил, – успокаивал он себя, – ничего страшного, слава Богу, не произошло». Он, Роберт, тоже не промах, до сего времени всегда выполнял своё слово, никогда условия договора не нарушал. К тому же, ещё тогда, в первую встречу, когда они говорили о сроках договора, дьявол заявил, что он будет продолжаться «...10 лет, а может, и дольше». Так что причин для беспокойства нет, надо взять себя в руки и успокоиться.

Через два года, вспоминая об этих своих страхах и переживаниях по случаю убийства Винченцо Риголетти, Роберт Прогнози, улыбаясь, отнесёт их к минутной слабости. Тем более, что дела его продолжали идти в гору, слава же росла прямо пропорционально богатству. К этому времени у него родилась дочь, вылитая красавица жена.

Беспечная и полная удовольствий жизнь: несколько месяцев в году путешествия на лазурные берега лучших курортов, круизы на собственном корабле по морям и океанам в компании пресыщенных сынков известных богачей с соблазнительными красотками в купе – всё это уводило его в мир блаженства и неги, унося от дурных предчувствий и мыслей. Забылось всё и ушло в прошлое.

Однажды, в разгар неудержимых страстей и веселья в доме, к нему вприпрыжку, словно клоун, подбежал какой-то незнакомый человек с бесцветным лицом и лукаво, как предупреждение, спросил:

– Что, наслаждаешься, дружок?... – и тут же скрылся.

Вначале этот нелепый человек и его каверзный вопрос застали его врасплох и вызвали неясную тревогу. Затем Роберт силился вспомнить этот, как ему казалось, знакомый голос и обстоятельства, при которых к нему обращались со словом «дружок», но загруженная выпивкой и впечатлениями память так никого и не выдала. Вслед за этим последовали эротические танцы приглашённых красоток, мир блаженства окутал его, и этот мимолётный, бесцветный образ исчез, словно его и не было.

Однако в конце следующего дня, уже под вечер, Роберта Прогнози охватило предчувствие какой-то беды, как это бывает у зверей накануне стихийных бедствий, природных катаклизмов. Это состояние дискомфорта, магнетического давления не покидало его

до тех пор, пока неожиданно не прозвучал телефонный звонок из штаб-квартиры ООН и мелодичный женский голос не передал ему, что завтра, в 17 часов, он, репортёр с мировым именем, приглашается на очередное заседание Всемирной Ассамблеи. И всё, обычный звонок, каких в его жизни были сотни. Поэтому напряжение, вначале охватившее его, спало, и Роберт Прогнози успокоился.

Но уже рано утром, просматривая очередные послания своего информатора для завтрашней газеты, Роберт Прогнози в своей обычной манере, как бы мимоходом прочитал: «Вчера, в 16 часов 20 минут, на углу между шестым авеню и Вашингтон-стрит, по дороге в штаб-квартиру ООН, в результате автомобильной катастрофы в возрасте 37 лет погиб известный репортёр Роберт Прогнози. О времени похорон будет сообщено дополнительно».

Прочитав это сообщение, он машинально выхватил из стопки белый лист бумаги и собрался было в своём обычном стиле подготовить очередную информацию, как, поняв, наконец, смысл прочитанного, замер с золотой авторучкой в руке. «Роберт Прогнози???..» Это что, о нём идёт речь? Значит, сегодня, по дороге на ассамблею, он должен погибнуть? Вот вам! — и он показал невидимому врагу кукиш. Не дожидаться им этого удовольствия, не такой Роберт Прогнози дурачок, простофиля, чтобы самому, зная, лезть в эту аварию. На ассамблею он, конечно, поедет, это дело его чести, а вот к этому шестому авеню и Вашингтон-стрит его и силком никто не затащит, ни чёрт, ни дьявол, ни судьба... Никакой информации о его гибели тоже не будет, ни в «Нью-Йорк Дейли Ньюс», ни в какой другой газете! Не дождётесь!

Почти весь день до 15 часов по полудни Роберт Прогнози из своего кабинета не выходил, на звонки не отвечал, секретаря не вызывал, привычного кофе не просил, он усиленно думал. Мысли его были заняты лишь тем, как перехитрить дьявола-судьбу, который так коварно и подло, подняв его на вершину славы и богатства, теперь, в расцвете сил, решил его убить, устроить ему спланированную аварию. Не видать ему этого, не на того нарвался!

Он усиленно изучал карту города, намечал маршруты своей поездки и, потирая от удовольствия руки, радовался, что сумеет обмануть своего лютого врага, поедет на ассамблею совершенно другой дорогой, пусть намного миль длиннее, но зато подальше от устроенной дьяволом ловушки.

Положив карту на колени, в предчувствии единоборства с самим дьяволом, он в половине четвёртого сел за руль своего любимого «шевроле» и поехал к намеченной цели. Уже через несколько минут он натолкнулся на препятствие – впереди шли земляные работы, и Роберту Прогнози пришлось свернуть на улицу, которая не входила в его планы. Проехав ещё минут пятнадцать, он увидел огромный каток, который, раскатывая свежий асфальт, шёл прямо на него. Пришлось направить машину градусов на 20 левее, к дороге, которую ранее решил категорически обойти. Однако, когда он, избрав запасной маршрут, повёл машину подальше от шестого авеню, его ожидало полное разочарование: как назло, перед самым его носом свалилось огромное дерево, и он снова поменял курс...

Вопреки всем его стараниям, всевозможным ухищрениям и попыткам обойти этот роковой перекресток, уйти от возмездия, причину которого он так и не понял, всё же неведомая сила, а лучше сказать, сам дьявол, лукаво улыбаясь, устраивал ему разнообразные козни и вёл его блестящую машину к намеченной цели. Сердцем чувствуя, разумом соображая, волей препятствуя приближению катастрофы, он в то же время видел, что предотвратить её, остановить это движение к бездне не может, у него не хватает ни сил, ни воли к сопротивлению. Видно, в устроенном дьяволом эксперименте репортёр не оправдал его надежд.

И тогда с Робертом Прогнози, считавшим себя гордым и бестрашным человеком, перед лицом смертельной опасности произошла неожиданная метаморфоза, он вдруг стал хныкать, тихо слезливо жаловаться, бессвязно выражая свою полную беспомощность. Наконец, превратился в хлюпика, потеряв человеческое достоинство.

– Нет, я не хочу умирать! – твердил некогда могучий репортёр, обливаясь слезами. Судорожно хватая руль, он всё ещё надеялся, что избежит трагического конца, произойдёт чудо, и оно сохранит ему жизнь...

На углу шестого авеню и Вашингтон-стрит в 16 часов 20 минут, как и предсказывалось, произошла авария, которая унесла жизнь Роберта Прогнози.

Обо всём этом, за исключением рокового момента, писал он в своей тайной тетради №7, так до конца не поверив в предсказание судьбы...

Исповедь грешника

Мы оказались с ним в одной палате института сердечно-сосудистой патологии по воле случая. Был он лет сорока, может быть, чуть больше, но почему-то седой. Выше среднего роста, с весом, чуть превышающим норму, но не тучный, он походил больше на потерявшего форму спортсмена. Смотрел усталым мудрым взглядом человек, немало повидавшего в своей жизни и столько же раздумывающего над ней. За то время, что мы были вместе, у него дважды случались приступы, отчего он внезапно начинал задыхаться, губы покрывались синей дымкой, видно, сидела в его сердце какая-то заковыка, что мешала ему нормально жить. Однако его тут же окружали врачи, быстро уносили из палаты, но через некоторое время возвращали на место, не решаясь, за ненадобностью в данном случае, на операцию.

На этот раз, обратив внимание на исписанные листы на моей тумбочке, он неожиданно спросил:

– Вижу, всё молчите, думаете и пишете – вы, наверное, писатель?

Кивком я удовлетворил его любопытство. Он же заёрзал на койке, оживился, удобнее подложил под бок подушку, повернулся в мою сторону и, как человек, принявший решение, спросил:

– Вы могли бы меня выслушать... я расскажу Вам свою историю?

Я перестал писать. Была в его голосе не столько просьба, сколько какое-то заклинание, что я всем своим естеством почувствовал и понял, что ему хочется выговориться, высвободиться от какой-то мучающей его тяжести. Я повернулся к нему, давая по-

нять, что готов слушать. Впервые в жизни мне пришлось быть в положении исповедника.

– Женился я, – начал он тихо, – вернее, женили меня в 18 лет. На селе в те годы кольцевали нас совсем юных. Тем более, что моя женитьба была связана с серьёзной болезнью отца, который потребовал женить единственного сына до его скорой смерти, чтобы, если позволит Бог, он ещё успел помянуть своего первого внука или, на худой конец, хотя бы внучку. Однако дед ни внука, ни внучки так и не дождался. А вот в нашей семье за десять лет прибавилось четверо мальчиков и двое девочек.

К 28 годам я превратился в преуспевающего мужчину, а моя двадцатилетняя жёнушка, окружённая оравой детей, заботами по дому, уходом за животными, работой на приусадебном участке, в скором времени превратилась в болезненную женщину с откуда-то свалившейся на неё «трясучкой», которая зачастую сваливала её в постель. Благодаря принятым мерам доктора через пару месяцев её от лихорадки избавили, однако выходила она из этого состояния с большим трудом. К этому времени мы построили себе дом и переехали жить в город.

Удача пришла ко мне неожиданно, словно Бог в очередной раз решил совершить ещё одно доброе деяние. Дело в том, что селение Саба-Нова, в котором мы жили, находилось в пяти верстах от древнего города Дербента, можно сказать, совсем рядом, и потому я твёрдо решил продолжить учёбу. После окончания восьми классов, поскольку средней школы у нас не было, стал я посещать городскую вечернюю школу, хотя ходить ежевечерне туда и обратно после работы отнимало много сил. Школа находилась рядом с городским базаром, и я, однажды проходя мимо торговых рядов, обратил внимание на вывешенный для продажи старый красивый ковёр, который после мойки блестел на солнце всеми своими красками. Поскольку у нас тоже был почти такой же старый ковёр, я как-то непроизвольно спросил продавца:

– Скажи, любезный, чем ты мыл этот ковёр?

Тот улыбнулся, вытащил из мешка коробку с порошком и показал:

– Вот этим порошком мы и мыли его, знаете, прекрасная вещь...

– А где купили?

– Вон, – он показал на соседний лоток, – там и купил, недорогой...

– Спасибо, – поблагодарил я и пошёл к лотку за порошком.

К моему счастью, подобная история повторилась, когда жена вывесила выстиранный ковёр на верёвке у дома. Заинтересовавшись увиденным, на следующий день к нам обратилась соседка с просьбой достать ей такой же порошок. Я, для проформы, ответил ей, что сделать это крайне сложно, так как порошок этот привозят один раз в месяц, и то за немалые деньги. И я назвал семикратную цену, однако соседка, к моему немалому удивлению, согласилась купить. Зная, что порошком этим заинтересуются и многие другие сельчане, поскольку на селе функционировала артель по производству ковров, я закупил на следующий день 2 ящика по 100 пачек и в течение недели заработал целое состояние.

На заработанные деньги я стал покупать в городе дефицитные товары и перепродавать их в селе. Доходы росли, и в скором времени я, набрав людей, создал в городе свою торговую фирму, которая приносила мне немалую прибыль. Теперь я стал носить импортные костюмы, красивые рубашки, итальянскую обувь. На меня стали заглядываться, говорили, что я стал похож на артиста кино. После окончания школы я поступил в один из коммерческих институтов, которых в последние годы в нашем маленьком городе стало больше, чем вузов в Москве, и за каких-нибудь три-четыре года получил диплом о высшем образовании.

Как-то раз я по делам бизнеса оказался в страховой компании. Обслуживала меня миловидная молодая женщина, которая очаровала меня не только своей обходительностью, но и прекрасным знанием дела. За то время, пока она занималась моими вопросами, я сбегал в магазин и принёс ей презент – коробку вкусных шоколадных конфет. Она сперва растерялась, но потом доброжелательно улыбнулась и поблагодарила. В следующий раз я снова принёс ей конфеты и редкую ажурную шёлковую косынку в миниатюрной упаковке.

– Что это? – спросила она удивлённо.

– Пустяк, – улыбнулся я, – но, думаю, вам понравится...

– Зачем вы это? – заметила она, и губа её дернулась. – Мне, право, не удобно...

– Извините меня, пожалуйста, – сказал я скромно, – но мне хочется сделать вам что-то приятное... Кстати, вы могли бы сказать, как вас зовут?

Она оценивающе посмотрела на меня, потом не то недовольно, не то непонимающе покрутила головой и сказала:

– Право, не знаю... зачем вам... ну, Гюльнара...

Хотя никакого недовольства она не высказала, но я ушёл от неё словно ошпаренный. С каждым днём Гюльнара нравилась мне всё больше, меня тянуло к ней, и я стал приходить к ней снова и снова. Через некоторое время мне удалось выпытать у неё день рождения, и я принёс ей в этот день букет благоухающих роз, шампанское и конфеты. От неожиданности она словно расцвела, красивой улыбкой украсилось её лицо, и, приняв мои подарки, она тихо произнесла:

– Спасибо... что вы со мной делаете, Башир? – впервые назвала она меня по имени.

При следующем моём появлении в дверях конторы работница окликнула её:

– Гюльнара, твой ухажёр пришёл.

Она смутилась, как-то вся съёжилась, встала со своего места, вышла за перегородку и, подойдя ко мне, твёрдо сказала:

– Я вас прошу, Башир, мне, конечно, приятно ваше внимание, но больше сюда без дела не ходите. До свидания, – она протянула мне руку, пожала мою и положила мне в ладонь кусочек бумаги.

Я сперва растерялся, покраснел, но потом сообразил и, не чувствуя под собой ног, как мальчишка, опустил голову, повернулся и ушёл. Хотя было мне уже под тридцать и занимался я делом, весьма далёким от скромности, всё же сельская закваска давала о себе знать, и я всё ещё не потерял способность краснеть.

На бумажке, которую она положила мне в ладонь, был записан номер её рабочего телефона. Однако целую неделю я не решался ей позвонить, хотя моя душа тосковала без её милого взгляда и нежного певучего голоса.

– Это я, – произнёс я, позвонив ей в середине дня.

– Да, я поняла, – ответила она обрадовано, – чего так долго не звонил?

– Не решался никак, – признался я и неожиданно решил. – Гюльнара, могли бы мы сегодня после работы встретиться?

– Когда и где? – сразу ответила она обрывисто, словно ждала этого вопроса.

– Где и когда тебе удобно, – предложил я ей на выбор.

– Хорошо, – она на секунду задумалась, – в семь у памятника Бакинским комиссарам.

– Отлично, я буду ждать! – окрылённый, ответил я и задумался над тем, куда её пригласить. Потом решил не торопить события и оставить этот вопрос на её усмотрение.

Надо ли говорить, что мечты уносили меня на такие высоты, на какие я никогда не рассчитывал. Я стал подумывать над тем, что было бы хорошо, если бы мне удалось отремонтировать свой первый офис – небольшую двухкомнатную квартиру, где мы бы могли в дальнейшем встречаться, ибо эта женщина, захватившая все мои чувства и помыслы, стала для меня смыслом жизни.

– Здравствуйте, Башир! – сказала она неожиданно, появившись не с той стороны, откуда я её ждал.

– О, Гюльнара, здравствуйте! – обрадовался я и пожал её маленькую, нежную руку. – Куда пойдём?

– Куда хочешь, – согласно произнесла она в ответ. – Только не туда, где много людей...

– Пойдём в ресторан, там уютно и людей мало, – предложил я, и она согласилась.

В ресторане было безлюдно, из репродуктора негромко лилась танцевальная музыка. В этот вечер она рассказала мне о себе: три года назад ушла от мужа, который считал, что детей у них нет только по вине жены, мол, она словно бесплодное дерево. Но на самом деле не она была повинна в этом, а он сам. Однако муж донимал её своими оскорбительными речами, и она не выдержала. Жили они в горном ауле, где от несчастного случая умерли её родители и где её больше ничто не удерживало. Здесь, в городе, она, с высшим экономическим образованием, устроилась на работу и живёт у тёти в двухкомнатной квартире. Два или три раза приезжал муж и уговаривал вернуться. Но не уговорил. За всё это время она никаких знакомств с мужчинами не завела. Обо всём этом она рассказывала не торопясь, как на духу. При этом поглядывала на меня своими красивыми карими глазами, изредка опуская голову.

Когда молчание затянулось, я предложил ей потанцевать.

– Ой, Башир, – тихо воскликнула она, вставая мне на встречу, – тысячу лет не танцевала...

«Ха, – с грустью подумал я над её словами, – а что делать мне, если я вообще не умею танцевать...»

Однако, не говоря ни слова, я с нежностью взял её протянутые красивые руки, чуть притянул её к себе и стал имитировать танцевальные движения. Она терпеливо старалась попасть в такт моим па, потом подняла голову и, улыбнувшись своей очаровательной улыбкой, спросила:

– Что, никогда не танцевал?..

– Нет, – признался я и остановился, прижав её милую головку с пышной копной каштановых волос к своим губам. От них исходил редкий аромат горных абрикосов, и я невольно потянулся к её милому носику и поцеловал его.

Она мягко отстранилась и, не сказав ни слова, медленно, будто с неохотой, пошла к нашему столику, села и, уперев лицо в ладони, задумалась.

– Прости меня, если... – попытался я извиниться.

– Знаешь, Башир, я не ханжа, не лишена нормальных человеческих чувств, но и не легкодоступная женщина. Не скрою, мне приятно твоё общество, хотя знаем мы друг друга без году неделя. Прошу тебя, не торопи события, мне очень важно пройти через какую-то грань, а до этого ещё не дошло... – взгляд её был влажный, наполненный какой-то тайной болью.

Я понял, что так хорошо начавшийся вечер потерял свою теплоту, непосредственность. Она пригубила бокал с вином, ещё раз ожидающе посмотрела на меня и предложила:

– Может, пойдём, погуляем?

– С радостью, – согласился я и предложил ей руку, чтобы провести к выходу.

Честно говоря, я был озадачен. Если на такой незначительный шаг, как поцелуй в нос, она так отреагировала, думал я, что тогда может случиться, если я проявлю свои чувства более эмоционально? Не лучше ли остановиться теперь, провести её к дому и на этом всё закончить, оставить её в покое? Тем более, я в последнее время запустил свои дела, всё перепоручил своему заместителю, а парень он ушлый... «Не верь тому, кто пьёт молоко» – гласит народная пословица, а человек – первый среди них. Нет, нет, успокоил я себя, этот парень со мной с первых дней нашего бизнеса, и у меня нет оснований для таких выводов... Кроме того, во мне с каждым днём всё больше загорался охотник, и охота ещё не завершена, этот милый и нежный зверёк должен попасть в мои сети. Ну а то, что она с норовом и приручить её нелегко, что ж,

наберёмся терпения, пусть созреет, мне легче, чем ей, у меня под боком жена. Осаду будем продолжать и дальше – и не такие крепости пали! Эти крамольные мысли не покидали меня, придавая новые силы. К этому времени я закончил ремонт бывшего офиса, завёз мебель, купил пару немецких ковров, короче, этот райский уголок ждал своих птичек.

Так в раздумьях мы подошли к её дому, и я мысленно дал себе слово ни движением, ни словом не дать ей в дальнейшем повод для нового недовольства.

– Ты обиделся? – взглянув на меня своими лучистыми глазами, спросила она. – Всю дорогу не проронил ни слова.

– Нет, нет, Гюльнарочка, – заверил я её, – я с сожалением думал о том, что время быстротечно, мы так мало бываем вместе... Кстати, меня завтра пригласили к друзьям на вечеринку. Ты бы пошла?

Она задумалась, видно было, что ей нелегко было принять решение, но затем, взяв меня за локоть и посмотрев прямо в глаза, решительно спросила:

– Ты этого хочешь, Башир?

– Раз приглашаю, значит, хочу, – ответил я, не отводя от неё взгляда.

– Хорошо, я пойду, только когда и где встречаемся? И на час позже, чем сегодня, можно?

– Если тебе удобно, там же в восемь...

– Хорошо, – она подала мне руку и тепло попрощалась.

Дача одного из моих друзей располагалась на берегу Каспия и была большой, богатой, выше всяких похвал. Нас было четыре пары, а моя милая Гюльнара, в отличие от трёх кокетливых девиц, видимо, не раз бывавших здесь и знавших, для чего их сюда привезли, вела себя весьма раскованно... Мы с ней танцевали, пили вкусное красное сухое вино, ели шашлыки из осетрины, баранины и индюшек, которые готовились тут же искусными шашлычниками.

Мы снова все вместе пошли танцевать, потом сели за стол, говорили тосты, и один из моих друзей, хозяин дачи, поднял тост за Гюльнару, сравнив её с цветком гранатового дерева. Он же пригласил её на танец, однако Гюльнара, прежде чем ответить на приглашение, вопросительно взглянула на меня и только тогда пошла танцевать, когда получила моё молчаливое согласие. Я же,

кроме неё, в этот вечер ни с кем не танцевал. Мои подвыпившие друзья то и дело уходили с девицами в соседние комнаты, откуда возвращались посвежевшие, словно принявшие душ, и удовлетворённые. Позднее я узнал, что при каждой комнате отдыха здесь были устроены ванны.

Уже к одиннадцати часам ночи море совершенно успокоилось, и я предложил Гюльнаре пойти искупаться, тем более что берег был виден в двадцати шагах, где в свете яркой летней луны шелестел прилив.

– Я бы с удовольствием, – ответила она с радостью, – да вот купальник не захватила...

– Это и понятно, но я ведь знал, куда едем, – ответил я, – взял с собой новый купальник, по-моему, тебе подойдёт... – пошёл к своей машине и принёс ей кулёк.

– Ой, Башир, какой ты молодец! – похвалила она меня и призналась. – Правда, я никогда ночью в море не купалась... Но я сейчас, мигом... – она отошла от меня куда-то в темноту и через несколько минут вернулась в купальнике, с кульком, в котором была собрана её одежда, в одной руке и босоножками – в другой. Я быстро положил её и свои вещи в машину, и мы побежали к морю. Вода была настолько приятная, освежающая, что выходить из неё не хотелось. Луна освещала её улыбающееся лицо, и она была так привлекательна, что я готов был взять её в охапку и отнести в дом, чтобы предаться там ослепительному чувству любви.

– Башир, ты, пожалуйста, далеко не отходи, я боюсь... – попросила она, – и ещё... нам пора возвращаться домой, а то загуляла я... вторую ночь...

– Я бы... – хотел признаться я, что не только не отходил бы от неё, но и не выпускал бы из своих объятий, но сдержался.

Мы быстро оделись, и я, попрощавшись с друзьями, покатил машину в город. Подъезжая к её дому, она попросила остановиться, вышла из машины, нежно взяла мою руку и тихо произнесла:

– Спасибо тебе... за эту чудесную ночь, я вспомнила свои счастливые студенческие годы, когда мы, после занятий, бегали на море... Спокойной ночи... – и побежала к дому.

Через день, подняв трубку телефона и услышав: «Это я...», с радостью сказала:

– Ой, Башир, я ждала твоего звонка, хотела уже сама позвонить.

– Что-нибудь случилось?

– Нет, нет, – ответила она тут же, – ты сегодня вечером не занят?

– Для тебя, Гюльнарочка, я всегда свободен, – заверил я её.

– Сегодня день рождения моей любимой студенческой подруги, Аминат, ты пойдёшь со мной? – она ожидающе замерла, видно, ей было очень важно, чтобы я пошёл сегодня с ней.

– Конечно, пойду, Гюльнара, – не заставив её долго ждать, ответил я, – когда встречаемся?

– В семь, там же, – ответила она, успокоившись, – спасибо тебе...

– Да, Гюльнара, подарка не бери, я возьму цветы и подарок, но... как она выглядит?

– Примерно так же, как и я, но сантиметров на пять ниже, но ты ничего кроме цветов не бери, у меня есть хорошие духи, я их возьму.

– Нет, Гюльнара, пожалуйста, не делай этого, для меня же это пустяк. Подарок за мной, хорошо?

– Хорошо, что с тобой поделаешь...

– Я буду вовремя!

Она была счастлива: смеялась, танцевала, помогала Аминат накрывать на стол. Движения её были уверенными, в то же время женственными, и сама она была похожа на распустившийся цветок. Подруги, окружив её со всех сторон, шушукались, а потом дружно смеялись, отчего она заливалась краской и становилась ещё красивей.

– Ты знаешь, Башир, – говорила она мне на ухо, – мои подруги восхищаются тобой и спрашивают, кто я тебе...

– И что же?

– Я молчу, и их это приводит в ещё больший восторг...

– Я же вижу только твои спелые вкусные губы.... – отвечаю я ей и закрываю глаза.

– Ты хочешь меня поцеловать? – неожиданно спрашивает она и тянет меня в другую комнату.

На мой порыв она закинула свои нежные руки мне за голову, и я с жаром приник к её трепещущим губам. Не помню, сколько длился этот незабываемый поцелуй, но ощущение её трепетного, жаждущего тела возбудило всё моё естество, и я, забывшись, был готов пойти ещё дальше, если бы она нежно не оттолкнула меня от себя и не произнесла:

– Мы с тобой сошли с ума, дорогой... – и, стоя у зеркала, стала поправлять свою причёску.

Мужья её подруг оказались людьми незаурядными, весьма интересными, с которыми, как выяснилось, можно было поговорить по широкому кругу вопросов: от оросительных каналов древних шумеров до лимонов, выращиваемых в теплице одного из них. Поскольку последние годы я увлёкся чтением разнообразных книг, я тоже внёс в беседу свою долю интереса, рассказав о Бермудском треугольнике и причинах происходивших там катастроф, из чего они сделали вывод, что я инженер или механик и работаю на функционирующем в городе военном заводе.

Мы перезнакомились и решили через женщин не терять друг друга из вида, и, по возможности, чаще встречаться...

– Платье, которое ты подарил Аминат, привело её в неописуемый восторг, – рассказывала мне Гюльнара по дороге домой, – зачем было делать такой дорогой подарок, Башир?

– Честно говоря, я о цене не думал, – признался я ей, – мне хотелось, чтобы твой подарок был лучшим...

– Спасибо тебе, я сегодня действительно была счастлива, только... – она замолкла и уставилась в смотровое стекло.

– Что такое, Гюльнарочка?

Она решила, видно, уйти от прямого разговора, который когда-то должен был состояться, и сказала совсем другое:

– Только время нашего пребывания вместе приходит к концу, мы подъезжаем к дому...

– Я тебе говорил, что у меня есть отдельная квартира, – предложил я ей, – поедem туда, если хочешь?

– Нет, Башир, сегодня я не готова, – ответила она задумчиво и, когда я остановил машину, прижалась головой к моему плечу, дождалась моего поцелуя и, нехотя оторвавшись, вышла из машины и пошла к дому.

Теперь мы встречались чаще, иногда – чтобы повидаться и тут же расстаться, в другой раз – чтобы погулять часик-другой, а порой – чтобы сходить в один и тот же ресторан, чтобы потанцевать и выпить бокал вина или шампанского.

Однажды она попросила поехать с ней в Сиазань – городок в Азербайджане, расположенный в 100 км от Дербента, в окрестностях которого забил родник лечебной воды для почечных больных. Вода эта понадобилась ей для больной тётки, и я с удовольствием согласился сопроводить её и прихватил с собой, кроме канистры для воды, одеяло, провизию и бутылку вина. У родни-

ка мы заняли очередь, поскольку желающих попить этой живой влаги оказалось много, а дебет воды в нём был незначительным. Подсчитав, когда примерно подойдёт наша очередь, мы отъехали с ней к небольшому лесочку, расстелили одеяло, положили рядом плетёную корзину с провизией и стали неторопливо раскладывать на скатерти вино и продукты.

Ели мы большей частью молча, смакуя вкусные чебуреки, купленные полчаса назад по дороге, сочные огурцы, помидоры и зелень, удивительный овечий сыр, который как нельзя лучше соответствовал прекрасному вину. Она с удовольствием выпила стакан вина и легла спиной между моих ног, положив голову мне на грудь. Никто из нас не хотел нарушать эти минуты блаженства, однако я, боясь не выдержать и испортить всё и, главное то, ради чего приехали, нагнул голову к её прекрасному лицу, поцеловал её и тихо шепнул на ухо, что, наверное, наша очередь подошла, и нам надо торопиться к роднику. Нехотя она встала, мы вместе собрали вещи и в самый раз успели к очереди.

Набрав воды, мы двинулись в обратный путь. Говорить не хотелось ни ей, ни мне, видно, каждого из нас одолевали думы о непонятности наших отношений, их нескладности. Когда мы подъехали, она неожиданно спросила меня:

– Скажи мне, Башир, как ты понимаешь наши отношения?

– Наверное, приятельские, – схитрил я.

– А какими бывают отношения любовников? – спросила она, взглянув мне прямо в глаза.

– Это когда мужчина и женщина хотят и занимаются любовью, – ответил я, не отводя взгляда.

– А ты меня разве не хочешь любить? – её вопрос был для меня настолько неожиданным, что я вначале на несколько секунд растерялся, но тут же пришёл в себя и горячо ответил:

– Ещё как хочу, родная! Мечтаю, жажду любви с тобой, если только ты сама этого хочешь?!

«Вот теперь она созрела», – подумал я и пригласил её в свою тайную квартиру.

– Завтра, – ответила она, – я приеду к тебе сама, где-то к восьми вечера...

И действительно, она приехала, как невеста, вся светилась и не скрывала своей радости. Подошла ко мне ближе, протянула руки, и второй раз, за всё время наших отношений, мы обняли друг

друга, и наши губы слились. Её нижнее бельё возбуждало своим нежным шёлком и белыми кружевами. Вся она податливая, настолько женственная, что я, не сдерживая себя, ласкал и целовал её глаза, губы, нежные шею и груди. Она вся трепетала и отдавалась мне вся без остатка. Мы любили друг друга неистово, с жадностью, как добравшийся, наконец, до источника путник в пустыне.

Так продолжалось несколько месяцев. Я понял, что Гюльнара заняла в моей жизни особое место, что, когда я её некоторое время не вижу, я её ищу, не могу без неё, что полюбил её всем сердцем. Из охотника я превратился теперь в того, за кем охотятся. Я решил, что она стала моей любимой, желанной, без которой я не мыслил своё будущее.

Однако человек предполагает, а Бог – располагает. В моей жизни произошло событие, которое перевернуло её вверх дном – я, благодаря своему коварному заместителю, разорился. Я предполагал, что такое возможно, но никак не думал, что масштабы его преступления будут выше всех допустимых пределов, что его прикрытая показным доброжелательством злонамеренность погубит меня окончательно. Украд всю наличность из кассы и сняв со всех счетов в банке все суммы вкладов, он за три дня до того, как я спохватился, сбежал в неизвестном направлении. Все мои попытки разыскать его даже с помощью детективов не дали результатов. Дело осложнилось ещё и тем, что на меня легли большие налоговые платежи, которые, по неизвестным мне причинам, не были уплачены за полгода, и теперь надо было уплатить со штрафами. Ко всему этому прибавились долги за аренду помещений, невозвращённые кредиты и даже страховые платежи. Мне было обидно и больно за подлость и измену негодяя в личине друга, но я не плакал. Вы, наверное, знаете, что мужчины-горцы почти не плачут.

Пришлось в срочном порядке продать с такой любовью отремонтированную квартиру, автомашину, а также остатки товаров в магазинах. Только таким путём мне удалось покрыть долги и остаться без всяких средств к существованию. Надо ли говорить, что, занятый решением своих проблем, я забывал о назначенной встрече с Гюльнаррой, обещал и не выполнял данного ей обещания, а потом вообще перестал звонить и не отвечал на её звонки, хотя она очень хотела узнать о моей беде.

Однажды она пришла, нет, прибежала ко мне в офис, прибежала, забыв обо всём на свете: о попоранной женской гордости,

об обиде, которую я наносил ей тем, что не отвечал на звонки и не приходил на назначенные встречи, об адатах нашего народа, не позволяющих женщине-горянке посещать женатого мужчину прилюдно, в общественном месте. Прекрасные глаза её были влажны, взволнованно она бросилась мне навстречу, взяла мои руки в свои и стала просить поделиться с ней навалившейся на меня бедой, не отдаляться от неё, не замыкаться в себе и, изъясв из сумки увесистый пакет, протянула мне, предложив свои сбережения и драгоценности, чтобы я мог покрыть долги. Однако... я был глух, не услышал её, не увидел её отчаяния, а вместо этого виновато улыбнулся и вежливо отказался от её предложения, заверив, что всё скоро утрясётся. Я считал, что мужчина сам должен решать свои проблемы. Она вдруг вздрогнула, будто её ударили, с укоризной и какой-то тайной болью взглянула на меня и, опустив голову, не поворачиваясь, ушла.

Всё это время, пока я решал свои дела, думал, что она сейчас – не главное, что она подождёт, что она, несмотря на мою невнимательность в данный момент, потом всё поймёт.

Так я считал. Однако, когда я через три месяца после описываемых событий пришёл к ней на работу и спросил о ней, не застав на месте, одна из работниц ответила, что Гюльнара неделю назад рассчиталась и вернулась в аул, к мужу.

Я вздрогнул, словно выпущенная кем-то шальная пуля нашла, наконец, свою цель. Устало, понуро опустил голову и медленно, чуть пошатываясь, покинул помещёние. Из моих глаз лились слезы. Нет, я оплакивал не потерянное богатство, чёрт с ним, думал я, богатство можно и нажить...

В конце концов, так и случилось. Впоследствии некоторую часть украденных денежных средств нашли аж в Саратове, мой друг-банкир нашёл их и причислил на мой счёт, а вот...

Рассказчик умолк и ненадолго задумался.

– Всё вот так и было, – заключил он и добавил, – и если вам показалось, что я ищу себе оправдания и виню в этой карусели обстоятельства, нет, поверьте мне, я виню только самого себя... Что же касается любви... любовь – это дар свыше, это божественный подарок, который даётся каждому лишь один раз. И если человек не сумел им распорядиться, не дал ему должную оценку, не сумел сберечь, сохранить на всю жизнь, то, как и всё другое в этом мире, он теряется...

СЛОВАРЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН, ТЕРМИНОВ, ОБИХОДНОЙ ЛЕКСИКИ

А б а с и – серебряная монета в древнем Иране и Закавказье.

А в д а л (*там.*) – в давние времена так называли отшельников, а в настоящее время – неряшливых, неухоженных людей, по каким-либо причинам сторонящихся общения с другими, любящих одиночество и т. д. Иногда это прозвище становится нарицательным.

А д а т – обычное право, совокупность обычаев, которыми руководствуются народы Кавказа и Средней Азии в своей повседневной жизни.

А д а т ы ш а р и а т а – свод мусульманских религиозных и бытовых правил, превратившихся в обычаи, которыми руководствуются народы Кавказа.

А з а н – утренний и вечерний призыв муэдзина к молитве.

А к с а к а л – седой почтенный старик.

А л б а н и я (Кавказская) – древнее государство союза (в т. ч. каспийских) племен в Восточном Закавказье

А л б и с (*там.*) – дьявол, сатана, нечистая сила.

А л ь ч и к и – бабки, мелкие бараньи косточки, которыми играют горские дети.

А р б а – двух- или четырехколесная телега на Кавказе.

А р а б а ч и – тот, кто управляет арбой.

А т а – отец.

А ш у г – певец, поэт.

Б а л х – богатая провинция древнего Афганистана.

Б а х ч а – огород.

Б е к – властитель, господин. В средние века у народов Закавказья и Дагестана – феодал-землевладелец.

Б е ш – лесной хворост.

Б е ш ч и (*там.*) – тот, кто собирает хворост.

Б е ш м е т – верхняя распашная мужская одежда из сукна, в талии собирается в складки и подпоясывается.

Б и ж (*там.*) – незаконнорожденный ребенок, т. е. рожденный вне брака.

Б о г б о н (*там.*) – садовод.

Б у х а р с к а я п а п а х а – шапка из шкурок бухарского каракуля, особенно ценящаяся в Дагестане.

Б у с т а н – огород.

В а т а н – Родина.

В а х – возглас удивления.

В е к и л ь – высший сановник, своего рода левая рука падишаха, второй министр.

В е л и к и е г о р ы – так в древности называли Кавказские горы.
В и з и р ь – высший сановник, своего рода правая рука падишаха, первый министр.

В и л а й е т – в простонародье: страна, применяется в основном тогда, когда речь заходит о других странах.

«Вот уже и крепость видна...» – в верхней части города Дербента, который расположен меж отрогами Кавказских гор и Каспийским морем, стоит крепость «Нарын-кала», построенная Сасанидами – царями Персии.

Г а ч а г – разбойник.

Г о б о – старинное женское платье с коротким рукавом и широким поясом, униженным монетами.

Г о в о л (чувал) – большой мешок.

Г о д е к а н – центральная площадь у народов Кавказа, место общинного схода в ауле.

Г о р я н к а – женщина в горах.

Г у н н ы – кочевой народ, обитавший с IV века в Прикаспийских степях, часто совершал набеги на юго-западные страны.

Г ь э р э т е п е – чёрная гора.

Д е р х е м – бытует мнение, что помимо арабской серебряной монеты в Иране были еще и золотые.

Д е р в и ш – странствующий монах у мусульман, давший обет бедности. В народе дервишей называют мудрецами.

Д ж а л г а н с к а я г о р а – одна из вершин отрогов Кавказа в нескольких верстах к югу от Дербента, получившая название от одноименного села, расположенного на ней, или наоборот.

Д ж и г и т – сильный, мужественный, в основном, молодой мужчина или юноша.

Д о с т а н – рукописная книга.

Д у в а л – забор дома в кишлаке, в ауле.

Д у ш м а н – враг, неприятель, противник.

Д у ш п а р а – пельмени по-горски.

Д у х а н – корчма, столовая, харчевня.

Е н г е – свидетель (-ница) целомудренности невесты в брачную ночь.

Ж е л е з н ы е в о р о т а – так переводится с персидского название города Дербента (дер – «дверь», бенд – «обруч», «замок» и т. д.).

«Ж и т ь д о ц в е т е н и я к а м н е й...» – имеется в виду, что жизнь не бесконечна.

Ж у у д – от слова «иуд», «яуд» – иудей.

Ж у у р и – еврейский язык.

З а х р и м а н – нечто схожее со словом «яд», употребляется в основном в случаях, когда речь идет о водке и вине.

И в р и т – язык древних евреев, на котором говорят сегодня в Израиле.

И г л а Ш о л у м а – у татов бытует легенда о знаменитой игле Шолума – портного, покинувшего своего хозяина ради путешествий.

И с т ы б у л а г – тёплый родник.

К а б а л (Кабала) – столица древней Кавказской Албании.

К а д и й – священнослужитель у мусульман, выполнявший еще и роль судьи.

К а з а н – медный котел.

К а й ф (кейф, кайфовый и т. д.) – быть в кайфе, быть в состоянии эйфории.

К а р а в а н - с а р а й – постоянный и торговый двор в городах и на дорогах Ближнего Востока, Кавказа и Средней Азии.

К е л е б е б е (*там.*) – дословно: дедушка. Наряду со значением имени собственного приобрело еще нарицательное значение.

К е л е д е д е (*там.*) – дословно: бабушка. Впоследствии стало также нарицательным существительным.

К л а д б и щ е К и р х л я р – «Сороковник», старинное мусульманское кладбище в Дербенте, в центре которого расположена уникальная гробница, по поверью, в ней покоится Туту-бике.

«К л я н у с ь э т и м с в е т о м!» – клятва тата-иудея (отголоски зороастризма), и по сей день считающего свет, огонь и солнце высшим божеством.

К о м с о м о л ь с к и е с в а д ь б ы – проводились комсомольскими комитетами без соблюдения религиозных требований, а иногда и вопреки им.

К о р з и н а - с е в е р – плетёная корзина.

К о с а – узкая полоска суши, граничащая с морем.

К у н а к – гость. Для жителя Кавказа гость издревле считается самым почетным человеком.

К у н а ц к а я – комната для гостей.

К у н ч о л и (*там.*) – младший сын (образно говоря: вода на дне колодца), который, как правило, обзаводясь семьей, остается жить в доме отца, чтобы не оборвалась нить фамилии дома.

К у м у ь р (кюмюр) – древесный уголь.

К у т у м – каспийская рыба семейства чистиковых.

М а а ф е – носилки для покойников у мусульман.

М а й д а н – место, где в ауле собираются старики для беседы.

М а х а л а – в старину это было название квартала, в последующем – улицы.

М е р в а н – известный полководец Арабского халифата.

М и н а р е т – башня, с которой призывают мусульман к молитве.

М о л л а (мулла) – мусульманский священник.

М о р е Х а з а р с к о е – так называлось Каспийское море во времена владычества хазар.

М о р е В о с т о ч н о е – одно из названий Каспия.

М у г а н ь (муган) – муганская степь, часть Кура-Аракской низменности в Азербайджане.

М у э д з и н – служитель мечети, молла, с минарета призывающий мусульман к молитве.

М ю ш к ю р – в старину так называлась большая провинция между Азербайджаном и Дагестаном, где жили «мускуты» (как считают ученые, ира-

ноязычный народ), а в начале XX века это название сохранилось за одноименным селением в Дербентском районе, которое затем переименовано в селение Ньюди.

Намаз – молитва.

Намус – честь, совесть, репутация.

Ну кер – шахский слуга, телохранитель, воин, дружинник.

Овосуне (*там.*) – сказка.

«Он – иудей, а она – мусульманка...» – по религиозным законам иудеев и мусульман женитьба или замужество между ними считается кощунством. У мусульман нарушение этого закона строго карается родственниками вплоть до убийства женщины и мстью мужчине.

Ораг – название села в Сулейман-Стальском районе Дагестана, в прошлом проживали таты-иудеи.

Отделенческая столовая – виноградарские совхозы Дагестана делятся на отделения, а те, в свою очередь, на бригады. Речь идет о столовой для рабочих отделения.

«Отнесенный на плечах товарищей...» – в маленьких городах и селах таты по сей день, традиционно, положив покойника на нос иди, несут его на плечах до кладбища.

Падишах – титул монарха, царя в странах Ближнего и Среднего Востока.

Перс – иранец. Гонимые за передовые идеи из Ирана, часть из них после Октябрьской революции в России переселилась в Азербайджан и Дагестан. Некоторые из них успешно занимались мелкой торговлей.

Платок невинности – служит доказательством невинности невесты в брачную ночь.

«Птица счастья» – у татов этой птицей считают орла (гуш). По поверью, сохранившемуся в фольклоре, если после смерти падишаха у него не осталось наследника по мужской линии, то выпускали «птицу счастья», и того, кому она сядет на голову, избирали падишахом.

«Покойника омыли, завернули в саван, положили на специальные носилки...» – и отнесли на плечах на кладбище. Таковы традиционные правила похорон у татов.

«Потом были веселый шум, смех, стрельба в темную синеву неба и мчавшиеся к дому родителей невесты молодые вестники...» – обычно молодые люди, друзья жениха, сразу же по получении платка невинности от нег доставляют его родителям невесты, как доказательство её невинности, и начинают стрелять в небо. А родители невесты, хотя и уверены в чистоте своей дочери, всё же радуются и во всеуслышание, чтобы в ауле узнали об этом как можно больше жителей, преподносят «молодым вестникам» всевозможные подарки. Бывают, правда, очень редко, случаи, когда невеста оказывается не «невинной», и родители жениха, посадив её на осла, лицом к хвосту, отправляют обратно к родителям, при этом музыканты играют «обратный марш».

Предрик (*разг., сокращ.*) – председатель райисполкома.

П у х, п о х – на местном языке означает «нечистоты».

Р а б и (раввин) – иудейский священник.

Р а ж б е р – крестьянин.

Р а й я т – податное, зависимое от беков и ханов население.

Р о д н и к З ю м - З ю м – родник бессмертия.

С а б у р с у з (*там.*) – нетерпеливый.

С а и д – известный полководец Арабского халифата

С а р д а р – наместник.

С а р ы б у г д а – сорт великолепной пшеницы, хлеб из которой славился аппетитным запахом.

«Святое резанье животных...» – мясо из рук раввина считается чистым, святым, кошерным.

«С е б э х ь т ь э х э й р б у, х э л е ф м е!» (*там.*) – «Доброе утро, сынок!» (Слово «хэйр» дословно переводится как «добро» или «доход».)

С е в д е г е р – деловой человек, купец.

С е к а т о р – инструмент для обрезки растений.

«С х в а т и в з а к о н е ц д о с к и...» – завернутого в саван покойника, по обычаю татов, кладут в могилу прямо на землю, защитив тело перед засыпкой могилы досками или бревнами на подставках с двух сторон. В данном случае, когда Сосун, очистив могилу от земли, хотел добраться до гобо, он схватил за конец одной из досок, чтобы поднять ее.

Т а б а с а р а н е ц – представитель одной из народностей Дагестана, а табасаранки – большие мастерицы по ковроткачеству.

Т а в р и з (Тебриз) – крупный город Ирана, основан Сасанидами.

Т а н д ы р – круглая глинобитная печь с узким устьем для выпечки чурека, хлеба.

Т а р а – вид съедобной травы (трава калачики).

Т а р а ш к а – рыба тарань.

Т а т (таты) – небольшая народность, проживающая в основном в Дагестане, Азербайджане и Иране. Татский язык относится к иранской группе индоевропейской семьи языков. При сравнительно небольшом диалектном различии они делятся на иудеев, мусульман и христиан.

Т а х т а – широкий низкий диван без спинки, покрытый ковром.

Т у т о в о е д е р е в о – шелковица, тутовый шелкопряд.

Т у х у м – примерно то же самое, что род, ряд поколений, происходивших от одного предка.

«Ты что, из К а с у м к е н т а?» – селение Касумкент находится в 50 км от Дербента, естественно, сельчанин далек от городских событий. В данном случае – выражение горожанина, означающее: мол, ты что, с Луны свалился?

У с т а (*там.*) – мастер.

Ф а д и – вид лаваша.

Ф а э т о н – двухколесный конный экипаж с открывающимся верхом.

Ф и л о к с е р а – вредитель виноградников.

Х а в у з – искусственный родник.

Х а д ж – мусульмане совершают паломничество по святым местам.

Х а й в а н – край виноградного участка, где под тенью деревьев или у арыка в жаркую погоду отдыхают виноградары.

Х а з а р ы – тюркоязычный народ, образовавший в VIII–X веках мощный каганат (государство). В начале своего господства по своему могуществу не уступал ни Арабскому халифату, ни Византийской империи.

Х а л в а ч и – мастер по изготовлению халвы.

Х а н у м – уважительное обращение к женщине.

Х а н д ж а л м а х и н с к а я г о р а – возвышенность близ села Ханджалмахи.

Х а р а м з а д е – нечестивец, негодник, паршивец.

Х и н к а л – дагестанское блюдо: суп из баранины с добавлением раскатанного и разрезанного на квадратные кусочки теста.

Х о р е з м – древнее государство Средней Азии с центром в низовьях Амударьи.

Х у д о (*там.*) – Бог.

Х у р д ж и н – наплечная дорожная сумка, своего рода вещевой и пищевой мешок.

Х э л е ф м е (*там.*) – сын мой.

Х ю м , х у ъ м (*там.*) – глиняный сосуд для хранения вина.

Ч а й х а н а – чайная.

Ч а н а х (*там.*) – плоский деревянный поднос.

«Черной сажой покрыл свою одежду, лицо и руки...» – у т а т о в , как и у других народов Востока, существовал обычай: в знак траура обсыпать себя золой или садиться на золу у холодного камина.

«Чтоб без бороды он остался...» – т. е. покрыл себя позором.

Ч о х о (-а) (или чухо) – вид черески со стоячим воротником, рукавами до локтя; подпоясывается кушаком.

Ч у р е к – круглый хлеб, выпекаемый в тандыре.

«Ч у ъ х э б е р и?» (*там.*) – Как дела? Как живешь?

Ш а м а й к а – вид каспийской рыбы.

Ш а ф р а н – ароматные желтые яблоки, цвет шафрана – желтый.

Ш а х з а д е – сын падишаха, принц.

Ш е м е й Н ю г д и н е ц – действительный случай, который произошел в селении Мюшкюр.

Ш и р в а н – историческая область и феодальное государство в Азербайджане. Одно время была провинцией Ирана.

Ш у р и н с к и е в о р о т а – северные ворота Дербента, через которые осуществлялся в старину выезд в сторону Темирхан-Шуры – столицы Дагестана.

Э к б а т а н – древнегреческое название города Хамадан в Иране.

Э р ш е ф и – старинная иранская золотая монета.

Я т а г а н – рубящее и колющее оружие у народов Ближнего и Среднего Востока.

Я х в е – Бог евреев.

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько слов о книге.

Алиев Н.И. 5

ПРИТЧИ

Тайна 7

Болезнь 12

Окровавленный мешок 16

Лекарь 20

Встреча 26

Рыбачка 35

Чума 39

Платочек 44

Волчий пир 50

Долг платежом красен 54

Шахский плов 59

Коварный бек 64

Истина 69

Кошка есть кошка 71

Цена слова 73

Садовая пила 79

Свадебный выстрел 81

Краснокожая груша 84

Беглянка 88

Шелбет смеётся 91

Синяя коса 95

Язык мой – враг мой 98

Открытие 106

Вдовушка 108

Белый дом 110

Чемодан 113

Кислое молоко 116

Мельница 118

Сельский Хемингуэй 120

Секрет долголетия 124

Эффект бумеранга 128

Смерть Адильшаха 133

Маафе 141

Твой папа на зурне играл? .. 143

Забывчивый 147

Согласие 149

По заслугам 153

Игра 156

Вечный зов 159

Движущая сила 162

Конфликт 165

Посох 169

Сторож 173

Всё ли от дьявола? 176

Инициатива 178

Приматы 181

Серебряные монеты 184

Урок у перекладкины 189

Цена потери 193

Кислица 195

О любви 198

Кража 201

Что посеешь, то и... 204

В чём смысл водоворота 208

Раздумья всадника 211

Об осле и верблюде 215

МАЛЕНЬКИЕ ПОВЕСТИ

Полонез любви 222

Трое в море 237

Тайна тетради №7 250

Исповедь грешника 260

*Словарь собственных имен,
терминов,
обиходной лексики. 273*

Литературно-художественное издание

Михаил Борисович Дадашев

И ОТ СМЕХА ИНОГДА БОЛИТ СЕРДЦЕ...

Притчи

Технический редактор – М. Виноградова

Корректор – Е. Макалец

Оформление – С. Толокнин

Компьютерная вёрстка – Е. Новикова

УДК 82-3

ББК 84 (2Рос=Рус) 6,44

Д14

Дадашев Михаил

И от смеха иногда болит сердце... Притчи.

М.: ИПО «У Никитских ворот», 2013. – 280 с.

ISBN 978-5-91366-634-5

© Дадашев М.Б., 2013

© Оформление ИПО «У Никитских ворот», 2013

Подписано в печать 09.04.2013

Формат 70х100/16

Гарнитура Georgia

Печать офсетная

Бумага мелованная

Тираж 1000 экз. Заказ 2482.

Усл. печ. л. 17,5

ИПО «У Никитских ворот»

121069, г. Москва, ул. Большая Никитская, д. 50/5,

тел.: 690-67-19

www.uniki.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

www.oaomprk.ru, www.oaomprk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-91366-634-5

9 785913 666345

